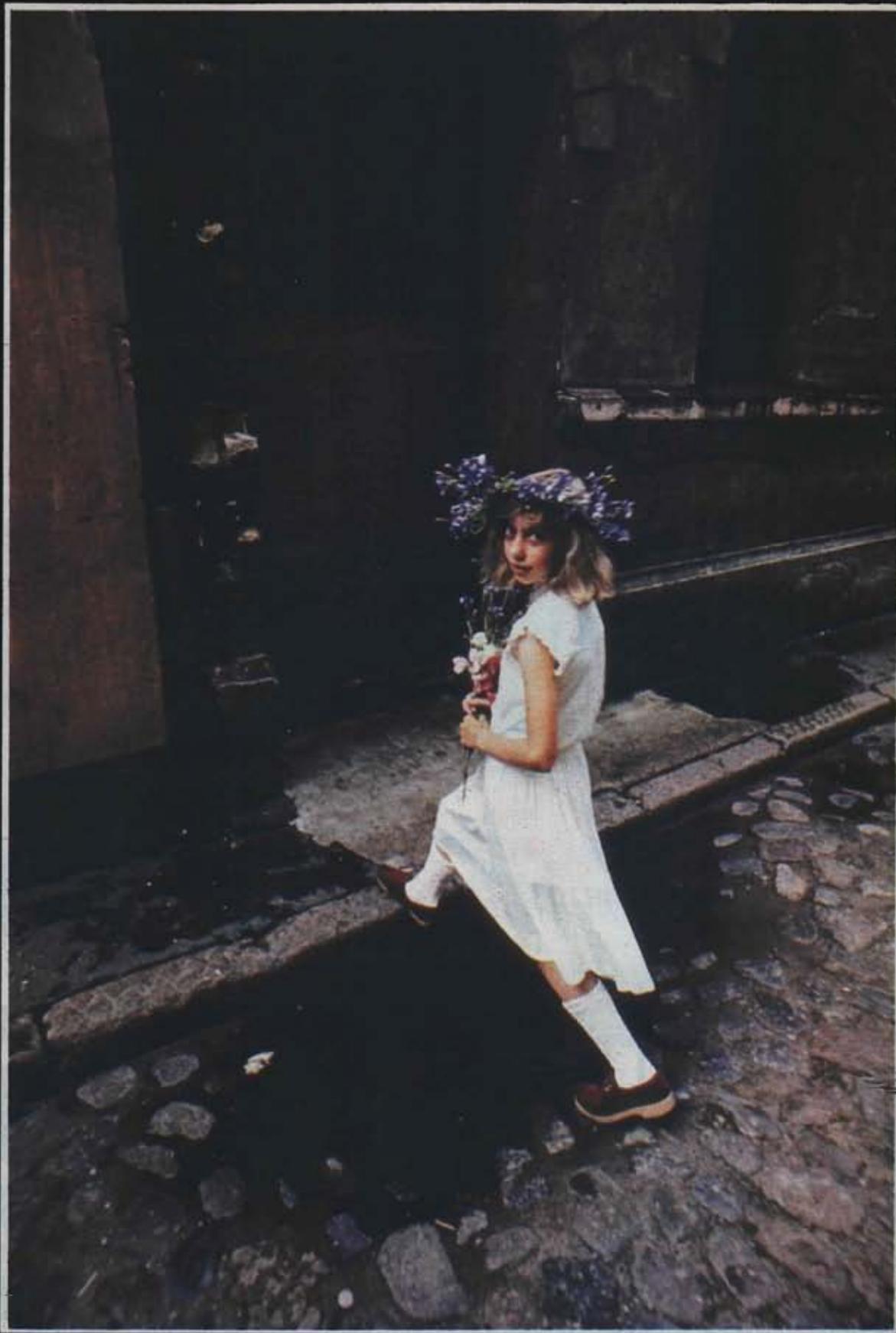

СТОДНЯ

22

ISSN 0131-6656

Фотоэтюд Владимира Отлобина

Стодневная война. Экскурс в историю

Ноль один: без медных труб

Рассказ Роберта Шекли «Предел желаний»

Александр Солженицын: Противостояние

«Друг, оставь покурить!» Табачный бум

БЕСПЛАТНЫЙ СУП

Он, конечно, имеет вполне реальную цену — 23 копейки. Столько же — две котлетки; четыре копейки — гарнир (гречневая каша — «размазня»); три — чай; булочка — тоже три копейки; четыре — хлеб. Итого — 60 копеек.

Обед неимущего, одинокого старика, бесприютных мальчишек и девчонок, чьи родители лишены человеческого облика. Оплачен фондом «Милосердие» районного комитета Общества Красного Креста. В нашем случае это Люблинский район столицы.

Валерий ГУРИНОВИЧ

Время нынешнее вернуло в обиход наш, казалось бы, напрочь забытые слова: благотворительность, сострадание, филантропия. И слова из иного ряда — нищета, убогость, подаяние...

Присыпаясь затемно по старицкой привычке, он перебирает в уме прошлое, нащупывая там островки жизни яркой, уверенной. И, как ни странно, это все больше дни жестокие — те, что и душу, и тело ломали. Гражданская война, 16-я кавдивизия, врангелевский фронт... Мерзлая земля Подмосковья — он долбил ее, зарываясь глубину, чтобы жечь фашистские танки...

Долгая жизнь: война, работа, снова война и снова работа. Назару Калиновичу Бартушному без малого девяносто. Он почти слеп, пенсия — 60 рублей. В бесплатную столовую ходит охотно. Но ест мало, все больше разговаривает («Меня тут любят, жалеют... А я уж и забыл, что это такое...»).

Юлия Павловна Романова — инвалид III группы. Государство положило ей ежемесячное содержание в 26 рублей. На руках больная дочь, внук шести лет.

— Нынче в школу пошел. Там-то ему хорошо — кормят...

У бывшего машиниста компрессора Владимира Максимовича Артемова пенсия — 42 рубля 77 копеек (по инвалидности). Живет в коммуналке, кроме него, там еще пятеро («А тарелку супа, как болезнь прихватит, подать некому...»).

— Из собеса? Да никто никогда не приходил. Им что — пенсию начислили, а там жив человек, помер — дело стороннее. Вот Красный Крест заботится...

Тимофею семь лет, серьезный, самостоятельный первоклассник.

— Вкусно? — спрашиваю.

— Угу-у! Тут хорошо, чай сладкий... Меня сюда тетя Женя привела... (Евгения Васильевна Тенькова — председатель районного совета многодетных матерей. — В. Г.)

Обеды подает пятнадцатилетняя «хозяйка» Лена Уварова. Она учится в вечерней школе, здесь работает по четыре часа в день. Старики зовут ее дочкой, ребятня — тетей Леной.

— Тяжело, — вздыхает она совсем по-взрослому. — Нет, не физически, я сильная. А вот настроишься — сердце болит.

Сегодня в Люблинском районе таких столовых пять. Ежедневно обедают в них 350 человек. А всего в районе одиноких стариков и старух около четырех тысяч. Восемьсот требуют постоянного присмотра и ухода. Кто ими занимается?

— Пока что только Красный Крест, — говорит председатель райкомитета Лидия Васильевна Храмеева и добавляет с горечью: — А у нас всего четырнадцать сестер милосердия и четверо санитарок...

Получают они (это уже я, читатель, добавлю) за свой тяжкий, выматывающий душу труд от 90 до 130 рублей. И... не бегут на сторону. Их стараниями, собственно, и организованы бесплатные столовые, «озаренные» нынче гласностью и светотехникой для телесъемок. Побывали здесь журналисты из ФРГ и США, об отечественных не говорю — сам не в первом десятке.

— А ведь еще пять лет назад мы о благотворительности заикнуться не могли, — продолжает председатель комитета. — У нас в стране, а уж в Москве тем паче, не было и быть не могло нищих, голодающих — они лишь

там, в «слаборазвитых»... В Красном Кресте такая установка была: чужим помогай открыто, с помпой, своим — потаенно...

«Тайное» стало явным, а что изменилось? Несколько бесплатных столовых в Москве, Казани, Ленинграде... Собираются открыть в Ростове-на-Дону. Пока все. Если сравним с достопамятным 1913-м... Уж лучше не надо! Достаточно перечитать Гиляровского, Короленко, Успенского — в ту пору «милостыня», «милосердие» было не только живым словом, но и живым делом. (Правда, Лидия Васильевна рассказала мне, что в скором времени откроется кооператив «Братство», где совместные усилия городского комитета Красного Креста и Православной церкви обретут реальное воплощение: будет в Москве первая богадельня. Как говорится, дай-то Бог и... исполком Советов.)

Я поинтересовался: а кто помог райкомитету (денегами, словом ободряющим и разрашающим) в организации столовых?

— Райисполком, конечно. Райком партии поддержал. Деньги предприятия дали, от тысячи до десяти тысяч рублей, — ответила Храмеева.

— А комсомол, общественные фонды, кооперативы?

Слабо улыбнувшись, Лидия Васильевна промолчала...

Между тем в районе, городе — сотни преуспевающих кооперативов, хозрасчетных молодежных организаций. И, уверен, не обеднели бы они, оказав помощь своим согражданам, ставшим к концу жизни нищими. А профсоюзы тех предприятий, где работали (да и не год, не два — десятилетия!) сегодняшние одинокие старики? Неужто им наплевать на участь тех, кто «крепил трудовую славу» предприятия? Выходит — наплевать. Куда же подевалась вдруг «гуманистический подход», «человеческий фактор»?

Шестирублевая кооперативная вырезка, финский сервелат в спецбуфетах... и двадцатитрехкопеечный благотворительный суп.

Стоп! К кому взываю, от кого жду ответа? К совести нашей, к душам, еще (очень надеюсь!) не оглохшим окончательно от громовых споров насчет социальной справедливости.

И снова разговариваю, вглядываясь в лица, пытаясь в каждом найти своеобразное — судьбы то разные. А вот случилось, что на закате все выровнялось, сладилось, к единому краю подведено — «за чертой бедности». И почти за чертой милосердия.

...Но, знаете, и здесь оптимизма хватает. И тарелка бесплатного супа ценится не только по общепитовской калькуляции: дорого участие людское, возможность искреннего общения тут же, за столиками, что крыты чистой скатертью и украшены незатейливыми вазочками с цветами.

...Слыши, как Назар Калинович рассказывает:

— Ночью меня прихватило, вызвал «Скорую». А они забирать не хотят. Говорят, помрешь, дед, а нам отвечай. Ты же еле дышишь... А я назло им взял да и ожил!

Р. С. Люблинскому фонду «Милосердие» помогают. И не только москвичи. Недавно переведены деньги из Уфы. Да и сами пенсионеры призывают: кто двадцать рублей, кто пять, кто десять. Добротель — желание делать добро — к счастью нашему, для народа понятие не отжившее...

И возможно, кто из читателей «Смены» захочет внести и свою лепту в благое дело, не погнушается подать неимущим. На этот случай вот адрес: открытый счет номер 700284, Люблинское отделение ПСБ г. Москвы. Редакция «Смены» перечисляет на этот счет пятьсот рублей.

ГОРИТ

РЕПОРТАЖ
С ВРУСТРАСТИЕМ

Сергей ЛИТВИНОВ
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
и Алексея КОНДРАТЬЕВА

«Спит
как пожарный» —
есть такое
присловье.
А как
в самом
деле
спится
пожарным?..

Его хоронили на родине, в Днепропетровске. На могиле встал скромный памятник: ПЕТРОВ Алексей Михайлович, 1969—1989 гг. ...Квартира дышала дымом и жаром, и двигаться можно было только ползком. Когда он выглянул из коридорчика на кухню, там взорвался газ. Спасти его было невозможно: ожоги третьей и четвертой степени... Я видел его оплавленную каску...

За семь месяцев нынешнего года в стране погиб 31 пожарный.

Простите, девушки из службы «01»: я испытывал ваше терпение. Десять раз в течение суток набирал номер и сразу же слышал спокойно-вежливый голос: «Пожарная охрана». Так и должно быть, скажет читатель. ...Но в тот же день захворала жена, и я накручивал «03»: сорок три минуты висел на телефоне, прежде чем дозвонился...

На все катастрофы — Армения, Чернобыль, газопровод в Башкирии — первыми прибывают пожарные.

...В московской службе «01» — или ЦППС УПО* — вахту ежедневно несут десять девушек: дежурная повторяет за абонентом адрес, другая тут же набирает его на телетайпе, и одновременно в одной из пожарных рот раздается оглушительный сигнал. Через минуту пожарные уже сидят в машинах, и начальник караула впрыгивает в кабину, держа листок с телетайпограммой.

Несколько суток я продежурил с московским штабом пожаротушения. В штабе — четверо. Первый — оперативный дежурный по городу (как правило, подполковник): на большом пожаре он становится РТП**. РТП — главнокомандующий, но в отличие от командующего на войне не сидит в блиндаже, а идет в самое пекло. У него рация, и он из огня определяет расстановку сил. Рядом с подполковником всегда прапорщик-связной: на пожаре нельзя работать в одиночку. Среди дежурных по городу — начальник штаба (обычно майор): во время борьбы с огнем к нему сходятся все нити управления, ему «дает советы» и в него разряжает свой гнев городское начальство. Четвертый — начальник тыла (капитан): его боевая задача — обеспечить тушение всем необходимым.

* Центральный пункт пожарной связи управлений пожарной охраны.

** РТП — руководитель тушения пожара.

Не буду называть фамилии тех, с кем дежурил: выделить одних — обидеть других. Служат здесь профессионалы высокого класса: настоящие «тушилы», как называют их в управлении. У каждого на счету не один десяток задавленных пожаров, каждый не раз лицом к лицу встречался со смертельной опасностью.

...Итак, дежуриим. Работает рация в углу.

— Район пятьдесят восьмой. Загорание мусора. 10 часов 32 минуты.

— Район тридцать третьей. Сработала сигнализация. 10 часов 38 минут.

— Район второй. Загорание электрощитка в подъезде. 10 часов 45 минут...

На загорание щитков, мусора и тому подобное в штабе обращают внимания не больше, чем на погоду за окном: это все «семечки». Каждый занят своими бумагами. А их — ох как много! Сводки, оперативные планы, рапорты, результаты проверок, описания пожаров... Первое мое впечатление: писаницы здесь больше, чем в редакции. На каждый, даже самый дохленький, пожар приходится, по-моему, не меньше килограмма бумаги. Любой проверяющий первым делом требует документы. Комбат проверяет бумаги начакара, комбриг — комбата, а начальник управления — комбира...

Я же листаю копии телефонограмм, разосланных управлением по ротам. Любопытные, я вам скажу, попадаются.

«За последнее время участились пожары в зданиях, где размещены исполкомы местных Советов народных депутатов. За истекший период 1989 года в стране зарегистрировано 18 таких пожаров, причинён ущерб на сумму 135,5 тысячи рублей...»

«... Предлагаем в сентябре и первой декаде октября текущего года

* Имеется в виду район Москвы, прикрепленный к 58-й пожарной роте.

ДЕЛО О ТАБАКЕ

Игорь КОНОНОВ,
Андрей КУЧЕРОВ

Затяжка первая

Был бодр директор фабрики «Дукат». Сначала. Он предсказал коротко и энергично. Если бы ситуация позволяла, он бы, наверное, так же коротко и энергично выругался. Но знает — пиджак, галстук... кабинет, журналисты... В общем, директор произнес сдержанно, но быстро, что, по его мнению, в близком будущем табачные изделия будут выдаваться по талонам, а отдельным гражданам (по-видимому, нервным и оттого много курящим) придется перейти на самосад...

А затем директор табачной фабрики «Дукат» Валентин Алексеевич Филипповский не бодро, не энергично, подробно и с плохо скрываемой тоской объяснил свои безрадостные предчувствия. Объяснил, приводя факты, цифры, называя суммы (денежные) и пр. и пр. — все то, что заложено в процесс изготовления небольшой набитой сигаретами пачки, той самой пачки, на которой наш предупредительный Минздрав сообщает про наше хрупкое здоровье. Впрочем, о нем и речь — о нашем хрупком советском здоровье...

Однажды кто-то не из системы Минздрава (хотя кто знает, кто знает...), но человек наверняка гуманный, не злой и вежливый, отложил в сторону топор (веревку? кувалду? ружье? мышьяк? дубину?..), снял с губы окурок и протянул его обреченному на смертную казнь человеку. Последняя затяжка смертнику! Последний прижизненный кайф! Заметьте, не глоток вина, не женину — затяжку дымом табака. То есть даже люди грубых профессий (типа революционных матросов, работников правоохранительных органов и т. п.) понимали высший смысл этого акта, что лишний раз говорит о больших различиях между человеком и, например, козлом. Но мы не о козлах, хотя и они тоже имеют отношение к системам Агропромов, в ведении которых находится «табачное дело» нашей страны. Одним словом, даже в те времена (в какие? — об этом представление у каждого свое), даже обреченным на казнь людям, даже лишенным всякой надежды людям оставляли последнее святое право — право на затяжку. Ту самую, ни с чем не сравнимую затяжку терпким, щекочущим легкие табачным дымом, которую по кайфу можно сравнить разве что с ощущениями провинциала, погодня искашившего единственным на весь индустриальный город туалет и вставшего наконец к писсуару... Помните эту головокружительную постепенность? Короче, только курильщик поймет и оценит пафос, с которым мы «песем» о табаке. И тут...

Люди лишаются табака. Лишатся той самой заветной затяжки, которую, быть может, слишком многие хотят воссать всем организмом, оказавшись один на один с перестройкой, лицом к лицу. Это, между прочим, не юмор. Это совершенно, между прочим, серьезно. Время стрессов и страстей, как сказал поэт-песенник. Время «революци-

ИЛИ ПЯТЬ НЕГЛУБОКИХ ЗАТЯЖЕК

онных преобразований нашего общества», как говорят не чужие поэтики политики. Время все новых и новых витков перестроичного обновления, пределы которого никому не известны. Дух захватывает ежедневно. Стоит открыть газету, включить телевизор или (не дай вам бог!) увидеть из окна вашего дома, как в вашем тихом дворике ранним утром в расчете на инкогнито (наивные!) играют друг с дружкой резиновыми дубинками милиционеры. Но это к слову. К слову о каждодневном стрессе. И к слову о средствах, которые помогают этот стресс снять. Табак, как гласит молва, несмотря на свою вредоносность, именно к таким средствам и относится. А его нет. Почему? Ну, почему нет ДАЖЕ табака?! Именно так хочется воскликнуть. Хоть это и голая эмоция, свойственная, как было тонко замечено, в основном амбициозным политикам от перестройки. Но тем не менее эта голая эмоция присутствует. Причем в организме. Причем в организме не очень сытого и давно курящего человека. А если подсчитать, сколько на территории СССР таких организмов, то идиоматическое выражение «душевный вопль» перестает существовать в виде голой абстракции и приобретает необходимую остроту, гласность и силу. И над землей отчетливо прогремит: «НУ ПОЧЕМУ?! НУ ПОЧЕМУ В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕТ ДАЖЕ ТАБАКА?!» Вот только вопль он и есть вопль. На него нынче внимания не обращают: вглядят все или почти все. Потому мы и заметили этот «вопль» очень тихими голосами Василию Николаевичу Теревцову — начальнику производственного объединения «Табакпром» Госагропрома РСФСР (его рабочий телефон 254-31-11). И он сказал почти с той же, что и директор фабрики «Дукат» (помните?), тоскливой интонацией...

Затяжка вторая

Но прежде чем тов. Теревцов сказал, мы вдруг задумались. Для его же, тов. Теревцова, пользы.

Мы задумались вдруг о директоре фабрики «Дукат» Валентине Алексеевиче Филипповском. И вот на какие мысли навел этот худощавый, нервно уставший человек.

Будь он, Филипповский, свободным, ни от кого не зависящим (кроме покупательского спроса) владельцем фабрики «Дукат», решила бы молодая женщина вместе с малолетними детьми выбраться из окна, доведенная до отчаяния нищетой, с которой устала бороться? (Об этом страшном случае рассказали нам ленинградское телевидение.) Сам вопрос и сцепка фактов на первый взгляд довольно странные. Но мы считаем, только на первый взгляд. Поскольку нищета в нашей стране обусловлена одним: несостоятельностью экономической концепции. Время доказало простую мысль: нельзя управлять экономикой, не вкладывая деньги в производство и не получая от этого производства стимулирующую прибыль. Будь

Филипповский владельцем фабрики, он бы, наверное, сократил (или увеличил?) штат рабочих. Он бы, наверное, переманил (читай — перекупил) лучших специалистов с фабрики «Ява», чтобы, например, дукатовские «Столичные» превосходили «Столичные» язвские. У него, наверное, были бы свои табачные планации, свой «мерседес», свой особняк, свой счет в банке, с которого он, тов. Филипповский В. А., наверняка бы жертвовал немалые суммы на строительство тех же школ, разрушенных во время армянского землетрясения. И не расходовал бы он попусту свою энергию и нервы, материю в душе все эти «...промы», «...стерства». Он бы, наверное, нормально, в удовольствие себе и другим работал, рисковал, проваливался, выкарабкивался, словом, жил бы так, как, по-видимому, не будут жить даже его дети. И наверное... Да не наверное, а наверняка. Потому что он природенный, от природы хозяин и... собственник, и предприниматель в самом полезном смысле этого замечательного слова. И если перестать корミть его и таких, как он, одними обещаниями, то вряд ли рабочие его фабрики вздумают выбрасываться из окон, оказавшись за чертой бедности.

Все или почти все понимают сегодня: накормить многих могут только немногие талантливые, богом (а не только должностью) наделенные для этого люди. Они накормят, если им наконец развязут связанные тысячами «нельзя» и «не положено» руки. Они накормят, если политику страны будут в главном верстать предприниматели, а не «глашатаи перестройки». Они накормят, если понятие «частная собственность» перестанет трактоваться как проклятие социализму, а пока наша идеологическая девственность трактует так — не быть Филипповскому президентом корпорации «Дукат».

Неужели не понятно, что все наши разговоры о недопустимости эксплуатации человека человеком не более чем ритуальные заклинания. За всю свою сознательную историю человечество не нашло лучшего механизма для стимулирования труда, для развития экономики, чем частная собственность. История устала доказывать, что страна (и страны), пренебрегающая этим механизмом на практике, неизбежно выпадает из мирового развития. Те, кто осознает это, возвращаются к стимулам, испытанным временем, те, кто продолжает упорствовать, тщась доказать недоказуемое, мечутся между перманентными революционными потрясениями и тихими самоубийствами.

Ну, если сам термин мешает думать без комплексов — обзовем как угодно: кооперативная собственность, арендная собственность — главное, не крути руки!

Ведь в тех же кооперативах давно уже произошло достаточно крутое разделение на членов кооператива и на работников по трудовому соглашению. «Ядро» получает рублей по девяносто, а договорники по двести — триста. Это

справедливо: первые внесли свои средства и рискуют материально в случае разорения, вторые просто выполняют работу за вознаграждение. Но все довольны: и хозяева, и работники.

А взять совместные предприятия с иноfirmами. Это же сектор госкапитализма в стране, причем процент иностранного капитала может быть преобладающим. Выходит, мы официально благословили эксплуатацию наших рабочих? Но удивительно, что проблем с кадрами на СП нет. Более того, конкурс на прием на работу. Тысячи людей предпочитают добровольно подвергнуться эксплуатации за семьсот рублей, нежели оставаться «совладельцами соц. собственности» за сто двадцать. Так как насчет частной собственности? Но это опять-таки к слову.

А кстати... А что если где-нибудь в Швеции, например, уже наступил социализм? Вдруг наука лет через семьдесят придет к такому радостному не для нас выводу? Что скажут тогда о нас наши дети?

Интересно, что будут через семьдесят лет говорить о нас наши дети? Вот, собственно, о чем мы задумались, прежде чем Василий Николаевич Теревцов начал отвечать на другой наш вопрос. Помните его? Напоминаем. «Ну почему?» Ну почему в нашей стране нет ДАЖЕ табака?!

Затяжка третья

— ...и это, во-вторых. В-третьих, нам просто не из чего делать сигареты. Чтобы обеспечить рынок, необходимо закупить сигаретную бумагу, а валюты нет. Сейчас уже пора заключать договоры с торговлей. Как мы можем это делать, не решив вопросы снабжения? Что я в конечном счете скажу рабочим, которые простирают и не имеют возможности хорошо зарабатывать? Или мне ожидать нового Кузбасса? Дайте нам возможность самим заключать прямые договоры с фирмами, дайте валюту, чтобы эти договоры обеспечить! Если нам не будут ставить палки в колеса, у нас есть все возможности сделать отечественный табак конкурентоспособным, и тогда мы будем в состоянии сами обеспечить себя валютой. Сейчас же сотрудники «Экспортлеса» не заинтересованы, чтобы решался, например, вопрос с бумагой. Почему? А просто: как только происходит задержка с отгрузкой бумаги из Франции, Испании, Финляндии, их представители сразу едут в загранкомандировку, чтобы «ускорить» затянувшуюся отгрузку. А если будут вовремя отгружать, зачем тогда ездить? А найдите сегодня дурака, который не хочет съездить за рубеж. Вот и получается замкнутый круг по принципу «великого кормчего» — чем хуже, тем лучше. А мы, повторю, могли бы конкурировать с нашим табаком и на мировом рынке, если бы вкладывали в табачную промышленность капиталы. Ведь в нашей стране все (все!) оборудование для табачной промышленности закупается за границей.

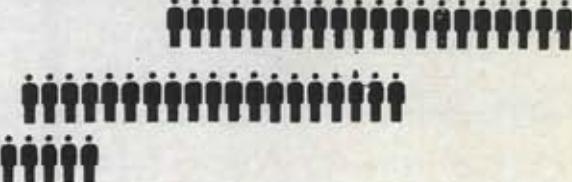
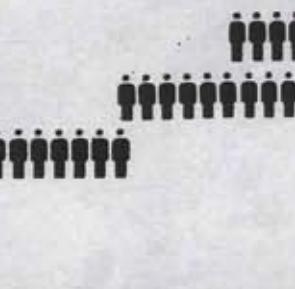
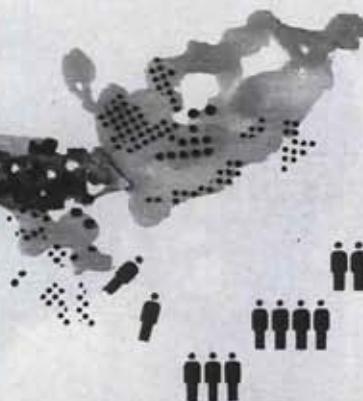

Рисунок Владимира ЗАЙЦЕВА

Мы его вообще не производим. Мы даже внутри страны не можем удовлетворить потребности в табаке. Около шестидесяти миллиардов табачных изделий закупаем в Болгарии и других странах. И при этом нам каждый год направляют проекты постановлений об ужесточении борьбы с курением. Нужели «ликеро-водочная кампания» ничему не научила? Повырубили виноградники, сейчас схватились за головы. Так ведь поздно. Я считаю, и с табаком так же будет — все доведут до черты, после которой придется оперативно исправлять положение. И придется той же валюте вгрохать раза в три больше, чем это требуется сейчас. В нашем замечательном правительстве, видимо, ждут, когда проблема табака выйдет на уровень мыльно-порошкового дефицита. А потому что никто в нашем, повторяю, замечательном правительстве проблемами отрасли не занимается. Конечно, положение на наших фабриках приближается к катастрофе...

Но тут мы решили прервать монолог Василия Николаевича Теревцева. И решили ему возразить. Но не просто возразить, а возразить как бы в образе одного из тех оппонентов, которых нам и видеть приходится часто, и слышать регулярно. Словом, прикинув на глаз расстояние, ближе которого Василий Николаевич не подпускался, но голос наш слышал хорошо... в общем, мы взглянули на него строго, но по-доброму:

— Э-э, нет, Василий Николаевич. Мы тут, как говорится, обменялись, и вы не можете не принять наши доводы... Вся, понимаете ли, страна... Озобновления... Мы тут с товарищами обменялись, а вы?.. А вы говорите, что дефицит табачных изделий приводит к массовому недовольству курильщиков. А может, это принять как другую сторону медали? Давайте подумаем. Давайте вместе подумаем. Давайте обменяемся и решим наконец... Давайте у народа спросим. Вредно курить? Мы думаем, что народ, рабочий класс нас поддержит... Тут не надо спешить... Тут нам всем вместе надо. С народом... Ведь как бывает, Василий Николаевич? Народ думает, что ему плохо делают, а на самом деле для его же пользы... Или вот вы про инвалидные рубли упомянули... Это, знаете, эмоции. Это вы, видимо, с товарищами не обменялись... Вы говорите, пять лет назад оборудование на пятьсот — шестьсот тысяч закупали, а нынче только на девяносто... Ну и что? Вы же, говоря так, не хотите принять во внимание, что наше дело сегодня вообще табак, поэтому валюту нам экономить надо. А так, с наскока... Народ не поймет, не одобрят... Готовы сани летом, ближе к телу, чем своя рубашка — вот как народная мудрость гласит... и перестройка сейчас... Верно, перестройка с каждого из нас начинается, но не каждого из вас нужна валюта, и тише едешь дальше будешь, как волка ни корми... А вот то, что у вас оборудование на фабриках простаивает из-за ремонта, это плохо. Надо, навер-

но, вам, Василий Николаевич, всем миром... надо обменяться и что товарищи... Аренда ведь доказала... Вон рабочий человек что говорит... А мы заявляем со всей ответственностью, что другого пути у нас нет. И атмосфера, которая здесь у нас сейчас царила, встретит широкую поддержку. И мы уверены, если мы ее осуществим, даст плоды, на которые рассчитывает все общество. Мы говорим это ответственно, потому что люди связывают с перестройкой реализацию своих жизненных планов... Так что мы...

И работал диктофон, на который записались последние слова Теревцева:

— Я считаю, что курительные изделия должны быть в каждом магазине. Если человек привык курить, он должен иметь возможность курить. Он имеет право свободно купить сигареты. И бороться надо не с табачной промышленностью, а за снижение вредности табачных изделий за счет повышения качества этих самых табачных изделий...

Вот-вот, о том и речь пойдет — говорят ли Минздрав правду, расписываясь в том, что курение вредит нашему здоровью. Или же имеется в виду только здоровье советских людей, и Минздрав говорит только о сигаретах, которые производятся в нашей стране?

Затяжка четвертая

Зато у нас есть НИИ табака и махорки. Имени А. И. Микояна. Находится НИИ в Краснодаре. Это забавно, что в Краснодаре, в самой что ни на есть колыбели революционных антитабачных действий бывшего краснодарского босса Медунова. Ведь это его слова о табаке: «Сорную траву — вон с кубанских полей!» — тиражировал в виде лозунгов послушный идеологический аппарат. Это при нем развернулась беспрецедентная охота на курильщиков в Краснодаре и Сочи, когда поиманного с сигаретой штрафовали на месте без суда и следствия. Это при нем дивные, на зависть вирджинским табачные плантации края пришли в запустение, «плоды» которых мы пожинаем сейчас. В общем, его активности и решительности могли бы позавидовать в свое время китайские истребители воробьев. И ничего, сдюжили казаки. Еще и не такое переносили.

Словом, мы отправились в НИИ табака и махорки имени Микояна. Во «вкусном» названии института было что-то доверительное, естественное. Быть может, имя Анастаса Ивановича навевало запахи известного московского комбината, выпускающего дивную колбасу — ту самую, которой не брезгуют даже кошки. А может, слово «махорка» ностальгически «дышилось» временами, когда медики еще не пришли к заключению, что капля никотина убивает лошадь.

Так или иначе, но именно с «лошадиной версией» мы начали разговор с собравшимися по случаю нашего приезда (интерес к отрасли — событие, как вы-

яснилось, из ряда вон) ведущими учеными института — своего рода ученым советом во главе с замдиректором профессором И. И. Дьячкиным.

— Ну что вы! — враз заулыбался совет. — Никотиновая кислота содержится во многих продуктах, и без нее организм существовать не может. Конечно, не надо ее килограммами потреблять, но в том или ином виде она нужна и полезна. Вот Минздрав нас предупреждает об опасности курения. Справедливо предупреждает, но очень абстрактно, можно сказать, никак. Предупреждает и... все. Но если человек курит, он и внимания не обратит на эту надпись. Значит, задача Минздрава не страшать курильщика последствиями — дескать, мы ж вас предупреждали! — а контролировать качество табака, как это делают во всем мире.

Ведь никотин не главное зло сигареты. В процессе курения образуется конденсат — коричневая маслянистая жидкость, хорошо видная на фильтре. Именно в этом конденсате, содержащем чуть ли не всю таблицу Менделеева, находятся вредные для организма вещества. Главная задача — снижение уровня конденсата. Установлено, что допустимая норма его — пятнадцать миллиграммов на сигарету. За рубежом эту цифру уже довели до семи миллиграммов, а у нас она — двадцать пять — тридцать миллиграммов — в два раза выше нормы. То есть у нашего курильщика шанс заболеть в два-три раза выше, чем, скажем, у американского. Почему? Причина — нарушение технологии производства сигарет и прежде всего технологии уборки табака.

Убирать табак нужно в строго определенные сроки, когда он достиг технической зрелости — ни раньше, ни позже. Табачный лист на момент уборки должен быть определенной желтостью. А что на практике? На дворе осень, и в райком летят донесения: «Уборка табака закончена на две недели раньше срока. Соцобразительства выполнены!» Помилуйте, какие обязательства? Это значит, что уран недозревший лист, из которого потом будут изготовлены сигареты с теми самыми тридцатью миллиграммами конденсата, отвратительным вкусом и запахом. Зато раньше срока! Так вот куда должен смотреть Минздрав — в корень, и, если сырье некачественное, запрещать его дальнейшее использование...

В Соединенных Штатах, например, есть и угольные, и ацетатные, и вентиляционные фильтры. Есть специальная перфорированная бумага, то есть дым разбавляется воздухом. Такие фильтры задерживают до 30—50 процентов всей конденсантной гадости. А у нас единственная в стране фабрика по производству фильтров в Спитаке разрушена, сейчас табачные фабрики выбирают все запасы и скоро перейдут на выпуск сигарет без фильтра. А валюта на покупку фильтров не дают...

Без гербицидов табак вырастить невозможно — очень уж нежная к воздействию вредителей культура. Но у нас

ведь и гербицидов сыплют в почву, не жалея, оттого и содержание их в сигаретах выше предельной нормы. Мы в институте сконструировали установку, позволяющую очищать табак от гербицидов, но в заводских условиях построить ее не можем — нет комплектующих. Их опять же надо закупать за валюту, а валюта опять же нет...

И не дадут, подумали мы. С чего это вдруг вкладывать валюту в абстрактное здоровье каких-то курильщиков? Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Вот Борис Ельцин съездил в Америку, заработал там валюту и привез одноразовых шприцев целый самолет. Жаль, что он не курит. Можно было бы его еще раз туда послать. За фильтрами. Или за комплектующими. А может, создать в стране общество курильщиков? Тогда от него, как от общественной организации, можно будет своего человека в парламент пропихнуть — пусть за права курящих борется... И снова мы слушали ученых:

— Существует этика курения. Затягиваться нужно с определенной частотой. Нельзя суетиться и мусолить фильтр. Когда он намокает, он начинает пропускать конденсат. Лучше всего курить в спокойной обстановке, у камина или окна. Считается, что зреющие огня успокаивают чисто психологически. Сердце работает ритмично, и легкие засасывают меньше конденсата. Нельзя курить больше половины сигареты, как говорится, «до фабрики», то есть у нашего курильщика шанс заболеть в два-три раза выше, чем, скажем, у американского. Почему? Причина — нарушение технологии производства сигарет и прежде всего технологии уборки табака.

И тут нам захотелось сказать: «Ребята, вы хорошие ученые, но вам легко говорить об этике курения и о затяжках у камина. У вас нет проблем найти сигарету, когда целая табачная плантация под окнами института, а на крайний случай — посевы полузабытой махорки. Скажите лучше, как выращивать махорку?»

Затяжка пятая

А может быть, бросить курить? Быть может, смириться перед наступательной заботой нашего государства о нашем здоровье? Ну не выращивать же в самом деле табак на подоконнике! А с другой стороны, почему нет? Научились же варить самогон, и как! Научимся варить и мыло, научимся и колбасу, надо будет — посевом и покосом табака, мы же терпеливые, мы же такие терпеливые... Другое пугает. Не начнем ли содрогаться от очередного фонтана заболеваний и смертей, когда люди будут вынуждены курить все подряд? Дай бог, чтобы это нервное пророчество не оправдалось. Иначе Минздраву просто некого будет предупреждать...

P.S. По нынешним ценам черного рынка пачка фирменных сигарет стоит 12 рублей. Пачка отечественных сигарет «Ява» (в мягкой упаковке) — 70 копеек. Сигареты «Космос» идут уже по рублю. Рост цен продолжается...

Сколько бы сегодня ни спорили о месте Александра Солженицына в русской литературе, пришла пора понять: нет ему равных — не по таланту художественному, которыми XIX наш век да и начальный краешек XX мировую культуру стороной не обошел, — равных нет ему крепостью противостояния. Не понять этого не могут даже извечные и нынешние недруги — если не безнадежно слепы, если не окончательно глухи. А ведь целому поколению злонамеренно слепили глаза, безнаказанной силой затыкали уши, от себя и от других гоня подальше простую мудрость: железная власть — как бы долог ни был ее век — ржавеет, обращается в прах, а правда, она и изпод чугунных глыб рано или поздно проглянет, проглянув — подымется, поднявшись — окрепнет, да так, что всех кованых сапог не хватит ее затоптать. Не зря же писателем и повторено: СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

В документах, нам доступных, хотим мы дать читателям нынешних поколений хотя и не исчерпывающую, а как бы эскизную картину этого противостояния. Настает время неизбежности такого именно слова, и будем надеяться, что на обочину истории оно уже не соскользнет. И пусть другие скажут больше, пусть несовершенным, но все-таки первым в нашей печати будет этот свод-хроника.

«То не диво, когда подпольщиками бывают революционеры. Диво — когда писатели».

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Ему — и слово.

«Двенадцать лет я спокойно писал и писал. Лишь на тринадцатом дрогнул. Это было лето 1960 года. От написанных многих вещей — и при полной их безвыходности, и при полной безвестности — я стал ощущать переполнение, потерял легкость замысла и движения. В литературном подполье мне стало не хватать воздуха».

«Но что-нибудь же значил гул подземных пластов, прорвавшийся на ХХII съезд?.. Я — решился. Вот тут и сгодился неизвестно для какой цели и каким внушением «облегченный» «Щ-854»¹. Я решился подать его в «Новый мир». <...>

Сам я в «Новый мир» не пошел, просто ноги не тянулись, не предвидя успеха. Мне было 43 года, и достаточно я уже колотился на свете, чтобы идти в редакцию начинающим мальчиком. Мой тюремный друг Лев Копелев взялся передать рукопись. Хотя шесть авторских листов, но это было совсем тонко: ведь с двух сторон, без полей и строка вплотную к строке.

Я отдал — и охватило меня волнение, только не молодого словолюбивого автора, а старого огрызчивого лагерника, имевшего неосторожность дать на себя след. Это было начало ноября 1961 года. <...>

«...в начале декабря от Л. Копелева пришла телеграмма: «Александр Трифонович восхищен статьей» («статьей» договорились мы зашифровать рассказ, статья могла быть и по методике математики). Как птица с лета ударяется в стекло — так пришла та телеграмма.

¹ Речь идет о повести «Один день Ивана Денисовича».

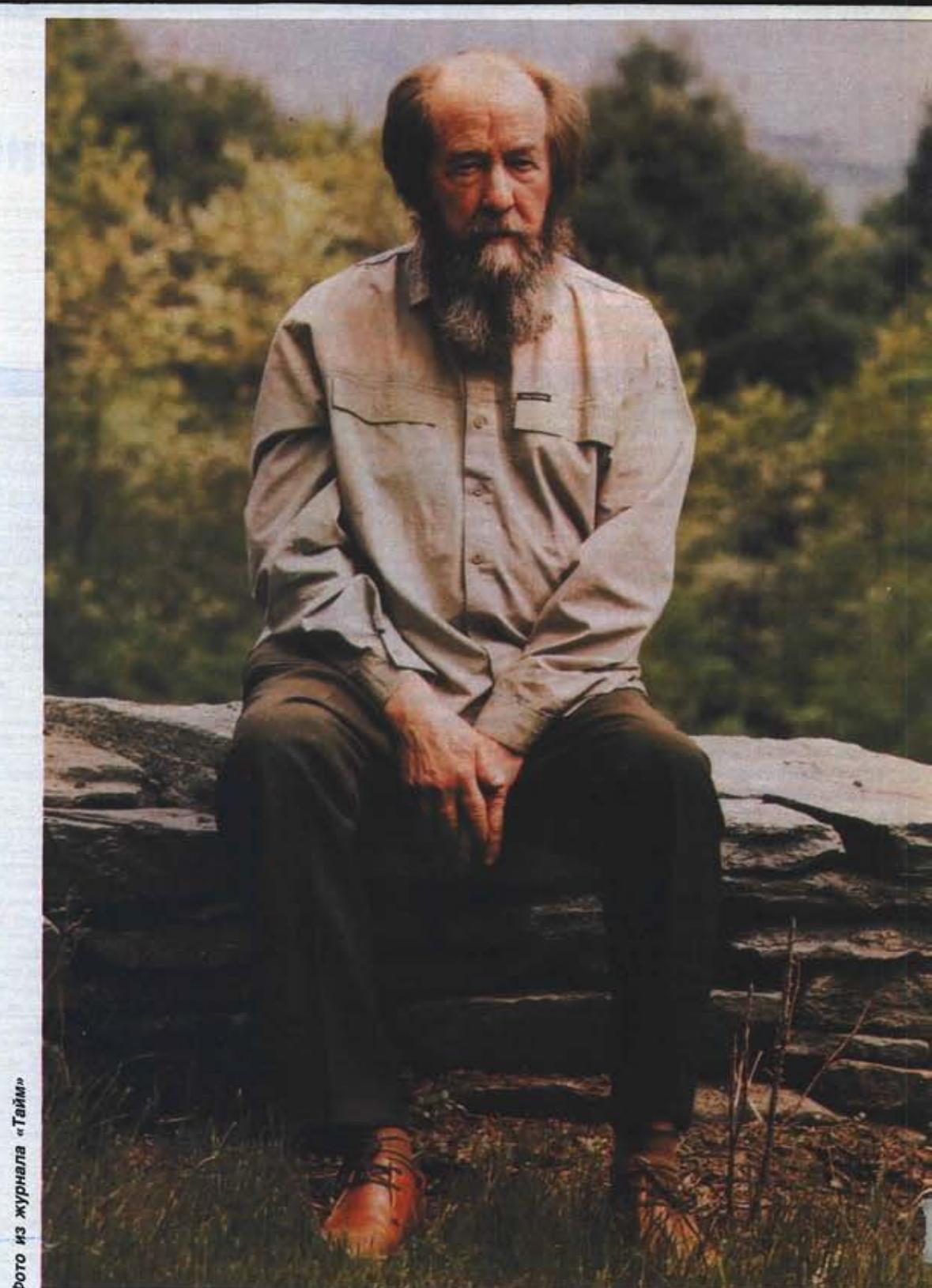

Фото из журнала «Тайм»

ПРОТИ

И кончилась многолетняя неподвижность. Еще через день (в день моего рождения как раз) пришла телеграмма и от самого Твардовского — вызов в редакцию. А еще назавтра я ехал в Москву и, пересекая Страстную площадь к «Новому миру», суеверно задержался около памятника Пушкину — отчасти поддержки просил, отчасти обещал, что путь свой знаю, не ошибусь. Вышло вроде молитвы».

Грех опускать события, тому предшествующие, но коротко, пунктиром хотя

бы, не сказать — и вовсе нельзя. А они таковы. Редактор отдела прозы А. Берзер, по слову Солженицына, «сыграла главную роль в вознесении моего рассказа в руки Твардовского». Дождалась случая, сказала, есть, мол, две рукописи, «требующих непременного его прочтения: «Софья Петровна» Лидии Чуковской и еще такая: «лагерь глазами мужика, очень народная вещь». (...)

...в шести словах нельзя было попасть точнее в сердце Твардовского! Он сразу сказал — эту давайте».

Уже потом узнано было, что Твардовский

«...вечером лег в кровать и взял рукопись. Однако после двух-трех страниц решил, что лежа не прочтешь. Встал, оделся. Домашние его уже спали, а он всю ночь, перемежая с чаем на кухне, читал рассказ — первый раз, потом и второй. <...> Так прошла ночь, пошли часы по-крестьянскому утренние, но для литераторов еще иочные, и пришлося ждать еще. Уже Твардовский и не ложился». (...)

Потом, в редакции, когда явился неизвестный автор на Страстной бульвар, «предупредил меня Твардовский, что напечатания твердо не обещает (Господи, да я рад был, что в ЧКГБ не передали!) и срока не укажет, но не пожалеет усилий». <...>

«Кто из вельмож советской литературы до Твардовского или кроме Твардовского захотел бы и одерзел бы такую разрушительную повестушку предложить наверх? В начале 1962 года совсем нельзя было догадаться: какими путями придумает он действовать? насколько все это ему удастся?

Но миновали годы, мы знаем, что Твардовский напечатал повесть с задержкой в 11 месяцев, и теперь легко его обвинить, что он не торопился, что он недопустимо тянул. Когда моя повесть только-только пришла в редакцию, Никита еще рвал и метал против Сталина, он искал, каким еще камнем бросить — и так бы пришлась ему к руке повесть пострадавшего! Да если б сразу тогда, в инерции XXII съезда, напечатать мою повесть, то еще бы легче далось противосталинское улюлюканье вокруг нее... <...>

И теперь не знаю: как же правильно оценить? Не сам же бы я понес и донес повесть к Никите. Без содействия Твардовского никакой бы и XXII съезд не помог. Но вместе с тем как не сказать теперь, что уступил Твардовский золотую пору, упустил приливную волну, которая перекинула бы наш бочонок куда-нибудь дальше за гряду сталинских скал и только там бы раскрыла содержимое. Напечатал мы тогда, в 2–3 месяца после съезда, еще и главы о Сталине — насколько бы непоправимей мы его обнажили, насколько бы затруднили позднейшую подумянку. Литература могла ускорить историю. Но не ускорила.

А события между тем шли, останавливались, спотыкались и снова бежали — чередом того времени. В один прекрасный день получила редакция распоряжение:

«...к утру представить ни много ни мало — 23 экземпляра повести. А в редакции их было три. Напечатать на машинке? Невозможно успеть! Стало быть, надо пустить в набор. Заняли несколько наборных машин типографии «Известий», раздали наборщикам куски повести, и те набирали в полном недоумении. Так же по кускам и корректоры «Нового мира» проверяли ночью, в отчаянии от необычных слов, необычной расстановки и дивуясь содержанию. А потом переплетчик в предутреннюю вахту переплел все 25 в синий картон «Нового мира», и утром, как если бы труда это не составило никому никакого, 23 экземпляра было представлено в ЦК, а типографские наборы упрятаны в специальное, под замок. Хрущев велел раздать экземпляры ведущим парт-

Так стряслось чудо советской цензуры или, как точнее его называли через три года, — «последствия волонтиаризма в области литературы».

Но это будет потом. А пока летела к подписчикам 11-я книжка «Нового мира». Разыскать ее сегодня едва ли не так же трудно, как и первое издание «Путешествия Радищева...

Сразу же после выхода тиража 11-го номера был пленум ЦК, кажется — о промышленности. Несколько тысяч журнальных книжек, предназначенных для московской розницы, перебросили в ларьки, обслуживающие пленум. С трибуны пленума Хрущев заявил, что это — важная и нужная книга (мой фамилии он не выговаривал и называл автора тоже Иваном Денисовичем). Он даже жаловался пленуму на свое политбюро: «Я их спрашиваю — будем печатать? А они молчат!..» И члены пленума «понесли с базара» книжного — две книжечки: красную (материалы пленума) и синюю (11-й номер «Нового мира»). Так, смеялся Твардовский, и несли каждый под мышкой — красную и синюю. А секретарь новосибирского обкома до заключительной речи Хрущева сказал Твардовскому: «Ну, было и похуже... У меня в области и сейчас такие хозяйства есть, знаю. Но зачем об этом писать?» А после Никитиной речи искал Твардовского, чтобы пожать ему руку и замять свои неправильные слова.

Такова была сила общего захвата, общего взлета, что в тех же днях сказал мне Твардовский: теперь пускаем «Матренин! Матрену, от которой журнал в начале года отказался, которая «никогда не может быть напечатана», — теперь легкой рукой он отправил в набор...

Рассказы «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка» появились в январском номере «Нового мира» за 1963 год. И хотя подтвердив и упрочив баснословную удачу повести, знаменовали они собой не появление в отечественной литературе талантливого новичка, а, несомненно, и первого среди живущих писателей, было это только началом долгого крестного пути Солженицына, судьбою ему назначенного. Дадим слово близкому свидетелю бурных тех событий — В. Я. Лакшину:

«В начале декабря 1962 года Н. С. Хрущев неожиданно посетил выставку в Манеже. Подстрекаемый В. А. Серовым и другими руководителями Союза художников, он набросился на абстракционистов и «прочих формалистов». <...>

«Начали с абстракционизма, но кажется, имеют-то в виду реализм», — проницательно комментировал Твардовский. Впрочем, вне всякой логики солженицынская повесть находилась некоторое время вне критики как получившая высочайшее одобрение. На встрече

Постепенно стали подбираться и к критике «Ивана Денисовича» — критике лицемерной, с оговорками и вздохами, но по шажку подходившей к тому, чтобы перечеркнуть повесть».

Чтобы не потерять чувство объема, посмотрим на те же события глазами Солженицына:

«На той первой кремлевской встрече меня еще превозносили, подставляли под аплодисменты и объективы — но на «Иване Денисовиче» и выпустил последний вздох весь порыв XXII съезда. Поднималась уже общая контратака сталинистов, которую недальновидный Хрущев с благодушием поддерживал».

Двойственность Хрущева обернулась трогательно.

«Вторая же кремлевская встреча — 7–8 марта 1963 г., была из самых позорных страниц всего хрущевского правления. Создан был сталинский птикрайтский перевес сил (приглашены аппаратчики, обкомовцы), и была атмосфера яростного лая и разгрома всего, что хоть чуть-чуть отдавало свободой». <...>

«Этими встречами откатил нас Хрущев не только до XXII съезда, но и до XX. Он откатил биллиардный шар своей собственной головы к лузе сталинистов. Оставался маленький толчок».

Хоть и маленький — да время ему не приспело, оставалось еще то самое, о котором вспомнит потом Солженицын:

«Рассуждая реально, мое положение было превосходно: с ракетной скоростью меня приняли в Союз писателей и тем освободили от школы, поглощавшей столько времени; впервые в жизни я мог поехать жить за рекой при разливе или в осеннем лесу — и писать; на конец, я получил теперь разрешение работать в спецхране Публичной библиотеки — и сладостно накидывался на те запретные книги. Просто грехно было обижаться на непечатанье: не мешают писать — чего еще? Свободен — и пишу, чего еще?

Раздвинулись сутки, раздвинулись месяцы, я стал писать непомерно много сразу — четыре больших вещи: собирая материалы к «Архипелагу» (на всю страну меня объявили зэкам, и зэки несли и рассказывали), к заветному главному моему роману о революции 17-го года (условно «Р-17»), начал «Раковый корпус», а из «Круга первого» надумал выцеживать главы для неожиданной когда-нибудь публикации, если представится».

Не представлялось пока. А между тем после превосходной статьи Лакшина в защиту первой повести редколлегия «Нового мира», поддержанная ЦГАЛИ, выдвинула «Один день Ивана Денисовича» на Ленинскую премию. Представляя ее на телевидении, Лакшин закончил выступление словами: «С надеждой и терпением будем мы ожидать

тета Харламов получил жестокий нагоняй, а «Правде» было вменено в обязанность выступить с обзором читательской почты, в котором сделать акцент на письмах, авторы которых не приемлют повесть Солженицына.

11 апреля 1964 года такой обзор под названием «Высокая требовательность» в «Правде» появился. Выделялись письма тех читателей, которые ведут «по-хозяйски строгий и взыскательный разговор»: «Все они приходят к одному выводу: повесть А. Солженицына заслуживает положительной оценки, но ее нельзя отнести к таким выдающимся произведениям, которые достойны Ленинской премии».

«Появившаяся накануне последней решающей сессии Комитета по премиям, статья эта, — продолжает Лакшин, — была знаком того, какое решение ожидается. И тем не менее на заседаниях разгорелась острая борьба. Твардовский несколько раз брал слово, и к его горячей убежденности и ясной логике прислушивались многие. Чтобы переломить настроение Комитета, С. П. Павлов, тогдашний первый секретарь ЦК ВЛКСМ, сказал в своей речи, что Солженицын сидел в лагере за уголовное преступление. «Это ложь! — крикнул из зала Твардовский.

<...> На другой день на заседании Комитета Твардовский заявил, что у него в руках текст Определения военной коллегии Верховного суда СССР от 6 февраля 1957 года, реабилитирующего Солженицына, обвиненного по политическим мотивам, за отсутствием состава преступления. «И все-таки интересно, что там написано», — не унимался Павлов».

Текст был зачитан. Вот выдержки из этого документа:

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н — 083/56

Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе председательствующего советника юстиции Борисоглебского и членов — полковника юстиции Долотцева и Конева рассмотрела в заседании от 6 февраля 1956 г. Протест Главного военного прокурора на постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 7 июля 1945 г., на основании которого по статьям 58-10, ч. 2 и 58-11 УК РСФСР был заключен в ИТЛ сроком на 8 лет Солженицын Александр Исаевич, рождения 1918 года, уроженец Кисловодска, с высшим образованием; до ареста являлся командиром батареи, участвовал в боях против немецко-фашистских войск и был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

Заслушав доклад тов. Конева и заявление зам. Главного военного прокурора, полковника юстиции Терехова, полагавшего протест удовлетворить,

ВОСТОЧНОЕ

вождям, а сам поехал налаживать сельское хозяйство Средней Азии.

Он вернулся недели через две под роковые для себя звездами середины октября. На очередном заседании Политбюро (тогда — «президиума») стал Никита требовать от членов согласия на опубликование. <...> Многие отмалчивались («Чего молчите? — требовал Никита), кто-то осмелился спросить: «А на чью мельницу это будет воду лить?» <...> Во всяком случае, решительного голоса против не раздалось.

Че 17 декабря в Доме приемов Хрущев поднял Солженицына из-за стола и под бурные аплодисменты представил его собравшимся. М. А. Суслов, подойдя, долго тряс его руку (оставив в памяти! — А. Н.). На встрече в Кремле 7–8 марта 1963 года Хрущев снова поминал «Ивана Денисовича» как вещь, написанную «с партийных позиций».

«Матренин двор» был беззащитнее — его стали пощипывать за очернительство — А. Сурков в «Литературной газете», В. Полторацкий в «Известиях».

справедливого решения Ленинского комитета».

Но, не догадываясь о событиях, представим снова говорить В. Лакшину.

«Надо же было так случиться, что Хрущев в ту пору находился в очередном путешествии, а все дела в Москве вершил за него Леонид Ильич Брежnev. Он смотрел передачу, и она рассердила его: «Говорят о Солженицыне так, как будто он уже получил премию, а мы еще этого не решили...» На другое утро, как рассказывали, председатель Коми-

установила:

Солженицыну вменялось в вину то, что с 1940 г. и до дня ареста среди своих знакомых проводил антисоветскую агитацию и предпринимал меры к созданию антисоветской организации. <...>

Рассмотрев материалы дела и дополнительную проверку, соглашаясь с доводами, изложенными в протесте, и принимая во внимание, что в действиях Солженицына нет состава преступления и дело о нем подлежит

прекращению за отсутствием состава преступления, Военная Коллегия Верховного Суда СССР

определила:

постановление Особого Совещания НКВД СССР от 7 июля 1945 г. в отношении Солженицына Александра Исаевича ОТМЕНИТЬ и дело о нем за отсутствием состава преступления на основании ст. 4, п. 5 УПК РСФСР прекратить.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: ст. офицер Военной Коллегии майор (Дегтярев).

Рассказывают, что, выслушав документ, Павлов попытался неловко пошутить: «Я пригвожден...», при этом он покраснел «то ли от неловкости, то ли от негодования». И тем не менее — «Под откровенным давлением Е. А. Фурцевой и Л. Ф. Ильинова Комитет в результате проголосовал против присуждения премии Солженицыну».

«Не знаю,— продолжает В. Лакшин,— давали ли себе отчет Хрущев, что в тот час произошла проба политических сил и многое потерял он сам. <...> С каждым днем литературная судьба Солженицына на родине складывалась все труднее. Книг его не печатали, о нем распространялись самые неподтвержденные слухи, как о полицеях и пособниках оккупантов в войну, и не давали печатно их опровергнуть. После падения Хрущева осенью 1964 года над именем Солженицына стала сущаться пелена крамольности, полузапретности...»

А что же он?

«Я верил, что лучшие времена будут и даже суждено мне до них дожить, что еще наступит время полной публичности. А пока я избирал себе путь многолетнего молчания и скрытого труда. <...> Всю зиму 64/65 г. работа шла хорошо, полным ходом я писал «Архипелаг», материала от звуков теперь избыточно. <...> Гонений мне как будто не добавилось. Как заткнули мне глотку при Хрущеве, так уже не дотыкали плотней.

И я опять распустился, жил как неугодный: затевал переезд в Обнинск, близ него купил чудесную летнюю дачу на р. Истье у села Рождества. Разрывался писать и «Архипелаг» и начинать «Р-17».

Дальнейших событий в несколько строк не вложить, не сказать, что 11 сентября на квартирах друзей Солженицына арестованы были роман «В круге первом», пьесы «Пир победителей», «Республика труда», лагерные стихи...

А в недалеких от тех событий временах в Ленинграде Д. Гранин задал вопрос: «Правда ли, что у Солженицына отобраны романы?»

«Роман? Нет, не брали. Да он нам и не жаловался. Там был какой-то роман «В круге первом», но неизвестно чей» (На титульном листе — моя фамилия). <...>»

«Однако весной 66-го, месяц за месяцем, из одних уст и из других, рассказы накладывались: издали и роман, и «Пир победителей!» и дают читать! <...> Вот прочел Хренников и на заседании композиторов загадочно угрожает: «Да вы знаете, какие он пьесы пишет? В прежнее время его б за такую пьесу расстреляли!» Вот прочел Сурков и разъясняет, что я — классовый враг (какому классу?). Вот сел изучать мой роман Кочетов, может, что-нибудь украдет. Дают читать главным редакторам издательства — чтобы сам сработывал санитарный кордон против моего имени и каждой моей новой строчки.

Нет, не туяла голова это придумала: в стране безгласности использовать для удушения личности не прямую тайную полицию, а контролируемую малую гласность, так сказать, номенклатурную гласность. Обещались же те же результаты и без скандала ареста: удушить, но постепенно».

А между тем делалась, делалась попытка в «Новом мире» — печатать «Раковый корпус!» Солженицын вспоминает о дне обсуждения:

«Можно сказать, что «молодая»

часть редакции или «низовая» по служебному положению была энергично за печатание, а «старая» или «верховая» (Дементьев — Закс — Кондратович) столь же решительно против. Только что вступивший в редакцию очень искренний Виноградов сказал: «Если этого не печатать, то неизвестно, для чего мы существуем». Берзер: «Неприкасаемый рак сделан законным объектом искусства». Марьянов: «Наш нравственный долг — довести до читателя». Лакшин: «Такого сборища положительных героев давно не встречал в нашей литературе. Держать эту повесть взаперти от читателя — такого греха на совесть не беру». Закс начал затирать и затуманивать ровное место: «Автор дает себя захлестывать эмоциями ненависти... Избыток горючего материала... Что за этим стоит? весть очень незавершенная». Кондратович уверенно поддержал: «Нет завершенности!» <...>»

«Итак раскололись мнения «низовых» и «верховых», надо ли мою повесть печатать, и камнем последним должно было лечь мнение Твардовского». <...>»

— Искусство на свете существует не как орудие классовой борьбы. Как только оно знает, что оно орудие, оно уже не стреляет. <...> Современность вещи в том, что разбуженное народное сознание предъявляет нравственный счет... Не завершено? Произведения велики всегда несут черты незавершенности: «Воскресение», «Бесы», да где этого нет?.. Эту весть мы хотим печатать. Если автор еще над ней поработает — запустим ее и будем стоять за нее по силам и даже больше!»

Не вышло! Пути решений тянулись высоко наверх. Спустя неделю поникши Твардовский говорил:

— Внешних благоприятных обстоятельств для печатания сейчас нет. Невозможно и рискованно выступать с этой вещью, по крайней мере в этом году...

Маячили на горизонте очередной писательский съезд, но — надежда ли?

...а подбивало меня как-то протестовать против того, что делают с моими вещами. И я решил пока обратиться — еще раз и последний раз — в ЦК». <...>»

«Письмо на имя Брежнева было отослано в конце июля 66 г. Никакого ответа или отзыва не последовало никогда. Не прекратилась и закрытая читка моих вещей, не ослабела и травля по партийно-инструкторской линии, может, призывалась на время. И все-таки это письмо помогло мне на несколько месяцев замедлить ход всех событий и за это время окончить «Архипелаг». Еще оно способствовало, кажется, разрешению устроить обсуждение...

Назначенное на 16 декабря, но из-за необыкновенного наплыва желающих на него попасть обсуждение перенесено было — не только днем, но и местом проведения: литературное начальство пошло на глупую — да простится нам! — хитрость, определив этому событию Малый зал ЦДЛ!. Стенограмма занимает пятьдесят страниц текста, и, естественно, мы можем привести лишь небольшие выдержки из нее.

А. БОРЩАГОВСКИЙ. Готовясь к сегодняшнему обсуждению, я добыл экземпляр рукописи, думая, что бегло пролистав ее — я читал рукопись совсем недавно, — но это не получилось. Я жадно, насквозь, ничего не пропуская, снова прочел «Раковый корпус». <...> Думаю, что, взяв в руки книгу, когда она выйдет, — я уверен, что она выйдет, — я снова всю ее прочитаю. <...> Солженицын выбирает самый необходимый разрез жизни — в этом помогает выдающийся характер его дарования, — без Вас, Александр Исаевич, эти слова говорить было бы легче. — «Раковый корпус» — вещь глубины «Смерти Ивана Ильича»; если брать ее сатирические пластины, — уровня «Господ Головлевых». <...> «Раковый корпус» — выдающееся произведение, которое, конечно же, увидит печатный станок, вносит много нового в наше понимание жизни. И приближает нас

к тем рубежам, без которых наше общество не может дальше развиваться.

В. КАВЕРИН. Когда работашь в литературе много лет, начинаешь видеть ее не глазами месяца, даже года, а глазами 10, 15, даже 25 лет. Мы незаметно для себя вступили в новый период. <...> Вся деятельность Солженицына характерна для нового времени. Пришла новая литература, — и со старой, рептильной, ползающей, с литературой, признающей только прямую линию, — с нею покончено. Кто теперь помнит о книгах, изданных в миллионах экземпляров, книгах лживых, восхваляющих Сталина прямо или косвенно? <...> Издаются и имеют успех у читателей те писатели, которые устояли, которые сопротивлялись лжи, — Платонов, Защенко, Бабель, Булгаков, Заболоцкий. В литературу возвращаются блеск, оригинальность. Эта литература будет иметь мировой успех, если этому не помешают. <...> Что ни месяц появляются новые имена, новые произведения, вызывающие удивление, радость, зависть. Я назову несколько — Казаков, Конецкий, Семин, Можаев. На первое место среди них я ставлю Солженицына. В чем сила его таланта? Не только в умении воплотить пережитое, — хотя в этом он и достигает необыкновенных высот. <...> Есть у него еще две драгоценные черты — внутренняя свобода и могучее стремление к правде. Что такое внутренняя свобода? Ведь мы, писатели старшего поколения, много лет скрывали себя от самих себя, пугались в противоречиях — это было естественным следствием сталинского двадцатилетия. Солженицын и лучшие в новой литературе свободы от всего этого. Они отрешились от любой целенаправленности, кроме желания сказать правду. <...> Все попытки замолчать Солженицына обречены на провал.

А. МЕДНИКОВ. <...> Солженицын — тот, которого читают все писатели. Критики со временем разберутся, почему он занял такое место в литературе, в общественной жизни. Он писатель трагической темы. Если бы его судьба и сложилась иначе, он все равно был бы трагическим писателем.

Ю. КАРЯКИН. В своем завещании Ленин высказал страстную и трагическую надежду, что придут люди, необходимые нам, со следующими качествами: они ни слова не скажут против совести; не побоятся вслух сказать о любых ошибках; не побоятся борьбы. Мы забываем эти слова, хотя часто цитируем завещание. Солженицын отвечает этим статьям. В записках Достоевского есть слова, — что было бы, если бы Толстой сорвал, если бы Гончаров сорвал. Какая это была бы безнравственность, если эти лгут. Извините за невольный каламбур, но Солженицын не сожжет. Так на вершинах политики и на вершинах культуры сходятся требования — жажды бескомпромиссной правды. Повесть «Раковый корпус» отвечает этим критериям. <...> Всем очевидно, что «Раковый корпус» должен выйти в свет. Я хочу привести политические аргументы в защиту этой мысли. Именно политические, а не политикаемые. Мне пришлось собрать едва ли не все зарубежные отзывы о книге «Один день Ивана Денисовича». Эта книга единодушно была осуждена на страницах троцкистской, китайской, албанской, корейской печати. <...> Подавляющее большинство положительных отзывов о повести «Один день...» дали руководители крупнейших компаний, самые выдающиеся марксисты современности. Публикацией этой повести мы приобрели огромное количество союзников... <...>»

А. БЕЛЕНКОВ. <...> Талант и смелость Александра Солженицына проявились в том, что он после некоторого перерыва, имевшего место в истории нашего искусства, стал говорить голосом великой литературы, главное отличие которой от литературы незначительной в том, что она занята категориями добра и зла, жизни и смерти, взаимоотношений человека и общества, власти и личности. В великой ли-

тературе действующими лицами могут быть титан Прометей или богоборец Каин, но для великого искусства важны не большие чины, а значительные художественные идеи, и потому повесть о страданиях Акакия Акакиевича Башмачкина раскрыла людям с неоспоримой убедительностью категории добра и зла, хотя во всей повести нет ни одного слова, которое следовало бы искать в философском словаре, а из важных персон лишь мельком упоминается «значительное лицо» в генеральском чине, которому далеко до Прометея, не говоря уж о Каине.

А. И. Солженицын не написал трагедии о титане и не написал мистерии о богоборце. Он написал повесть об «Одном дне...» и рассказал об Одном «дворе», Одном «случае...» День, двор и случай Солженицына — это синекдохи добра и зла, жизни и смерти, взаимоотношений человека и общества. <...>»

А. СОЛЖЕНИЦЫН. Главное чувство, которое я пережил сегодня, это чувство благодарности. Я тронут тем вниманием, которое секция прозы московской писательской организации оказала моему произведению, и теми высокими оценками, которые, среди прочих, здесь прозвучали. В рязанской писательской организации, в которой я состою, я не смог бы получить и тени подобного.

В тех условиях, когда я пишу книгу за книжкой, их не печатают, для меня такое обсуждение — единственная возможность услышать профессиональное мнение, услышать критику. <...> Я кончую тем же, чем и начал: благодарностью.

Мне вернули мою рукопись в «Новом мире», я послал ее еще в два журнала: в «Звезду» и в «Простор». Ответа еще не получил. (Громкие аплодисменты.)

Г. БЕРЕЗКО. У нас нет оснований сожалеть о проведенной работе. <...>»

Бюро с активом принимают решение: содействовать тому, чтобы повесть «Раковый корпус» была бы опубликована. Стенограмму обсуждения решено посыпать в «Звезду» и «Простор». Триумф?! Судя по стенограмме — да. События развивались иначе: невидимыми силами железная петля сжималась все нетерпимее, круче уходил путь — к пропасти или... Тогда и решено было бесповоротно: «Или шея напрочь, или петля пополам».

ПОСЛАНИЕ IV ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В президиум съезда и делегатам, Членам ССП, Редакциям литературных газет и журналов.

«Не имея доступа к съездовской трибуне, я прошу Съезд обсудить...»

Начав так и нарисовав жесткую и точную картину современной нашей литературы, самый бесправный ее представитель первым вступается за поруганных собратьев. И только в конце говорит он о себе:

«Если Съезд не пройдет равнодушно мимо сказанного, я прошу его обратить внимание на запреты и преследования, испытываемые лично мною:

1. Мой роман «В круге первом» (35 авт. листов) скоро два года, как отнят у меня государственной безопасностью, и этим задерживается его открытое редакционное продвижение. Напротив, еще при жизни, вопреки моему воле и даже без моего ведома этот роман «издан» противостоящим «закрытым» изданием для чтения в избранном неназываемом кругу. Мой роман стал доступен литературным чиновникам, от большинства же писателей его прячут. Добиться открытия обсуждения романа в писательских секциях, отвратить злоупотребления и пластики я не в силах.

2. Вместе с романом у меня отобран мой литературный архив 20- и 15-летней давности, вещи, не предназначавшиеся к печати. Теперь закрыто «изданы» и в том же кругу распространяются тенденциозные извлечения из этого архива. Пьеса «Пир победителей», написанная мною в стихах наизусть в лагере, когда я ходил под четырьмя номерами (когда обреченные на смерть измо-

ром, мы были забыты обществом и вне лагерей НИКТО не выступил против ре-прессий! — давно покинутая, эта пьеса приспывается мне теперь как самоно-вейшая моя работа.

3. Уже три года ведется против меня, всю войну провоевавшего коман-дира батареи, награжденного боевыми орденами, безответственная клевета: что я отбывал срок якобы как уголовник, или сдался в плен (я никогда там не был), «изменил Родине», «служил у немцев». Так истолковывается 11 лет моих лагерей и ссылки, куда я попал за критику Сталина. Эта клевета ведется на закрытых инструктажах и собраниях людьми, занимающими ответственные посты. Тщетно я пытаюсь остановить клевету обращением в Правление ССП РСФСР и в печать: Правление даже не отклинулось, ни одна газета не напечатала моего ответа клеветникам. На-оборот, клевета с трибуны против меня в последний год усилилась, ожесточилась, использует искаженные материа-лы конфискованного моего архива — я же лишен возможности на нее отве-тить.

4. Моя повесть «Раковый корпус» (25 авт. листов), одобренная к печати (1-я часть) секцией прозы московской писательской организации, не может быть издана ни отдельными главами (отвергнуты в пяти журналах), ни тем более целиком (отвергнута «Новым миром», «Звездой» и «Простором»).

5. Пьеса «Олеин и шалашовка», при-нятая театром «Современник» в 1962 году, до сих пор не разрешена к пост-новке.

6. Киносценарий «Знают истину тан-ки», пьеса «Свет, который в тебе», мел-кие рассказы («Правая кисть», серия «крохотных») не могут найти себе ни постановщика, ни издателя.

7. Мои рассказы, печатавшиеся в журнале «Новый мир», не переизданы отдельной книгой ни разу, отвергаются всюду («Советский писатель», Гослитиздат, «Библиотека «Огонька») и таким образом недоступны широкому читате-лю.

8. При этом мне запрещаются и вся-кие другие контакты с читателями: публичное чтение отрывков (в ноябре 1966 г. из таких уже договоренных 11 выступлений было в последний момент запрещено 9) или чтение по радио. Да просто дать рукопись «прочесть и пере-писать» у нас теперь под уголовным запретом (древнерусским писцам пять столетий назад это разрешалось).

Так моя работа окончательно заглу-шена, замкнута и оболгана.

При таком грубом нарушении моих авторских и «других» прав — возьмется ли не возьмется IV Всесоюзный Съезд защитить меня? Мне кажется, этот вы-бор немаловажен и для литературного будущего кое-кого из делегатов.

Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть. Но, может быть, многие уроки научат нас, наконец, не останавливать пера писателя при жизни?

Это еще ни разу не украсило нашей истории.

СОЛЖЕНИЦЫН А. И.

16 мая 1967 г.

Не оглашено, не опубликовано пись-мо не было. И казалось уже: не раз-рвавшись, упала бомба, чему предназна-чена была — не достигнуто...

«Впрочем, как не достигнуто? Ведь около ста писателей поддержали меня — 84 в коллективном письме Съезду и человек пятнадцать — в личных телеграммах и письмах (считают лишь тех, чьи копии имею). Это ли не изумление? Я на это надеялся не смел! Бунт писателей!! — у нас! после того, как столько раз прокатили вперед и назад, вперед и назад асфальтовым сталинским катком! Несчастная гумани-тарная интеллигенция! Не тебя ли, главную гидру, уничтожали с самого 1918 года — рубили, косили, травили, морили, выжигали? Уж кажется начи-

сто! уж какими глазицами шарили, уж какими метлами спасали! — а ты опять жива? А ты опять тронулась в свой незащищенный, бескорыстный, отчаянный рост! — <...>

Среди поддерживающих писем были и формальные, и осторожные, непред-решающие, и внутренне несвободные, и с мелкой аргументацией — но они были! И подписей было сто! А венчало их доблестное безоглядное письмо Ге-оргия Владимова...

В ПРЕЗИДИУМ 4-ГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ Копия — А. Солженицыну

Уважаемые товарищи!

Я, как и вы, получил письмо А. Солженицына и хочу высказать свое суждение по всем пунктам этого письма.

Я осмеливаюсь напомнить Съезду, что не рапорты о наших блестательных творческих победах, не выслушивание приветствий иностранных гостей и не единение с народами Африки и борю-щегося Вьетнама составляет главную задачу писательских съездов, но прежде всего — единение со своим народом, прежде всего — разрешение собственных наболевших проблем, без чего не может далее жить и развиваться советская литература. Она все-таки не может без свободы творчества, полной и безграничной свободы высказать любое суждение в области социальной и нравственной жизни народа — какими бы ругательствами мы ни поносили это законное требование всякого маломальского честного, мыслящего художника. Без нее — он чиновник по ведомству изящной словесности, повторяю-щий зады газетных передовиц, с нею — он глашатай, пророк в своем обществе, способный воздействовать духовно на своего читателя, развивать его общество-ское сознание либо предупредить об опасности, пока она не надвинулась вплотную и не переросла в народную трагедию.

И я должен сказать — такая свобода существует. Она осуществляется, но не только в сфере официально при-знанной, подцензурной литературы, а в деятельности т. н. «Самиздата», о котором вы все, вероятно, осведомлены. Из рук в руки, от читателя к читателю шествуют в машинописных седьмых и восьмых копиях неизданные вещи Булгакова, Цветаевой, Мандельштама, Пильняка, Платонова и других, ныне живущих, чьих имен я не называю по вполне понятным причинам. Могу лишь сказать, что и моя вещь усыновлена «Самиздатом», не найдя пристанища в печати. Время от времени она возвращается ко мне, и я поражаюсь не тем изменениям, какие принес в нее очередной переписчик, а той бережности и точности, с которыми все-таки сохра-няется ее главное содержание и смысл.

С этим ничего не поделаешь — как ничего нельзя поделать с распространением магнитофонных записей наших менестрелей, трубадуров и шансонье, не узаконенных Радиокомитетом, но зато полюбившихся миллионам. Устройте повальный обыск, изымите все плакаты, все копии, арестуйте авторов и распространителей, и все же хоть одна копия да уцелеет, а оставшись — размножится, и еще того обильней, ибо запретный плод сладок. Помимо непод-цензурных песен и литературы есть неподцензурная живопись и скульптура, и я даже предвижу появление непод-цензурного кинематографа, как только кинолюбительская техника станет до-ступной многим. Этот процесс освобождения искусства от всяческих пут «руководящих указаний» развивается, ширится, и противостоять ему так же глупо и бессмысленно, как запретить табак или спиртное.

Лучше подумайте вот о чем: явно обнаруживаются два искусства. Одно — свободное и непринужденное, каким ему и полагается быть, распространение и воздействие которого зависит лишь от его истинных художественных достоинств, и другое — приказное и оплачиваемое, но только угнетенное в той

или иной степени, но только стеснен-ное, а подчас и изувеченное всячески-ми компрачиками, среди которых первым на пути автора становится его же собственный «внутренний редак-тор» — наверное, самый страшный, ибо он убивает дитя еще в утробе. Которое из этих двух искусств победит — пред-видеть трудно. И волей-неволей, но приходится уже сейчас делать выбор — на какую сторону из них мы встанем, которое из них поддержим и отстоим.

Я прочитал многие вещи «Самизда-та» и о 9—10 из них могу сказать со всей ответственностью — их не только можно, их должно напечатать. И как можно скорее, пока они не стали до-стоянием зарубежных издательств, что было бы весьма прискорбно для нашего престижа. Ничего антинародного в них нет, — об этом ни один художник, здравый умом, никогда не помышлит, — но в них есть дыхание таланта и яркость, и блеск раскрепощенной художествен-ной формы, в них присутствует любовь к человеку и подлинное знание жизни, а подчас в них слышится боль и гнев за свое отчество, горечь и ненависть к его врагам, прикидывающимся ярыми его друзьями и охранителями.

Разумеется, все вышесказанное от-носится и к неизданным вещам Солженицына. Я имел счастье прочесть почти все им написанное — это писатель, в котором сейчас больше всего нуждается моя Россия, кому суждено прославить ее в мире и ответить нам на все больные вопросы выстраданной нами трагедии, — не знаю иного автора, кто имел бы больше права и больше силы для такой задачи. Не в обиду будь сказано Съезду, но, вероятно, 9/10 его де-легатов едва ли вынесут свои имена за порог нашего века. Александр же Солженицын, гордость русской литературы, донесет свое имя подалее. И если ему сейчас физически трудно выполнить свою задачу, по причинам достаточно вам известным, изложенным в его письме, то не дело ли Съезда, не честь ли для него — защищать и оберечь этого писателя от всех превратностей его ин-дивидуальной судьбы?

Запрещение к печати и постановке, обыск и конфискация архива, «закры-тые» издания вещей, к изданию самим автором не предназначенных, вдобавок еще гнусная клевета на боевого офице-ра, провоевавшего всю войну... читать об этом больно и мучительно стыдно. Это происходит в пролетарском госу-дарстве. Это происходит на 50-м году Революции. Это происходит, наконец, в цивилизованном обществе во второй половине XX века. Не хватило духу объявить писателя «врагом народа», — в конце концов, это был бы честный бандитский прием, к которому нам ли привыкать! — нет, воспользовались приемом сярок, недостойных находить-ся в приличном месте, подпустили слух исподтишка, дабы скомпрометировать писателя в глазах его читателей, хоть как-нибудь объяснить его вынужденное молчание... Такого парадокса еще не видела история демагогии — официальные общественные организации, пускающие анонимку на честного человека! Ведь даже Чаадаев был объявлен сумасшедшим высочайше, то бишь открыто.

И вот я хочу спросить полномочный Съезд — нация мы подонков, шептуно-в и стукачей, или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев? Солженицын свою задачу выполнил, я верю в это столь же твердо, как верит он сам, — но мы-то, мы здесь при чем? Мы его защищали от обысков и конфискаций? Мы пробили его произ-ведения в печать? Мы отвели от его лица липкую, зловонную руку клеветы? Мы хотели ответить ему вразумительно из наших редакций и правлений, когда он искал ответа?

Мы в это время выслушивали привет-ствия г-на Дюррингата и г-жи Холлмен. Что же, это тоже дело, как и единение с борющимся Вьетнамом и страдающей Грецией. Но пройдут годы, и нас спро-сят — что сделали мы для самих себя, для своих близких, которым так трудно было жить и работать.

Письмо Солженицына стало уже до-кументом, который обойти молчанием нельзя, недостойно для честных худож-ников. Я предлагаю Съезду обсудить это письмо в открытом заседании, вы-нести по нему новое и недвусмыслен-ное решение и представить это реше-ние правительству страны.

Извините все резкости моего обраще-ния — в конце концов, я разговариваю с коллегами.

Уважающий вас
Г. ВЛАДИМОВ

Москва, 26 мая 1967 г.

Ни обсужденено, ни обнародовано пись-мо Г. Владимира не было. А 12 сентября в тот же кабинет принесла почта другое — от Солженицына.

В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР Всем секретарям правления

Мое письмо IV съезду Союза писателей, хотя и поддержанное более чем ста писателями, осталось без оглаше-ния и без ответа. Лишь распространены, единобразно, по-видимому, цен-трализованные, слухи, успокаивающие общественное мнение: будто архив и роман мне возвращены, будто печата-ется «Раковый корпус» и книга рассказов. Но все это — ложь, как вы знаете.

Секретари Правления СП СССР Г. Марков, К. Воронков, С. Сартаков, Л. Соболев в беседе со мной 12 июня 1967 г. заявили, что Правление СП счита-ет своим долгом публично опровергнуть низкую клевету, распространяющуюся обо мне и моей военной биографии. Но не только не последовало опровержения, а клевета не унимается: на закрытых инструктажах, активах, семинарах об «мне распространяется новый фантастический вздор — вроде того, что я бежал в Арабскую республику не то в Англию (хотел бы заверить клеветников, что они побегут скорее). Наиболее же настойчиво видными лицами выражается сожаление, что я не умер в лагере, что был освобожден от туда. (Впрочем, и сразу после «Ивана Денисовича» такие сожаления уже вы-ражались из библиотечного пользования.)

Те же секретари Правления обещали «рассмотреть вопрос» по крайней мере о печатании моей последней повести «Раковый корпус». Но за три месяца — четверть года! — и это нисколько не сдвинулось. За три месяца сорок два секретаря Правления не оказались спо-собны ни вынести оценку повести, ни принять рекомендацию о ее печатании. В этом странном — без прямого запрета и без прямого позволения — моя по-весь существует уже более года, с лета 1966-го. Сейчас журнал «Новый мир» хочет печатать эту повесть, одно-ко не имеет разрешения.

Думает ли Секретариат, что от такой бесконечной затяжки моя повесть тихо изникнет, перестанет существовать, и не надо уже будет голосовать о включении или невключении ее в отече-ственную литературу? А между тем, начиная с писателей, она охотно читает-ся. По воле читателей она уже разо-льшилась в сотнях машинописных экземпляров. При встрече 12 июня я предупре-дил Секретариат, что надо спешить ее печатать, если мы хотим ее появления сперва на русском языке, что в таких условиях мы не можем остановить ее неконтролируемого появления на Западе.

После многомесячной бессмысленной затяжки приходит пора заявить: если так произойдет, то по явной вине (а может быть, и по желанию?) Секретариата Правления СП СССР.

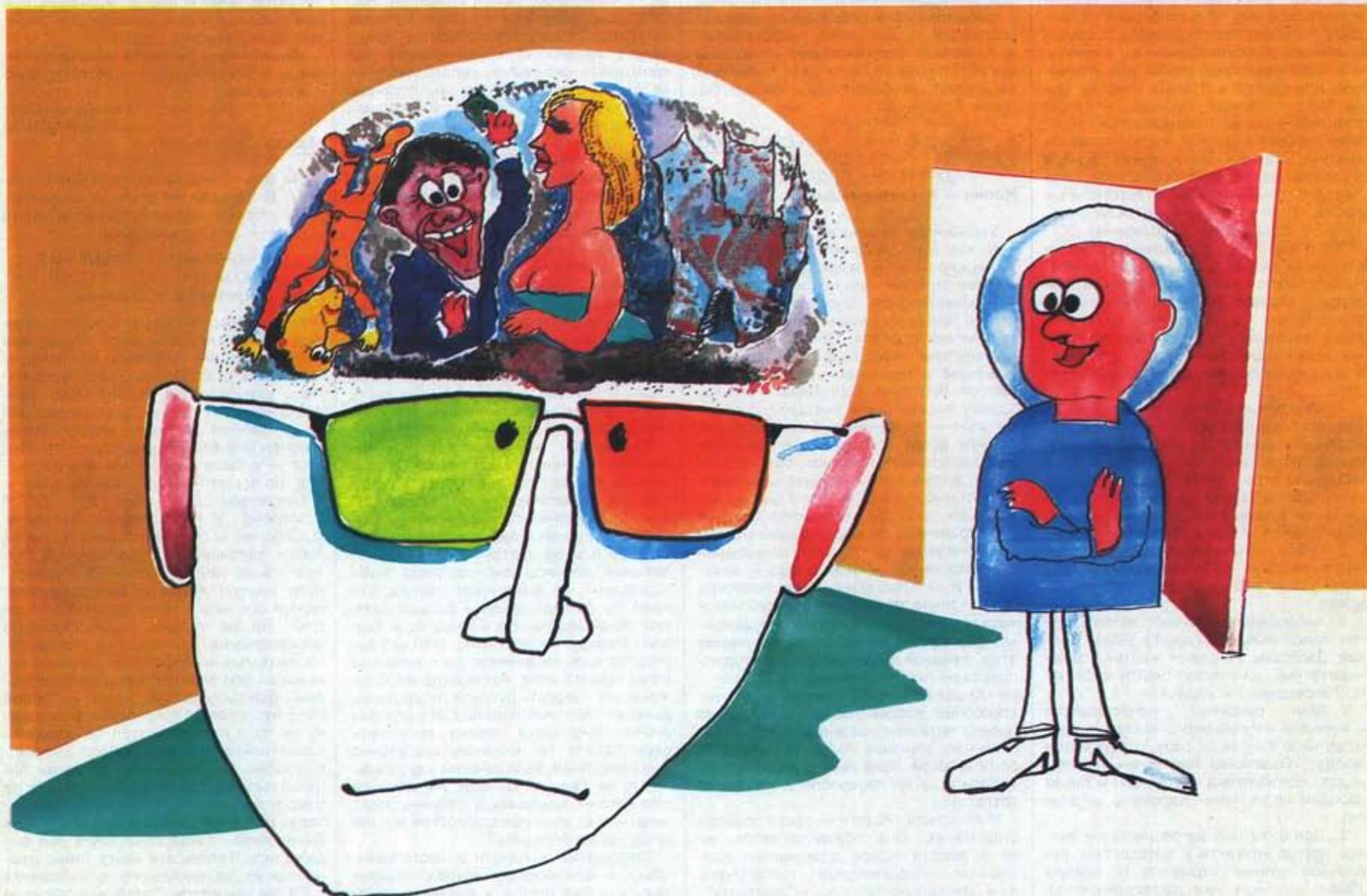
Я настаиваю на опубликовании моей повести безотлагательно.

СОЛЖЕНИЦЫН
12 сентября 1967 г.

Через десять дней предстоял откры-тый бой при закрытых дверях.

Материал подготовил
А. НИКОЛАЕВ.

Окончание следует.

Роберт ШЕКЛИ

ЭДЕЛЬШТЕЙН

В Нью-Йорке дверной звонок раздается как раз в тот момент, когда вы удобно устроились на диване, решив насладиться давно заслуженным отдыхом. Настоящая сильная личность, человек мужественный и уверенный в себе, скажет: «Ну их всех к черту, мой дом — моя крепость, а телеграмму можно подсунуть под дверь». Но если вы похожи характером на Эдельштейна, то подумаете, что это, наверное, блондинка из корпуса 12 С пришла одолжить баночку селитры. Или, возможно, явился какой-то сумасшедший кинорежиссер, желающий поставить фильм по письмам, которые вы шлете матери в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Ведь делают фильмы на куда худших материалах!)

Однако на этот раз Эдельштейн твердо решил не реагировать на звонок. Лежа на диване с закрытыми глазами, он громко сказал:

— Я никого не жду.

— Да, знаю, — отозвался голос по ту сторону двери.

— Мне не нужны энциклопедии, щетки и поваренные книги, — сухо сообщил Эдельштейн. — Что бы вы мне ни предложили, у меня это уже есть.

— Послушайте, — ответил голос. — Я ничего не прошу. Я хочу вам кое-что дать.

Эдельштейн улыбнулся тонкой печальной улыбкой жителя Нью-Йорка, которому известно: если вам подносят в дар пакет, не помеченный «Двадцать долларов», то надеются получить деньги каким-то другим способом.

— Принимать что-либо бесплатно, — сказал Эдельштейн, — я тем более не могу себе позволить.

— Но я имею в виду действительно бесплатно, — подчеркнул голос за дверью. — Это ровно ничего не будет вам стоить ни сейчас, ни после.

— Не интересует! — заявил Эдельштейн, восхищаясь твердостью своего характера.

Голос не отозвался.

Эдельштейн произнес:

— Если вы еще здесь, то, пожалуйста, уходите.

— Дорогой мистер Эдельштейн, — мягко проговорили за дверью, — цинизм — лишь форма наивности. Мудрость есть проницательность.

— Он меня еще учит, — обратился Эдельштейн к стене.

— Ну, хорошо, забудьте все, оставайтесь при своем

цинизме и расовых предрассудках, зачем мне это в конце концов?

— Минуточку, — заметил Эдельштейн. — Какие предрассудки? Насколько я понимаю, вы просто голос с другой стороны двери. Вы можете оказаться католиком, или адвентистом седьмого дня, или даже евреем.

— Не имеет значения. Мне часто приходилось сталкиваться с подобным. До свидания, мистер Эдельштейн.

— Подождите, — буркнул Эдельштейн.

Он ругал себя последними словами. Как часто он попадался в ловушки, оканчивающиеся, например, покупкой за 10 долларов иллюстрированного двухтомника «Сексуальная история человечества», который, как заметил его друг Манович, можно приобрести в любой лавке за 2.98!

Но голос уйдет, думая: «Эти евреи считают себя лучше других!..» Затем поделится своими впечатлениями с друзьями при очередной встрече «Лосей» или «Рыцарей Колумба».

— У меня слабый характер, — печально прошептал Эдельштейн. А вслух сказал: — Ну, хорошо, входите! Но предупреждаю с самого начала: ничего покупать не собираюсь.

Он заставил себя подняться, но замер, потому что голос ответил: «Благодарю вас», — и вслед за этим возник мужчина, прошедший через закрытую, запертую на два замка дверь.

— Пожалуйста, секундочку, задержитесь на одну секундочку, — взмолился Эдельштейн. Он обратил внимание, что слишком сильно сжал руки и что сердце его бьется ненормально быстро.

Посетитель застыл на месте, а Эдельштейн вновь начал думать.

— Простите, у меня только что была галлюцинация.

— Желаете, чтобы я еще раз вам это продемонстрировал? — спросил гость.

— О боже, конечно, нет! Итак, вы прошли сквозь дверь! О боже, боже, кажется, я попал в переплет!

Эдельштейн вернулся к дивану и тяжело на него опустился. Гость сел на стул.

— Что происходит? — прошептал Эдельштейн.

— Я пользуюсь подобным приемом, чтобы сэкономить время, — объяснил гость. — Кроме того, это обыч-

но убеждает недоверчивых. Мое имя Чарлз Ситвел. Я полевой агент Дьявола... Не волнуйтесь, мне не нужна ваша душа.

— Как я могу вам поверить? — спросил Эдельштейн.

— На слово, — ответил Ситвел. — Последние пятьдесят лет идет небывалый приток американцев, нигерийцев, арабов и израильтян. Так же мы вступили больше, чем обычно, китайцев, а совсем недавно начали крупные операции на южноамериканском рынке. Честно говоря, мистер Эдельштейн, мы перегружены душами. Боясь, что в ближайшее время придется об явить амнистию по мелким грехам.

— Так вы явились за мной?

— О дьявол, нет! — сказал Ситвел. — Я же вам говорю: все круги ада переполнены!

— Тогда зачем вы здесь?

Ситвел торопливо подался вперед.

— Мистер Эдельштейн, вы должны понять, что ад в некотором роде похож на «Юнайтед стейтс стил». У нас гигантский размах, и мы более или менее монополия. И, как всякая действительно большая корпорация, мы пекаемся об общественном благе и хотим, чтобы о нас хорошо думали.

— Разумно, — заметил Эдельштейн.

— Однако нам заказано устраивать, подобно Форду, фирменные школы и мастерские — неправильно поймут. По той же причине мы не можем строить города будущего или бороться с загрязнением окружающей среды. Мы даже не можем помочь какой-нибудь захолустной стране без того, чтобы кто-нибудь из нас интересовался нашими мотивами.

— Я понимаю ваши трудности, — признал Эдельштейн.

— И все же мы хотим что-то сделать. Поэтому время от времени, но особенно сейчас, когда дела идут так хорошо, мы раздаем небольшие премии избранному числу потенциальных клиентов.

— Клиент? Я?

— Никто не назовет вас грешником, — успокоил Ситвел. — Я сказал «потенциальных», что означает всех.

— А... Что за премии?

— Три желания, — произнес Ситвел живо. — Это традиционная форма.

— Давайте разберемся, все ли я понимаю, — попросил Эдельштейн. — Вы исполните три любых моих желания? Без вознаграждения? Без всяких «если» и «но»?

— Одно «но» будет, — сказал Ситвел.

— Я так и знал, — заявил Эдельштейн.

— Довольно простое условие. Что бы вы ни пожелали, ваш злейший враг получит вдвое.

Эдельштейн задумался.

— То есть если я попрошу миллион долларов...

— Ваш враг получит два миллиона.

— А если я попрошу пневмонию?

— Ваш злейший враг получит двухстороннюю пневмонию.

Эдельштейн поджал губы и покачал головой.

— Не подумайте только, что я советую вам, как вести дела, но не соблазняете ли вы этим пунктом добрую волю клиента?

— Риск, мистер Эдельштейн, но он совершенно необходим по двум причинам, — ответил Ситвел. — Видите ли, это условие играет роль обратной связи, поддерживающей гомеостатис.

— Простите, я не совсем вас понял.

— Попробуем по-другому. Данное условие уменьшает силу трех желаний, тем самым держа происходящее в разумных пределах. Ведь желание — чрезвычайно мощное орудие.

— Представляю, — кивнул Эдельштейн. — А вторая причина?

— Вы бы уже могли догадаться, — сказал Ситвел, обнажая безупречно белые зубы в некоем подобии улыбки. — Подобные пункты являются нашим, если можно так выражаться, фирменным знаком. Клеймом, удостоверяющим настоящий адский продукт.

— Понимаю, понимаю, — произнес Эдельштейн. — Но мне потребуется некоторое время на размышление.

— Предложение действительно в течение тридцати дней, — сообщил Ситвел, вставая. — Вам стоит лишь ясно и громко произнести свое желание. Об остальном позабочусь я.

Ситвел подошел к двери, но Эдельштейн остановил его.

— Я бы хотел только обсудить один вопрос.

— Какой? — спросил Ситвел.

— Понимаете, так случилось, что у меня нет злейшего врага. У меня вообще нет врагов.

Ситвел расхохотался, ликовым платком вытер с глаз слезы.

— Эдельштейн! — проговорил он. — Вы восхитительны! Ни одного врага!. А ваш кузен Сеймур, которому вы отказались одолжить пятьсот долларов, чтобы начать бизнес по сухой чистке? Или, может быть, он ваш друг?

— Я не подумал о Сеймуре, — признался Эдельштейн.

— А миссис Абрамович, которая плюется при упоминании вашего имени, потому что вы не женились на ее Марьери? А Том Кассиди, обладатель полного со-

брания речей Геббелльса? Он каждую ночь мечтает перебить всех евреев, начиная с вас... Эй, что с вами?

Эдельштейн, сидевший на диване, внезапно побелел и вновь скжали руки.

— Мне в голову не приходило... — пробормотал он.

— Никому не приходит, — успокоил Ситвел, — не огорчайтесь и не принимайте близко к сердцу. Шесть или семь врагов — пустяки. Могу вас заверить, что это ниже среднего уровня.

— Кто еще? — потребовал Эдельштейн, тяжело дыша.

— Я не хочу говорить вам. Зачем лишние волнения?

— Но я должен знать, кто мой злейший враг! Это Кассиди?

Ситвел покачал головой.

— Кассиди — безвредный полуумный лунатик. Он не тронет вас и пальцем, поверьте мне. Ваш злейший враг — человек по имени Эдуард Самуэль Манович.

— Вы уверены в этом? — спросил потрясенный Эдельштейн.

— Абсолютно.

— Но Манович — мой лучший друг!

— А также ваш злейший враг, — ответил Ситвел. — Иногда так бывает. До свидания, мистер Эдельштейн, желаю вам удачи со всеми тремя желаниями.

— Подождите! — закричал Эдельштейн. Он хотел задать миллион вопросов, но находился в таком замешательстве, что сумел только спросить: — Как может быть, что ад переполнен?

— Потому что безгрешны только небеса, — сообщил ему Ситвел. — Счастливо, мистер Эдельштейн.

Ситвел махнул рукой, повернулся и вышел через закрытую дверь.

Эдельштейн не мог прийти в себя несколько минут. Он думал об Эдди Мановиче. Злейший враг!.. Смешно, в аду явно ошиблись. Он знал Мановича почти двадцать лет, каждый день встречался с ним, играл в шахматы. Они вместе гуляли, вместе ходили в кино, по крайней мере раз в неделю вместе обедали.

Правда, конечно, Манович иногда разевал свой большой рот и переходил границы благословленности.

Иногда Манович бывал груб.

Честно говоря, Манович часто вел себя просто оскорбительно.

— Но мы друзья, — обратился к себе Эдельштейн. — Мы друзья, не так ли?

Он знал, что есть простой способ проверить это — пожелать себе миллион долларов. Тогда у Мановича будет два миллиона долларов. Ну и что? Будет ли его, богатого человека, волновать, что его лучший друг еще богаче?

Да! И еще как! Ему всю жизнь не будет покоя из-за того, что Манович разбогател на его, Эдельштейна, желании.

«Боже мой! — думал Эдельштейн. — Час назад я был бедным, но довольным человеком. Теперь у меня есть три желания и враг».

Он обхватил голову руками. Надо хорошенъко поразмыслить.

На следующей неделе Эдельштейн договорился на работе и день и ночь сидел над блокнотом. Сперва он не мог думать ни о чем, кроме замков. Замки гармонировали с желаниями. Но, если приглядеться, это не так просто. Имея замок средней величины с каменными стенами в десять футов толщиной, землями и всем прочим, необходимо заботиться о его содержании. Надо думать об отоплении, плате слугам и так далее.

Все сводилось к деньгам.

Я могу иметь приличный замок на две тысячи в неделю, — прикидывал Эдельштейн, быстро записывая в блокнот цифры. Но это значит, что Манович будет содержать два замка по четыре тысячи долларов в неделю!

Наконец Эдельштейн перерос замки; мысли его стали занимать путешествия. Может, попросить кругосветное? Но что-то не хочется. А может, провести лето в Европе? Хотя бы двухнедельный отпуск в Фонтенбло или в Майами-Бич, чтобы успокоить нервы? Но тогда Манович отдохнет вдвое краше!

Уж лучше остаться бедным и лишить Мановича возможных благ.

Лучше, но не совсем.

В течение последней недели Эдельштейн все больше отчаялся и злился. Он говорил себе: «Я идиот, откуда я знаю, что все это правда? Хорошо, Ситвел мог проходить сквозь двери, но разве он волшебник? Может быть, это химера».

Он сам удивился, когда встал и громко и уверенно произнес:

— Я желаю двадцать тысяч долларов! Немедленно!

Он почувствовал мягкий толчок. А вытащив бумажник, обнаружил в нем чек на 20 000 долларов.

Эдельштейн пошел в свой банк и протянул чек, дрожа от страха, что сейчас его схватят полиция. Но его просто спросили, желает ли он получить наличными или положить на свой счет.

При выходе из банка он столкнулся с Мановичем, чье лицо выражало одновременно испуг, замешательство и восторг.

Эдельштейн в расстроенных чувствах пришел домой и остаток дня мучился болью в животе.

Идиот! Он попросил лишь жалких двадцать тысяч! А Манович получил сорок!

Человек может умереть от раздражения.

Эдельштейн впал в апатию, то в гнев. Боль в животе вернулась — похоже на язву. Все так несправедливо! Он загоняет себя в могилу, беспокоясь о Мановиче!

Но зато он понял, что Манович действительно его враг. Мысль, что он собственными руками обогащает своего врага, буквально убивала его.

Он сказал себе: «Эдельштейн! Так больше нельзя. Надо позаботиться об удовлетворении».

Но как?

И тут это пришло к нему. Эдельштейн остановился. Его глаза безумно забегали, и, схватив блокнот, он стал что-то вычислять. Закончив, он почувствовал себя лучше, кровь прилила к лицу — впервые после визита Ситвела он был счастлив!

— Я желаю шестьсот фунтов рубленой цыплячьей печенки!

Несколько порций рубленой цыплячьей печенки Эдельштейн съел, пару фунтов положил в холодильник, а оставное продал по половинной цене, заработав на этом 700 долларов. Оставшиеся незамеченные 75 фунтов убрал дворник. Эдельштейн от души смеялся, представляя Мановича, по шею заваленного печенкой.

Радость его была недолгой. Он узнал, что Манович оставил десять фунтов для себя (у этого человека всегда был хороший аппетит), пять фунтов подарил неприметной, маленькой вдовушке, на которую хотел произвести впечатление, оставное продал за 2000 долларов.

«Я слабоумный, дебил, кретин, — думал Эдельштейн. — Из-за минутного удовлетворения потратить желание, стоящее по крайней мере на миллион долларов! И что я с этого имею? Два фунта рубленой цыплячьей печенки, пару сотен долларов и вечную дружбу с дворником!»

Оставалось одно желание.

Теперь необходимо воспользоваться им с умом. Надо попросить то, что ему, Эдельштейну, хочется отчаянно и вовсе не хочется Мановичу.

Прошло четыре недели. Однажды Эдельштейн осознал, что срок подходит к концу. Он истощил свой мозг и лишь для того, чтобы уединиться в самых худших подозрениях: Манович любил все, что любил он сам. Манович любил замки, женщин, деньги, автомобили, отдых, вино, музыку...

Эдельштейн взмолился:

— Господи боже мой, управляющий адом и небесами, у меня было три желания, и я использовал два самым жалким образом. Боже, я не хочу быть неблагодарным, но спрашиваю тебя, если человеку обеспечивают выполнение трех желаний, он может использовать их с большей пользой, чем я? Может ли он сделать что-нибудь хорошее для себя, не пополняя при этом карманов Мановича, злейшего врага, который запросто все получает вдвое?

Настал последний час. Эдельштейн был спокоен, как человек, готовый принять судьбу. Он понял, что ненависть к Мановичу была пустой, недостойной его. С новой приятной безмятежностью он сказал себе: «Сейчас я попрошу то, что нужно лично мне, Эдельштейну».

Эдельштейн встал и выпрямился.

— Это — мое последнее желание. Я слишком долго был холостяком. Мне нужна женщина, на которой я могу жениться. Она должна быть около пяти футов четырех дюймов высотой, весить примерно 115 фунтов, с хорошими формами, конечно, и с натуральными светлыми волосами. Интеллигентная, практичная, влюбленная в меня, еврейка, конечно, но тем не менее сексуальная и с чувством юмора.

Мозг Эдельштейна внезапно заработал на бешеной скорости.

— А особенно, — добавил он, — она должна быть пределом, максимумом, который только я хочу и с которым могу справиться, я говорю исключительно в плане интимных отношений. Вы понимаете, что я имею в виду, Ситвел? Деликатность не позволяет мне объяснить вам более подробно, но если дело требует того...

Раздалось легкое, однако какое-то сексуальное постукивание в дверь. Эдельштейн, смеясь, пошел открывать.

«Двадцать тысяч долларов, два фунта печенки и теперь это! Манович, — подумал он, — ты попался! Удвоенный предел желаний мужчины... Нет, такого я не пожелал бы и злешму врагу, но я желал!»

Перевод с английского Владимира БАКАНОВА.

● Конъюнктура — удавка для диалектики

● Спецвилла меняет хозяев

● «Мы потеряли уважение к себе»

● Кто крайний в очереди к покойному?

Молодежь не удовлетворена преподаванием общественных наук в вузах. Иначе и быть не может! Догматическая традиция преподавания этих дисциплин, сложившаяся в годы сталинщины и застоя, противоречит реалиям жизни, не соответствует уровню развития науки. Идеологические ведомства сами решают, какие общественные науки студентам изучать, в какой последовательности, по каким программам, какое количество часов и т. д. Появившиеся «новейшие» учебники по обществоведческим дисциплинам устарели еще до своего выхода.

Усилиями этих же ведомств был рожден идеологический монстр — «госэкзамен по марксизму-ленинизму». В программе экзамена — «в одной упряжке» еще далеко не проясненные сюжеты из жизни партии, сомнительные политэкономические упражнения, весьма далекая от теории и коммунизма «Теория научного коммунизма» и, конечно же, «единственно научная» философия кондового диамата-истмата. Весьма сомнительно, чтобы такого рода конгломерат способствовал развитию у студентов углубленного и целостного понимания марксизма наших дней, на что он, собственно, и был расчитан. А вот скромнотметить это учение в их глазах такое мероприятие в состоянии.

В недрах ведомств подготовлены ныне и, как поговаривают, «передан на рассмотрение в ЦК» пакет предложений по якобы коренной перестройке преподавания общественных наук в вузах страны. И опять свидетельство: процесс формирования этой концепции протекал стремительно и келено, с привлечением неширокого круга избранных из числа лиц, доказавших свою лояльность идеологии застоя и привычно переориентировавшихся на марше очередной, и для них сугубо конъюнктурной, перестройки. Начался новый учебный год, но циркуляров о грядущих изменениях в преподавании общественных наук вузы страны все еще не получили...

Словом, идеологическое обновление, о котором так много и охотно говорят и пишут штатные и сверхштатные идеологические чиновники, так и не коснулось существа преподавания гуманитарных наук. Так не пора ли и здесь вводить гласность, начинать подлинную перестройку?

Евгений КРОТКОВ,
зав. кафедрой философии и научного
коммунизма Днепропетровского
медицинского института

В № 15 «Смены» за 1989 год прочитала статью «Непрожиточный минимум». Сейчас много пишут на эту тему, но ни в одной я не читала о материальных одиноках. Сама являюсь таковой 1 год и 3 месяца (столько сейчас моему сыночку). Не приятно говорить о таких, как я. Многие считают нас чуть ли не падшими женщинами. Да, наверняка есть и такие, кому все равно, от кого рожать. Но в основном (насколько

я знаю) это честные и умные женщины, которые «любили, да замуж не вышли». Мы растим и воспитываем своих детей с большой любовью, а находимся не только за «чертой бедности», а за всеми теми, кто за этой чертой живет. У пенсионера маленькая пенсия, пусть 30, 40, 50 рублей, но она на одного. А у нас с сыном 32 руб. на двоих после того, как ему исполнился год. 20 рублей из собеса и 12 рублей на ребенка платят предприятие. Можно ли прожить на такие деньги, если 11 рублей из них идет на квартилу, а 8 рублей — на молочную кухню (кухня платная, так как прошлогодний доход нашей «семьи» — 74 рубля на человека, а бесплатно только тем, у кого до 70 рублей...)? Недавно опубликовано постановление об увеличении пенсий и пособий, но опять ни рубля не добавлено материам-одиночкам. Не знаю, как бы мы жили, если бы не мои родители...

Вот и высказала, что наболело.

С уважением Ирина,
инженер, 30 лет,
Псков

Статья «Непрожиточный минимум» («Смена» № 15) глубоко взволновала нас. Обсудили ее на работе и решили собрать и отправить деньги остро нуждающемуся пенсионеру Легздину Е. А. из Старого Оскола: его адрес хорошо виден на снимке.

Мы бы хотели внести предложение: открыть в журнале рубрику, в которой бы содержалась краткая справка о человеке, чей «доход» относится к непрожиточному минимуму, с указанием его адреса.

Наш народ в целом добрый и милосердный. Думаем, нашлись бы люди, желающие помочь ближнему.

Рига

ОТ РЕДАКЦИИ. Наши читатели из Риги посыпали, не поставили под письмо свои имена. Не это главное. Они совершили поступок...

Теперь по поводу предложения рижан открыть в журнале новую рубрику. Нам кажется, нет необходимости делать это во всесоюзном издании. И в Риге, и в других наших городах, сожалению, еще много страждущих, нуждающихся в милосердии. Помогите им. Если это произойдет повсеместно, мы ощутимо уменьшим их боль...

Только что прочитала «Историю офицерской жены» («Смена» № 14). Спешу подписать под каждым ее словом. Я потомственная «офицерша», дочь и жена военного.

Отец, отслужив 35 лет и выйдя в отставку, положил на книжку что-то около двух тысяч — его накопления за всю жизнь. Муж служит честно, никто не сможет бросить ему обвинение в «ханжничестве». Я за 11 лет супружества при своем красном дипломе преподавателя-пианиста была и нянечкой, и машинисткой, и секретарем. И вот лишь

два последних года работаю снова по специальности, чем счастлива неимоверно.

Дети (двоих сыновей) как-то спросили: «Мама, а зачем папа домой приходит?» Я ответила: «Отдохнуть, поесть, поплакать, побывать с нами». На что дети ответили: «А мы думали, только передадесь...»

Есть чему завидовать, не правда ли? И, знаете, все равно я горжусь отцом и мужем. И, смею вас заверить, с честью несу звание «офицерской жены».

Елена МАМОНОВА,
Калужская область

Второй год я учитель-пенсионер. Общий стаж работы 43 года. Начислили пенсию 132 рубля. Но я одиночка, внука нет, а четыре стены давят на меня, не могу без любой работы. Кстати, уже в годы перестройки я стала «отличником просвещения», мне присвоили звание «учителя-методиста» (наконец-то оценили мои способности!), награждена медалью «За трудовое отличие», многими грамотами, в том числе Минпроса СССР.

Я еще могу отдавать детям свои знания, но независимо от того, сколько часов буду вести, из пенсии высчитывают 30 процентов в доход государства. Разве это справедливо?! Пусть бы был «потолок» 300 рублей, но не трогайте заработанной мною пенсии!

До каких пор будет такая несправедливость? Мы не шахтеры, не транспортники, мы не бастуем, но ведь всякому терпению приходит конец. И неужели так приятно нашему правительству, что учителя-пенсионеры влачат жалкое существование? При теперешних ценах я вечно в долгах...

Н. К. КОРЧАК,
Находка

Нас буквально захлестнула волна критики. Изголодающиеся за долгие годы застоя, мы будто добрались теперь к лакомому пирогу. Критикуем всех и вся. Критикуем и... радуемся. Да, да, если раньше критика вызывала раздражение, то теперь — восторг. Некоторые уже сейчас, опасаясь показаться неоригинальными, лихорадочно ищут новые темы уже по принципу: «Что бы еще покритиковать, чего еще никто не критиковал?» «Голоса» — и те растерялись. Даже в лучшие для них годы «холодной войны» они нас так не ругали.

Да, «критика не шоколад». Это даже Л. И. Брежнев любил говорить. И это, пожалуй, хорошо, что она многим не нравится и сейчас, когда, казалось бы, к потоку критики уже привыкли, адаптировались. Плохо то, что критика стала нравиться части общества. Мы становимся под нее, будто под душ, но не возмущаемся, а благоговеем под ее хладными струями. «Порядок в своем доме, конечно, наводить надо», — говорил недавно один западный журналист. — Но почему вы вытряхиваете коврики все время себе на голову?»

Действительно, почему? Нельзя же все время заниматься самобичеванием, живописать наши трудности и возмущаться очередями, истоки которых (конечно же!) «заложены в сталинские времена»? Все это мы прекрасно знаем и видим и без наших публицистов-экономистов. Сегодня важнее не постановка проблем, а пути их решения. Так вот: с критикой у нас хорошо, а с «путями» плохо. Можно смело утверждать, что по количеству критики на душу населения мы в данный момент прочно удерживаем первенство во всем мире, но вот по количеству колбасы...

Вот и на Съезде много критиковали! И хорошо критиковали! И поделом! И правильно делали! «Ну а дальше-то

что?» — так и хотелось спросить многих сходящих с трибуны депутатов.

Мы потеряли уважение к самим себе. Вот что трагичнее всего. И только посыпая голову пеплом, уважения не вернуть. Уважение можно вернуть умом, знаниями и, конечно же, трудом, а не словами. В какую бы оригинальную и броскую критическую упаковку они ни были завернуты.

Виталий СКОБЕЛЬСКИЙ,
30 лет, член КПСС,
Полтавская область

Большое спасибо за статью «Без иллюзий». Мне 38 лет, служащая, имею двух девочек и мужа-алкоголика, с которым живу уже 21 год.

Семья, в которой есть муж-алкоголик, — это семья угнетенных людей, мы находимся под постоянным страхом, что наш глава семьи придет домой пьяный, устроит скандал. А потом начинается запой — любой ценой напиться, и так до 8—10 дней. Актуальное постановление 1985 года сыграло свою роль. Мой муж притих на полтора года, а начиная с 1987 года все вернулось на круги своя, даже еще хуже стало: стал пить дома, ставит бражку, гонит самогон,

Хочу ответить на ваш первый вопрос: «Что изменилось в вашем городе, селе за последние годы?» Водку стали продавать по талонам, это неплохо. Но мой муж — сам себе начальник, и сколько захочет, столько и укажет в своей заявке рабочих и служащих, и никто его за это не накажет и не проверит. Вот вам лишние талоны, пей, залейся. Но водка дорогая, самый простой способ — бражка и самогон...

Теперь второй вопрос: «Какие пути в борьбе с алкоголизмом вам представляются оптимальными?» Нужен такой орган или организация, которая занималась бы только алкоголиками, постоянно держала их в поле своего внимания. Ведь я фактически одна остаюсь со своей бедой, удержать мужа от пьянства не могу, обратиться за помощью некуда.

В подъезде, где мы живем, таких семей четыре — постоянно пьянки и скандалы. Мы удивляемся, что молодежь жестокая; мои девочки уже не могут терпеть своего отца-пьяницу, если он начинает драться, они его бьют чем попало, без всякой жалости, они ожесточились...

Деньги для этой организации брать от алкоголиков. Если бы такая организация была сейчас, я бы из заработка мужа высчитывала для нее 70—80 рублей.

Лидия СЕРЕДИНА,
Чита

Толстой писал: «Избавится от пьянства человек не тогда, когда будет лишен возможности пить, а тогда, когда он не станет пить, хотя бы перед ним в его комнате стояло бы вино и он слышал его запах». Думается, что эти мысли звучат вполне современно, но что же все-таки делать нам? Мои предложения: 1. Провести плебисцит с целью выяснения мнения населения — какие меры могли бы оказаться эффективными в борьбе с пьянством и алкоголизмом? 2. Ликвидировать должности платных сотрудников Всесоюзного общества трезвости как нахлебников-бюрократов на шее народа. Только бескорыстные энтузиасты могут добиться каких-то реальных результатов. 3. Максимально использовать такое грозное оружие, как сатира и юмор. Правда, с одной весьма существенной оговоркой — они должны быть добрыми.

По меткому выражению писателя Ми-

халил Жванецкого, и у нас, и в США, например, большинство взрослых людей считает, что «алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве». Если судить по цифровым показателям, то сходство налицо. Но если в США пришли к заключению о бесполезности запретительских мер еще более полувека тому назад, то мы эту истину начинаем только постигать. Если мы относимся к алкоголику или пьянице как к потенциальному преступнику, зачастую превращая его в изюга, запирая за колючей проволокой в ЛТП, то в США наибольшее распространение получает так называемая практика «открытых дверей», и при этом лишь шесть процентов больных совершают побеги. Курс лечения стоит около двух тысяч долларов, по большей части он оплачивается заинтересованной в сохранении специалиста фирмой.

А вообще-то в США ущерб от медицинских и социальных последствий потребления алкоголя оценивается в 43 миллиарда долларов в год. По тем же позициям мы терпим убытки на 300—400 миллиардов рублей в год (данные профессора Б. Исакова в «Смене» № 12).

Хотя в США преобладает гуманное отношение к алкоголикам, однако чрезмерная привязанность к алкоголю и увлечение амурными похождениями стоили Дж. Таузру портфеля министра обороны США. У нас таких precedentов что-то я не припоминаю!

Юрий ДЯЧЕНКО,
доктор медицинских наук, Одесса

Мне 44 года. В общей сложности отбыл двенадцать лет в местах лишения свободы. В 1987 году приехал в Москву к матери, инвалиду 1-й группы, — я один у нее. Полгода мотался по инстанциям, добиваясь прописки, прописку дали на год. Устроился работать. Мама сильно болела, сделали ей две операции, а через десять месяцев она умерла. Жили мы в однокомнатной квартире. Год прописки прошел, пришло уйти с работы, так как прописку в отделении милиции не продлили. Причину указали: по случаю смерти квартироносители. Никаких нарушений я не допускал — знал работу, дом, где без движения лежала мать. Сейчас нет ничего и никого. С апреля без работы, без средств. Продается кое-что продаю, ведь человеку нужно есть. Воровать не буду. Продал холодильник, телевизор, приемник. А что делать? Куда деваться? Кварплату вношу регулярно. Родных нет никого. Хожу вагоны разгружать по предъявлении паспорта. Вот так и живу. Вопрос: «Как дальше жить?»

Василий ДРАЛОВ,
Москва

Мой племянник учится в институте на Пискаревке в Ленинграде, живет в общежитии по улице Кирилловской, 14. Пусть письмо не покажется жалобой, скорее всего это выражение боли не только за родственника, а и за общее наше будущее. И коль мы говорим, что в период перестройки нельзя стоять в стороне, хочется рассказать (сама была свидетелем) о тех ужасающих условиях, в которых живут будущие санитары. Грязь на стенах, в коридорах, туалетах, в комнатах клопы, тараканы. Но не менее ужасно еще и то, что девочки носят с парнями в комнатах, где есть еще несколько ребят. Мало того, что это безнравственно, это еще расадник всевозможных инфекций. Не всем ребятам это нравится, но мы сами привыкли бояться сказать правду и «увы...» это же воспитали в своих детях. Мало того, что возмущающиеся ребята могут пострадать от старшекурсников (и почему они живут с млад-

шими по курсу в одной комнате?), которые ведут разгульный образ жизни, но и от преподавателей, которым удобнее эти факты не замечать. Спокойнее, да и других хлопот хватает. В комнатах часто устраиваютсяочные кутежи, куда может войти любой с улицы, что часто и происходит. И если старшекурснику простят пропуск утренних лекций, то для младшекурсников это чревато тяжелыми последствиями.

Печально, но пока племянник учится, не хочу называть точный адрес (фамилии и имени-отчества достаточно), чтобы не навредить родственнику. Но уверяю, что после окончания института (если он сумеет устоять) заговорю во весь голос. А сейчас надеюсь, что журнал «Смена» как-то поможет будущим санитарам не привыкать к грязи как к бытовой, так и нравственной.

Галина Михайловна ВОЛКОВА

Приходилось ли вам бывать на пышных похоронах высокопоставленных чиновников?

На проводы в последний путь почивших в базе сильных мира сего по-прежнему сгоняется масса людей, освобождаемых от работы и вынужденных ради приличия изображать соболезнование и скорбь, которых они вовсе не испытывают. Идет своеобразное соревнование: к кому больше выстроится очередь для «прощания». По неписаному правилу, чем выше пост занимал покойный, тем больше должно пройти у его гроба людей.

Назначенные распорядители регулируют «скорбное шествие», четко чередуя военные и штатские, общественные организации и трудовые коллективы. Остановка на час-полтора происходит во время посещения правительственной делегации. Но и здесь существует строгая иерархия по чинам. Чем выше должность прощающегося, тем ближе он стоит к телу покойного.

А рядовые «скорбящие», привыкшие к очередям, быстро осваиваются: кто-то читает газету, кто-то ест мороженое, кто-то беседует на темы, далекие от личности усопшего; то здесь, то там раздается приглушенный смех.

Но и это еще не все. Не всем из простоявших бесцельно три-четыре часа удастся исполнить «последний долг». Им тот же штатный распорядитель проникновенным голосом сообщает, что время для прощания истекло и желающие взглянуть на покойного могут прийти завтра...

Потерян день. Люди, уставшие от долгого ожидания, ничего, кроме раздражения и досады, не испытывают. Не говорю уж об экономической стороне дела. А ведь подобные трехдневные «прощания» влетают, как бы написали на Западе, налогоплатящим, то есть нам с вами, в копеечки.

Люди ходят сюда не по зову души. Просто неудобно, нетактично отказываться от приглашения на подобное «мероприятие». Могут неправильно истолковать отказ, обвинить в черствости и равнодушии. Но скорее всего в безнравственности можно упрекнуть именно тех, кто похороны превращает в мероприятие с размахом, с обязательной явкой. Они не испытывают неловкости даже перед родственниками усопшего, для которых все эти церемонии в общем-то, наверное, и задуманы. Но не позавидуешь этим родственникам. Каково им сносить эту пятичасовую пытку, видя лицемерно и ненатурально скрывающую публику?

Все расходы на похороны простых смертных полностью ложатся на плечи их близких. А вот государственных мужей хоронят исключительно за государственный счет. Как безродных и одиноких. Хотя к малоимущей категории населения причислить их трудно. Они и после смерти продолжают пользоваться привилегиями. И лучшее место на кладбище, и грандиозный памятник им обеспечены. Опять-таки на государственные средства.

Может, хватит притворства? Люди должны быть равными и в жизни, и в смерти.

Ирина МАЧУЛЬСКАЯ

Я очень внимательно следила за Съездом, сессиями, но никто из депутатов даже словом не обмолвился об одной статье в нашем жилищном законодательстве. Неужели законы, которые принимались столько лет назад, никто не может отменить? Я вот о чем. Если женщина живет одна с сыном, которому исполнилось девять лет, ей по очереди, конечно, дают 2-комнатную квартиру, а с дочкой девяти лет — однокомнатную, в которой можно, по нашим законам, прожить всю жизнь. Товарищи депутаты, считайте это письмо открытым для всех вас. Может, хоть кто-нибудь спросит наше руководство, принимающее такие законы, нужна ли такая дискриминация женщин?

Ирина Борисовна СЕРГИЕНКО,
г. Рыбница Молдавской ССР

Огромное спасибо за публикацию «В полный рост» («Смена» № 12 за 1989 год) о нас, маленьких. Нас действительно мало по сравнению с «большими». Но мы не хотим, чтобы нас не замечали, не хотели знать о нашем существовании. Мы, маленькие, такие же, как и все, и хотим жить полноценной жизнью. По воле рока, судьбы проблем у нас во сто крат больше. И это не только проблемы с одеждой, обувью, жильем, пенсией... Но и с работой, устройством личной жизни, проблемами взаимоотношений с окружающим миром и многие, многие другие.

В нашей стране всем уделяется хоть толика внимания. Только не нам. Обидно... А ведь в каждом городе, особенно большом, можно нас встретить. Но порой мы даже и не подозреваем о существовании друг друга, а познакомиться, просто встретиться нет никакой возможности. Так и живем поодиночке. Каждая уж тут личная жизнь!

Сейчас в нашей стране повсеместно создаются кооперативы. Создали бы и для нас кооперативы (хотя бы в столицах союзных республик) по производству и продаже одежды и обуви. Хоть бы эту проблему помогли нам решить.

Я очень прошу вас, пожалуйста, напечатайте мое письмо. Я совсем одинока... Может, кто из маленьких захочет написать мне — буду очень благодарна. Мой адрес: 348042, Ворошиловград-42, квартал 50 лет Октября, дом 40, кв. 30.

Ирина АЛЛАТОВА

Когда входишь в просторный вестибюль этого двухэтажного особняка, взгляд невольно задерживается на узорчатых плитах мраморного полированного пола, на стенных панелях из ценных пород дерева, больших, в рост человека, зеркалах и прочих «остатках былой роскоши».

Да, это действительно остатки той роскоши, того великолепия, которые царили здесь еще совсем недавно. А называлась сей «специобъект» второй депутатской красноярского аэропорта Емельяново. Второй потому, что была и есть сегодня еще одна депутатская комната в самом аэровокзале, в свою очередь, состоящая из ряда прекрасно оборудованных комнат и рассчитанная на кратковременное пребывание народных избранников перед вылетом.

Вторая депутатская — в сотне метров от первой, в сосновом бору. Вилла-фазенда предназначалась, разумеется, не для рядовых депутатов, а для суперэлиты — власть имущих и их высокоопоставленных гостей из центра и других «инстанций». Здесь были устроены шикарные номера-люксы, банкетный и бильярдные залы, прекрасные холлы, бассейн, сауна и другие помещения. У парадного подъезда резные двух- и трехметровые фигуры фольклорных персонажей. А на заднем дворе «специобъекта» добротные, теплые гаражи для персональных автомобилей хозяев и гостей.

Так было, повторимся, совсем недавно. Но вот — в соответствии с новым перестроенным временем — произвел «последний звонок» и для этого особняка. С марта нынешнего года здесь разместился детский сад «Колокольчик», который раньше ютился в одной из квартир жилого дома.

Теперь хозяева спецвиллы — 120 детей авиаработников, живущих в поселке красноярского аэропорта. Пять групп «Колокольчика», начиная с ясельной и кончая подготовительной, обосновались в прежних люксах: в бывшем банкетном зале теперь музыкальный зал. На лесной полянке, находившейся в обширную территорию особого объекта, появились открытые домики-веранды для прогулок детворы в ненастную погоду.

Кажется, что это сам юный, расцветающий в сосновом бору «Колокольчик» благовестит о торжестве социальной справедливости и одновременно звучит погребальным, похоронным звоном по прежним посетителям особняка — по тем, кто считал себя хозяевами не только этой виллы, но и всего края, его «отцами».

В. ДЕБЕРДЕЕВ,
член Союза журналистов СССР,
Свердловск

Редакция получила официальный ответ из Министерства обороны на статью А. Пальма «Стажеры на войне».

В настоящее время в компетентных органах находится на рассмотрении проект постановления о распространении льгот, установленных для участников войны из числа военнослужащих, проходивших службу в действующей армии, на военнослужащих и других лиц, временно, независимо от продолжительности, находившихся в действующей армии для выполнения специальных заданий, в командировках, на стажировке (практике).

Д. СУХОРУКОВ,
заместитель министра обороны
СССР, генерал армии.

Что ждет меня, инвалида труда II группы? Как выяснилось, к пенсии мне не добавят — получаю по инвалидности 69 рублей 65 копеек. Значит, и в дальнейшем я не смогу обеспечить свою семью, в которой двое детей дошкольного возраста (на них я получаю пособие в размере 24 рублей, по 12 на каждого). На члена семьи из четырех человек у нас приходится 30 рублей.

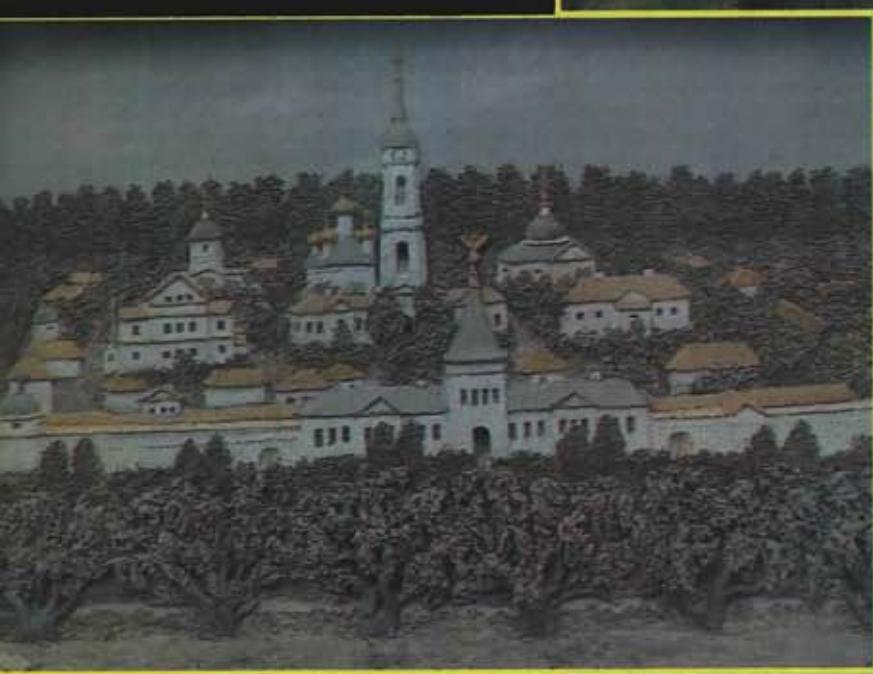
Хорошо, что Съезд проявил заботу о пенсионерах, инвалидах, но как дальше жить мне, расти детей? На 12 рублей пособия, которые определены государством? До каких пор мы будем влечь жалкое существование?

Обращался за помощью дважды в райисполком, но ничего конкретного предложить не смогли, а вернее, не захотели. От местных властей помощи нет, а что ждать от государства, уже ясно. Нет финансов — и весь ответ. Ждать можно год, пять лет, но ведь не всю жизнь!

БАРСАГАЕВ С. В.,
инвалид II группы,
Новосибирск

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ
Фото
Владимира ВАСИЛЬЕВА

Я приезжал в Козельск в разное время — и в августе, и в октябре, и в январе, и в марте, и в мае. Собственно, Козельск — это ведь еще и Оптина пустынь, и Нижние Прыски, и Шамордино, и Сосенское, то есть еще и окрестно-

сти, без которых не понять исторической судьбы и нынешнего облика маленького городка над Жиздрой, быстро текущей в Оку.

Левый берег, на котором стоит город, крутой, а правый — необычно, неожиданно — пологий. Возможно, говорят историки, левый берег насыпной. Здесь была старинная крепость. Вот остатки Успенского собора... Отсюда с огромной высоты, виден и нынешний, действующий железнодорожный мост, и брошенные опоры бывшего моста.

...Просторы, дали — древняя калужская земля...

Козельск впервые упомянут в летописях под 1146 годом, на год раньше Москвы. В 1996 году исполнится 850 лет.

Сейчас в самом Козельске живет около 22 тысяч человек, да еще в поселке Сосенском (в нескольких километрах) — примерно 14 тысяч человек, да еще в отдельном городке — 12 тысяч, а во всем Козельском районе, если все сложить, — более 60 тысяч.

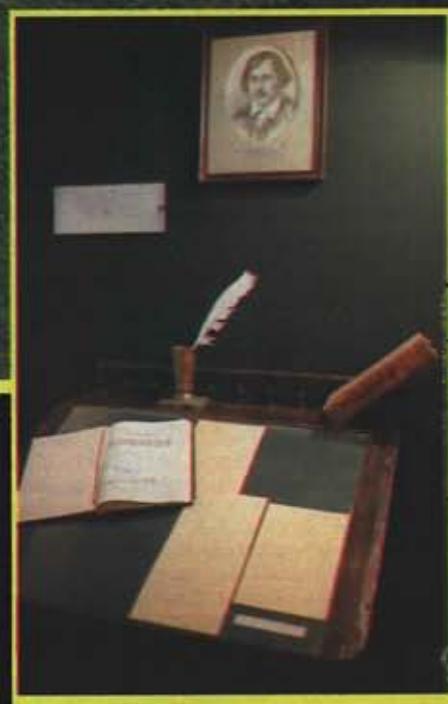
На главной площади города (когда-то торговой, с десятками лавок) много разного рода памятников. Из них, наверное, самый выразительный — это бесконечный перечень фамилий козельчан, павших на фронтах Великой Отечественной войны.

Замечаем: установлен на площади камень с надписью, что здесь будет сооружен еще один памятник — в честь 750-летия обороны Козельска от Батыевой орды... Более двухсот лет назад, когда Козельск стал уездным городом, ему был присвоен герб в память той героической обороны: "...в червленом поле, знаменуем кровопролитие, накрест расположенные пять серебряных щитов с черными крестами, изъявляющими храбрость их защищения и несчастную судьбину, и четыре золотые кресты, показывающие их верность".

В ОЖИДАНИИ ЛЮБВИ

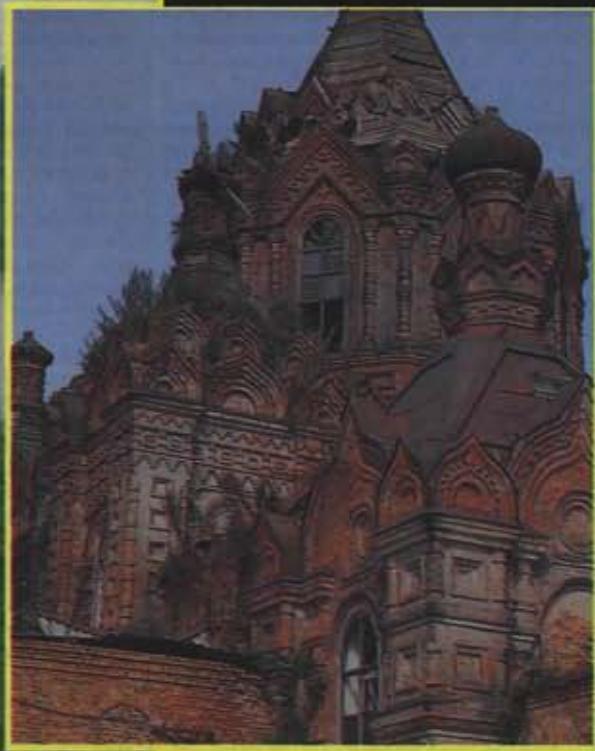
Козельские впечатления

История с лихвой оправдала символику городского герба.

Но, если бы меня спросили, какими величими событиями ознаменованы наши дни в жизни древнего города, я не колеблясь назвал бы прежде всего главное: возвращение Оптиной пустыни Русской Православной Церкви. И без претензии на парадоксы рискнул бы рядом поставить еще одно: первые свободные выборы народных депутатов.

Раннее утро в Козельске, воскресенье, 26 марта... День выборов народных депутатов уже начался, и я спешил домой в Москву, чтобы успеть проголосовать. По дороге на станцию расспрашивал козельчан, за кого они будут голосовать: предстояло сделать выбор между Александром Сергеевичем Ползуковым, заводским инженером, и Геннадием Ивановичем Улановым, первым секретарем Калужского обкома партии. Я не почув-

стует ли генплан развития Козельска?», «Как попасть к вам на прием?», «Почему в школе не ведется преподавание английского языка?» и тому подобное».

Избиратели задали первому секретарю обкома, как видим, далеко не частные вопросы. И умение откликаться на просьбы и жалобы трудящихся, и будущее родного города, где проходит встреча с избирателями, и даже знание английского языка нашими детьми — это не мелочи...

Было часов восемь утра. Я шел из Козельска в Оптину пустынь. Начался хороший ясный день этой ранней весны, быстро наступившей после необычно теплой зимы.

У моста я обернулся. И загляделся на Козельск...

Издали, от Жиздры, еще виднее,

**Свято-Введенский монастырь,
Оптину пустынь. Так было...**

**Древний Козельск вознесся
над Жиздрой...**

**Сердце Скита —
церковь Иоанна Предтечи.
Николай Васильевич Гоголь
приходил в обитель...**

**Шамордино:
Рушится Казанский собор (XIX век).**

**Памяти святого Амвросия —
монастырь возрождается...**

Фрески над входом в Скит.

ствовал, что вокруг этой альтернативы кипели какие-то страсти, все было спокойно как будто бы... А через день позвонил в Калугу и в Козельск и узнал, что на выборах победил Ползуков. Как говорят в таких случаях, «не надо драматизировать», выбрали тоже «нашего человека». Да я и не берусь как-то подытоживать, суммировать итоги этих выборов. Все же отмечу некоторые детали, связанные именно с Козельском.

Так, накануне выборов районная козельская газета «Вперед», рассказывая о встрече избирателей с Г. И. Улановым, выражала сожаление, что «многих собравшихся... почему-то заинтересовали в большей степени вопросы... частного порядка». И далее газета сокрушенно комментирует: «Что надо было отвечать первому секретарю обкома партии на такие вопросы: «Как вы откликаетесь на просьбы и жалобы?», «Суще-

как хороша Никольская церковь, построенная в 1740 году на одной из высоких точек города. Она и образует сейчас архитектурный центр города. Но в створе с церковью — огромная, внушительная, едва ли не столь же высокая кирпичная труба хлебозавода. Так они и видятся вместе — потемневшие главы церкви и труба из красного кирпича.

Менее заметна — она в стороне — действующая церковь Благовещения. Других церквей или давно уже нет, или же они приобрели неизвестный облик. Исторический силузт Козельска сильно обдвин, искажен уничтожением нескольких замечательных храмов, которые создавали единый ансамбль.

Убежден, что великое духовное наследие, которым обладает городок над Жиздрой, дает ему право на общенациональное и мировое внимание, почитание, восхищение. Козельск по меньшей мере заслужил, чтобы в Никольской церкви не помещался цех московской швейной фабрики «Большевичка», который, увы, и не собирается отсюда перебираться в какое-нибудь другое здание. Церковные стены и главы закопченны, храм осквернен...

А за рекой высилось, сияло, влекло великое творение национального русского гения, духовный центр Руси — Оптину пустынь. Основанный в XV веке монастырь стал одним из средоточий русского православия, духовной мудрости и красоты, воплощенной в неповторимом архитектурном ансамблे, во всем строе жизни монастыря. С оптинскими старцами беседовали Гоголь, Достоевский, Лев Толстой; к ним приходили за духовной помощью и нравственным утешением люди всех званий и состояний. Убежден: главное сокровище Козельска — Оптину пустынь. И шире — память истории. То, что это — духовное богатство, как будто бы ясно (впрочем, яснее в Москве, чем здесь). Если же представить весь ансамбль памятников истории культуры в городе и его окрестностях, то — при условии воскрешения каждого из них и создания общего заповедника — надо признать, что Козельск обладает огромными возможностями живого явления этой одухотворенной красоты. Правда, для этого и сам город должен стать иным, так что надо говорить об экономике, о социальной среде, о мно-

гих проблемах местной жизни — о ее цивилизованности...

А как видит и оценивает город обычный приезжий. Вот он идет в гостиницу; предположим, лучше — с трудом поселяется в трехместном номере, а то и на раскладушке в коридоре... Горячей воды нет, туалет во дворе... Он зашел в ресторан: люди сидят в пальто, пьяные, накурено, «музыка» орет изо всех сил, полчаса надо ждать официанта, еще час — еды. Пошел в кафе напротив — там грязно, невкусно...

Не слишком ли приземленно судить по «быту» о столе древнем городе?.. Но, увы, человек подчас раньше всего встречается с будничной стороной жизни. Выходит приезжий человек на улицу... Темнеет... Куда пойти? В церковь нас отучили ходить. В кино как-то не очень хочется: редки хорошие фильмы. Было в городе два кооперативных видеозала, теперь по новому постановлению их закрыли. Театра (или театральной самодеятельности) в городе нет.

Дом культуры, как водится, имеет свой репертуар, но посещается большинство его «мероприятий» плохо (об этом писала и районная газета). К этому необходимо добавить, что в Козельске Дом культуры построен по какому-то странному проекту (вывезенному почему-то из Еиска!). В результате зимой в Доме можно находиться только в пальто (а еще лучше — в шубе). Знаю не понаслышке, испытал сам.

Значит, телевизор... В Козельске ощущимее, насколько далеко наше телевидение от уездного (говоря постаринному) города России, какой между ними контраст... «В столицах

шум, гремят витии...» Все эти дебаты, рок-ансамбли, проблемы... «А мы живем, как при Екатерине...» Ну, конечно, не в буквальном смысле. И все-таки «другая жизнь». Не в том дело, что бедность, нехватка, «дефицит». Я не знаю, как это выразить... Но очень остро чувствую, когда смотрю в Козельске телевизор. Мне показалось, что не доходит до телеэкрана, до всех нас, жителей столиц и больших центров, какая-то затянутая дума этого городка, более того — всей безмерной, глубинной России.

Иной раз мне казалось, что по вечерам жители погружались в некий «телефон», ибо мало что соединяло реальную козельскую (читай: елецкую, бежецкую, другую) жизнь и так называемый «голубой экран».

Я беседовал с руководителями города и района — людьми опытными и еще молодыми, энергичными, полными желания сделать жизнь козельчан благоустроенней, светлее и счастливее. Проблем много, и узел их завязан, похоже, одним словом — бедность. Да, город беден: беден материально, а к тому же беспрекен в одолении бедности, ибо все должен просить.

Конечно, есть в городе и районе крупные предприятия — механический, стекольный, молочный заводы, Сосенское объединение... Есть, с другой стороны, целый ряд филиалов, в сущности, не заинтересованных в развитии города, который для них только объект эксплуатации. Но, как пояснил мне предприниматель Новиков, до сих пор не установлены твердые и справедливые нормативы участия предприятий в местном бюджете. А нужд у города и района превеликое множество.

Хотелось бы сохранить своеобразие маленького городка, но время ставит новые индустриальные задачи. И, не решив их, в городе сегодня уже нельзя жить...

Начнем со стратегических, дорогостоящих. Необходим мост через Жиздро — действует пока что временный, деревянный (в марте его снесло ледоходом, пришлось восстанавливать). Кстати, Оптину пустынь готова материально участвовать в сооружении моста, а пока что монастырь возобновляет переправу там, где она была в старину.

Железная дорога пересекает, перерезает город; надо бы перевести ее на прежнее место или построить тоннель... Но средства для этого нужны огромные!

Водоснабжение города держится «на одной нитке» водовода. Предстоит строить еще одну, иначе в любой момент Козельск может остаться без воды. Нужно 12 километров труб...

Намечена газификация города. Дело настолько важное для Козельска... Но и тут проект, сроки, средства, материалы... Все упирается в малые возможности малого города. Нужна помощь, и городу помогают — не только Москва и Калуга, но и другие центры России.

В течение ряда лет в Козельске почти не строилось нового жилья. Сейчас наметились какие-то перспективы, но очень и очень скромные по сравнению с очередями нуждающихся.

Не приходится и мечтать о скором возведении новой гостиницы. Козельск мог бы принять тысячи туристов, если бы нашлось, где принять. Могут быть готовить маршруты «Москва — Козельск — Оптину пустынь», но не знает, как и где разместить путешественников. Едва ли не главный капитал города остается не реализованным.

Козельск строит новое здание для больницы. И пока что откладывается жизненно необходимое для города и района строительство детсада. Нет возможностей, нет средств строить сразу и то, и другое!

Бедность...

За мостом сворачиваю на лесную дорогу, иду сосновым бором, вдоль Жиздры. Ишу глазами ракитовую аллею, по которой из монастыря в город ходил Алея Карамазов. Путь это обрыв, это легенда, но ее уже не отделить от здешних мест.

Через Козельск проезжал А. С. Пушкин. В Козельске и Оптиной пустыни бывали В. А. Жуковский, братья И. В. и П. В. Киреевские, А. К. Толстой, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, А. Н. Апухтин, Л. Н. Толстой, К. Н. Леонтьев и другие выдающиеся деятели русской культуры. Какое созвездие в храме народной и всечеловеческой памяти!

Очертить единый образ Оптиной пустыни? Река, сосны, ракиты, храмы... Росчерком крыла в полете — от неба и до неба — так взмывают стрижи! Внезапно, сплитно, мгновенно...

И все-таки я хочу вернуться на землю; мне хотелось бы посмотреть на Оптину со стороны Козельска, из-за Жиздры, и увидеть Козельск со стороны Оптиной, понять, как сегодня живут эти «два берега у одной реки», неразлучные и разделенные. Не только физически, географически, но и духовно, социально — два берега. Как они общаются? Что изменилось в их жизни?

В Оптину нет ни одного регулярного автобусного рейса из Козельска. Автобус довозит только до поворота, останавливается и едет дальше. Остается немного, каких-нибудь два километра (да и можно разорвать, что к святыне прийти идти пешком). Но в Оптиной немало людей: есть дети, старики, женщины; там, кроме местных жителей и наследников монастыря, есть строители, паломники... Необходим прямой рейс «Москва — Оптину пустынь»...

Мне показалось, что город вообще живет как-то сторонне по отношению к Оптиной пустыни, к ее новому (старинному!) бытию. Если в Калуге, в одном из домов культуры, в мае этого года наконец-то состоялась встреча с настоятелем монастыря архимандритом Евлогием, который рассказал об истории и нынешней жизни святого места, ответил на вопросы собравшихся (полный зал), то в Козельске не нашлось места и времени для встречи, можно сказать, с соседями...

В минувшем году, в октябре, день города Козельска «случайно» совпал с большим церковным ритуалом — обретением мощей святого Амвросия... Так и шли они, два торжества, на двух берегах, никак не соприкасаясь...

На трибуне городского официального митинга, на площади у реставрируемой церкви Святого Духа, не было ни одного священнослужителя, а ведь мог бы и выступить перед собравшимися деятель церкви. Разве Козельск вместе с воинами и горожанами не обороняли церковные пастиры? Разве в каждой из битв с врагами не участвовала так или иначе Русская Православная Церковь? Когда Батыево войско пошло на окончательный штурм Козельска, многие жители затворились в Успенском соборе и там погибли — в огне, с пением молитвы...

Обо всем этом мы словно бы забыли сегодня.

«У нас все нормально. Все проблемы решаются оперативно, в духе взаимоуважения», — отвечают в Козельском райкоме партии и в райисполкоме на вопросы об отношениях с Оптиной пустыней.

Но так ли это? Ведь Скит, сердце Оптиной, по-прежнему не возвращен монастырю, он все еще принадлежит областному управлению культуры.

Пока в Оптиной пустыни царила поистине «мерзость запустения», музей в монастыре, в том числе в Ските, выступал носителем культуры, защитником старины, хранителем церковных зданий и самого места — Оптиной пустыни. Но сейчас, когда явился подлинный хозяин, лишить Оптину пустынь ее сердца — значит выступать против культуры (не только против Церкви, что, впрочем, нераздельно). И это, в сущности, бесчеловечно, хотя оппозиция монастырю идет под флагом «культуры», «музея», «охраны памятников»...

Такой парадокс... Нет сомнений, что лучше пусть будет в церкви музей, чем склад или разорение, но если храм снова может стать храмом?.. Вот к этой логике мы сегодня не готовы. И я подумал, что если бы судьба Оптиной пустыни зависела от калужских и козельских властей (решение Москва принимала!), то и доныне там, наверное, пребывало бы СПГТУ.

К сожалению, прекрасные, но полуразрушенные ансамбли Шамординского и Черноостровского монастырей не возвращены Церкви, как это подобало бы сделать в наши дни...

Я вижу в Козельске и в Калуге в будущем кружок или общество «Друзья Оптиной пустыни». Два берега Жиздры обязаны стать неразлучными берегами единой реки отечественной культуры.

На углу двух центральных улиц — Большой Советской и Чкаловской, или, говоря по-старому, Калужской и Крутицкой, на перепутье двух дорог — из Калуги и в Оптину пустынь, на здании аптеки мы видим запачканную краской памятную доску: «Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой посещал козельские места в 1841, 1877, 1881, 1890, 1896 и 1910 годах, написал здесь ряд произведений».

Шесть раз побывал Лев Николаевич Толстой в Козельске и его окрестностях. Тульская земля здесь по соседству... Летом 1881 года Толстой вместе с крестьянином С. П. Арбузовым и учителем Д. Ф. Виноградовым пешком дошел из Ясной Поляны до Оптиной, прожил тут несколько дней, виделся со старцем Амвросием, с монахами и крестьянами, вступал в споры, расспрашивал...

Радостны и поучительны всегда для Толстого были встречи с крестьянами. Еще сравнительно недавно в окрестностях Козельска, в селе Нижние Прыски, жили люди, помнившие Льва Николаевича. В августе 1896 года Л. Н. Толстой вместе со своей женой Софьей Андреевной побывал в Козельске и в Шамордине, где в женском монастыре жила сестра Льва Николаевича — Мария Николаевна.

Козельск, Оптину пустынь, Шамордино хранят память и о последнем путешествии Льва Николаевича в октябре 1910 года. До сих пор стоит в Козельске старенький, но очень милый железнодорожный вокзал, куда Толстой приезжал вместе со своим врачом и другом Душаном Петровичем Маковицким, вокзал, откуда он затем на поезд отправился дальше, скрываясь от родных. Он доехал только до станции Астапово...

Итак, Козельск и его окрестности участвовали в одной из величайших духовных драм русской и мировой культуры. Что же хранит здесь сегодня память о Льве Николаевиче Толстом? Увы, немногое, если не считать мемориальных надписей да нескольких фотографий в краеведческом музее. Между тем сохранился дом (лишь отчасти перестроенный), в котором жила в Шамордине Мария Николаевна Толстая. Дом, в который входил Лев Николаевич.

Дом этот был в свое время куплен и перевезен в Козельск. Он стоит на углу улицы Мира, рядом с железной дорогой. Однако на нем нет мемориальной доски и дом не взят под охрану как памятник. Ни козельский музей, ни местное экскурсионное бюро, ни районное отделение Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры пока что, можно сказать, «не признали» его...

Когда приезжаешь, и не впервые, в маленький городок, то нет желания делить факты по разделам: вот экономика, вот культура, вот социальная сфера... Бросается в глаза и запоминается все вместе, и, вероятно, читатель готов произнести обидное слово, какое не хотелось бы произносить: «провинция». Ибо этой самой «провинциальности», разумеется, хоть отбавляй в станице, и дело не в удаленности от цен-

тра. Провинция, русская провинция — это по-настоящему оплот духовных ценностей, наша опора, это, как сказал поэт, «обличье человечье».

Речь о другом...

В беседах с местными работниками культурной сферы мы постоянно приходили к общему выводу: проводим и предлагаем людям как будто бы много всего, но все это исходит от нас, от учреждений и организаций, а не от людей и не является результатом их самодеятельной творческой воли. Вот в чем, наверное, главная беда...

Говорю об уровне творческого мышления, определяемом и ограниченном той «зажатостью», какая, на мой взгляд, есть вообще в наших областных и районных буднях. Проявляется эта «зажатость» по-разному. Вот один из примеров.

Человек увлеченный, влюбленный во все живое, Василий Артемьевич Самойлов много лет посвятил тому, чтобы в городе был свой Дом природы. И вот он открылся — торжественно перерезана ленточка у входа, и теперь от экскурсий нет отбоя.

Но энтузиасту, видимо, мало помогали: в эпоху повсеместного, уничтожения природы мы смотрим благостную экспозицию, состоящую из деревянных поделок, лирических пейзажей и просветительских пособий. Нет тревоги, не названы враги природы, не указаны адреса бедствий, нет современной экономической проблематики — на материале района, области, страны, мира. Дом природы должен быть местом,зывающим к защите природы, чтобы козельчане, особенно юные, побольше узнавали, какая опасность грозит земле и людям, а не просто созерцали натюрморты и плоды самодеятельности...

Вот другой энтузиаст, инженер-конструктор, изобретатель Юлиус Федорович Репман: он затеял интереснейшее дело — школьный кооператив при механическом заводе. Кооператив учебный и производственный одновременно, чтобы готовить из школьников профессионалов — слесарей-инструментальщиков, токарей, швей, закройщиков, которые в процессе учебы могли бы и что-то реальное создавать, и зарабатывать. Вместе с ребятами продумали устав и статус экспериментального кооператива «Витязь», долго ждали утверждения, потом оказалось, что не подобраны рабочие места, не определена система оплаты...

Девушки сшили 100 пар рукавиц, а бухгалтерия не приняла счет, заявив, что школьницы слишком много заработали. Доверие к школьному кооперативу, к перспективному начинанию было подорвано, пусть на время, а времято и дорого в учении и в работе. Ю. Ф. Репман с трибуны учительской конференции сетовал на препятствия, непонимание, на отсутствие поддержки...

Да, есть приывающие свежие силы, но есть и «ограничители» социальной энергии народа. Они неизбежно в каких-то запретах, но в некоем заданном «потоке», в «пределе» творчества.

И не случайно народ ценит людей, которые доказали, что они способны прокладывать путь перестройке и закреплять ее в жизни, в реальных достижениях. Козельчане избрали народным депутатом А. С. Полуэктова, а рабочие механического завода выбрали его теперь своим директором.

Мне кажется, что страшнью безразличие к своей социальной судьбе и отрешиться от безразличия к своим высшим духовным ценностям — задача единой. Это и означает обрести себя как народ, а не просто — сумму населения.

И чудится, что Козельск ждет, чтобы оделили город любовью, возвысили гордостью, чтобы ощущали в нем не просто еще один районный или место жительства, а саму Родину...

ГОРИМ.

Окончание. Начало на 4-й стр.

проводить смотры самодеятельности художественного творчества военнослужащих и сотрудников воинских частей, подразделений и членов их семей. Предлагаем наряду с показом творческих достижений лучших самодеятельных исполнителей организовать в те же сроки выставки изобразительного искусства, декоративно-прикладных, тематических коллекций и т. д. Дату проведения смотров сообщить в политотдел УПО...

«Предлагаем провести целенаправленную разъяснительную работу по обеспечению активного участия личного состава подразделений в индивидуальной подписке, соблюдая при этом принцип добровольности... Об итогах подписной кампании доложить в политотдел УПО письменно до 25 сентября 1989 года...»

— Долгопрудненская улица, дом 1. Загорание в квартире на втором этаже. 11 часов 59 минут.

— Зеленоград. Загорание в квартире на первом этаже. 12 часов 3 минуты...

В штабной комнате отдыха сынишка одного из сотрудников смотрит телевизор: показывают мультфильм о Прометееве. Мимоходом заглядывает капитан, кивает на экран:

— Вот кто во всех пожарах виноват...

В штабном «рафике» тоже непрерывно работает рация.

— Шоссе Энтузиастов. Горит малярный цех завода «Проекттор». Загорание на площади сто квадратных метров...

Сто «квадратов» — это серьезно. Шофер включает мигалку, выходит на осевую. Никто в машине не шумит. Офицеры натягивают на себя боевую одежду. «Рафик» мчит, обходя поток машин.

Прибываем. Вокруг цеха — пожарные машины и толпа зевак. Суетится заводское начальство. Офицеры высказывают из «рафика», достают противогазы. С подполковником-прaporщиком спешим в цех.

В цехе картина, достойная фильмов Тарковского. Апокалипсис. Темноту прорезает свет прожекторов и фонарей. Сизый, удущливый дым. Кашляю. На полу пожарные рукава. Десятки туго заполненных рукавов. Воды по щиколотку. Капает сверху. Пожарные в космической одежде. Глаза воспалены, лица в копоти. Работают несколькими стволами. Огня почти не видно. Дышать невозможно. Пригибаюсь. Прaporщик: «Давай-ка, Серег, я тебя выведу...»

Как сладок уличный воздух!

Наконец выходит подполковник. Лицо в гари, текут слезы. Берет рацию: «Пожар ликвидирован».

Сразу с «Проектора» едем на Большую Ордынку: опять на заводе горит цех; потом на Малую Московскую: пожар в таксопарке; потом на мост, которым оканчивается улица Вешняковская: опрокинулся бензовоз, разлился и загорелся бензин.

Возвращаемся в управление уже темно. Заехали поужинать. Остается пятнадцать минут до закрытия. А буфетчица: «Хватит! Явились тут! Я целий день на ногах! Закрываю!» Капитан мне: «Пожарные бы так отвечали...»

Завариваем в управлении чай...

О чём говорят за вечерним чаём московские офицеры? Да о том же, о чём все офицеры (сужу по рассказам своих знакомых и по письмам в редакцию) от Бреста до Сахалина.

— Засекретились до нелзя. Сейчас со спутника звездочки на погонах раз-

личают, а мы в игрушки играем. У каждого офицера свой радиопозывной, носим с собой шпаргалки, чтобы не запутаться. Нельзя говорить в эфире «погибший» или «пострадавший», а надо... Ладно, не буду выдавать военную тайну. А милиция на «соседней» волне шпарит открытым текстом: «труп», «раненый»... От кого скрываемся? Все равно в «Добрый вечер, Москва!» все расскажут... Секретчикам надо свой хлеб отрабатывать...

— «Спит, как пожарный» — это жены придумали. Потому что пожарный приходит с дежурства выжатый как лимон и бухается спать...

— Социологи проводили у нас исследования. У нормальных людей — 160—170 рабочих часов в месяц, у нас — 400—420. А зарплата — чуть больше средней по стране...

— А как же (цитирую Гиляровского): «Каждый пожарный — герой, всю жизнь на войне, каждую минуту рискует головой». Неужели за риск не доплачивают?

— Доплачивают только за работу в противогазе: она вредна для здоровья. Можешь получить десятку в квартале, но столько виз надо собрать, что почти никто этим не занимается.

— Приезжал к нам шеф пожарной охраны городка близ Сан-Франциско. Он получает 130 тысяч долларов в год, а рядовой американский пожарный — 3,5 тысячи в месяц. На одиннадцать мест в пожарной охране там претендовала тысяча человек... Есть из кого выбирать.

Чай не допили. На Таганке загорелась школа...

Знаете, сколько мы теряем от пожаров? Согласно официальной статистике, около 350 миллионов рублей ежегодно. Интересуюсь ситуацией в США: там ущерб — около 6 миллиардов долларов. Может, социалистическая страна и в огне не горит?

Оказывается, «лукавая цифра» не учитывает пожары на шахтах, в лесах, на судах... Да и ущерб от огня, «подземного» МВД, занимается. Вот что пишут доктор технических наук, начальник кафедры Высшей инженерной пожарно-технической школы И. Абдурагимов и кандидат технических наук, старший преподаватель Н. Присяжнюк: «Статистика пожаров по-прежнему остается утешительно-приглаженной, обеспечивающей благоустройство местного, регионального и более высоких эшелонов административного и пожарного руководства. И так будет до тех пор, пока за число, размеры и последствия пожаров будут отвечать главным образом... сотрудники пожарной охраны». Эти же авторы полагают, что на самом деле наши потери в десять—двадцать (а то и более!) раз выше, чем это считается сейчас. А на обеспечение пожарной безопасности мы расходуем (обратите внимание!) около 20 миллиардов рублей в год. Значит, «пожарный бюджет» соизмерим с затратами на образование и медицину!

Вспоминаю разговор с доктором технических наук, профессором Николаем Николаевичем Брушлинским:

— Вот смотрите: два графика. Красная линия — число погибших от огня в СССР, синяя — в США. У нас оно, число это, по годам растет (только в прошлом году погибли 8,5 тысячи человек), у них начинается с 1974 года падает: с 12 тысяч до 6 тысяч в 1985 году. Почему? Пятнадцать лет назад в Америке посчитали и ужаснулись: за годы вьетнамской войны в ней потеряли

в три раза меньше людей, чем за это же время на пожарах внутри страны. Срочно приняли федеральный закон об усилении борьбы с пожарами. Он предусматривал многое: и увеличение числа пожарных команд (сейчас в Нью-Йорке их в пять раз больше, чем в Москве), и повышение зарплаты бойцам с огнем («пожарный — самая опасная профессия в США в мирное время», — сказано в законе), и создание яркой противопожарной рекламы, и выпуск негорючей одежды, постельного белья, занавесок, мебели... Американский закон сыграл для них огромную роль... А вы знаете, что сейчас обсуждается Закон СССР о пожарной безопасности?.. Нет? Я так и думал, об этом, пожалуй, никто, кроме нас, не знает. И непохоже, что будущий Закон, обсуждаемый среди «своих», что-то кардинально изменит... Необходимо создать комиссию Верховного Совета по борьбе с пожарами (аналогичная комиссия при конгрессе США — вторая по численности)...

Москва — единственный город в стране, где рядовые пожарные — солдаты срочной службы. Почему? Зарплата пожарных невелика, поэтому на «огненную работу» люди идут неохотно. Заместитель министра внутренних дел Ю. Д. Журкин пишет в ведомственном журнале: «...специалистов противопожарной обороны мы имеем лишь 57 процентов от потребного количества». И если где-то в провинции еще можно расчитывать приехать по вызову не в полном составе, то в столице такая роскошь непозволительна. Вот и нашлась «палочка-выручалочка» — солдаты.

Вот только... Выучился парень, понюхает дыму, наспускается работать стволов, а тут и «дембель». Так и уходят на «гражданку» ребята, которые могли бы стать «тушилами» высокого класса. Взамен приходят новенькие, и их снова учи... Кто считал, во что это обходится?

В последнее время все чаще говорим о профессиональной армии. Не знаю, как войска сухопутные, воздушные, морские, а уж пожарные, уверен, в первую очередь должны быть профессиональными. Пожарным легче, чем иным войскам, изыскать деньги, не боязни копейки из госбюджета. Как? (Дальнейшее — не мои дилетантские построения, я лишь попытался аккумулировать мнения специалистов ВНИИПО — Всесоюзного научно-исследовательского института противопожарной обороны и ВИППШ — Высшей инженерной пожарно-технической школы.)

Пожарная охрана сегодня распылена по ведомствам. Своя — в Министерстве обороны, КГБ, лесном хозяйстве, угольной промышленности, на морском и речном флотах... всего в 14 ведомствах. Не лучше ли объединить все службы (может, тогда выяснится, что где-то они дублируют друг друга, где-то и вовсе излишни) и сэкономленные средства пустить на повышение оплаты?

Далее: существует множество пожарных подразделений, которые содержатся за счет предприятий. А если упразднить их, собрать все силы в один профессиональный, хорошо оснащенный кулак? Да ввести «пожарный налог», который будет взиматься с каждого предприятия или учреждения? (Вот что, кстати, пишет практик — начальник специальной военно-пожарной части-10 В. Платонов из Бендер: «...в стране большое количество пожарных, а имеющих необходимое оснащение и выручку для решения сложных задач, наверное, процентов 30, не больше».)

«Пожарный налог» и сокращение не особо нужных подразделений и дадут необходимые для увеличения зарплаты деньги...

Когда рота заканчивает работу на пожаре, принято говорить: «Возвращаемся домой». Каков он, дом московских пожарных?

Видел с десяток караулов. Все они очень похожи. Гараж для машин, караульное помещение, Ленинская комна-

та, столовая, душ с холодной водой. Везде чисто, висят положенные плакаты и призыва, и... очень казарменно. Повидавшие пожарные говорят: «В Москве самые неуютные помещения рот». Почему? «Солдатам не до уюта, им скрывают бы «дембель».

В одном карауле я пробыл сутки. Вот хроника вечера и ночи.

18.50. Солдаты отрабатывают взязу спасательных узлов. Тревога! Через минуту все одели боевую одежду, сидят в машинах. Мчимся. Приехали. Все спокойно, начкар — в рацию: «По внешним ничего, ведем разведку». Все осмотрели. Ничего. Начкар: «Вызов ложный». (Для сведения: один выезд пожарных по тревоге обходится в 150—200 рублей.)

21.05. Арбат, 45. Поляхает мусор во дворе. Пожарные переворачивают контейнеры, шердят там ломами (раньше этого не делали, но однажды в горящем мусоре был обнаружен труп). За три минуты большой контейнер «задавлили»...

Только вернулись, заправились водой, как новый вызов — опять Арбат, 45, горит мусор (21.38). Дымились другие контейнеры. Кто-то развлекается, поджигает...

22.41. Опять тревога, Собиновский, 9, ложное срабатывание автоматики.

На обратном пути цитирую солдатам: «Возвращаясь с огненными батальонами, вымокшие и уставшие, пожарные оказались в изнурительных условиях казарменной жизни и ежедневной мушки. В тесных и душных казармах проходили долгие годы службы пожарного. С утра до глубокой ночи пожарные были заняты строевой и казарменной службой, уборкой помещений, уходом за лошадьми, чисткой касок, поясов, амуниции и заливных труб, колкой дров, чисткой печей... Только раз в месяц, если на то было соизволение брандмейстера, пожарный мог отлучиться на несколько часов из казармы... — пассаж из книги «Пожары — катастрофы», посвященный, как вы понимаете, дореволюционным временам. Ребята посмеиваются: «Похоже...» Спрашиваю: «Когда в последний раз были в увольнении?» — «Я еще не был» — «Давно служишь?» — «Пять месяцев» — «И я не был. Служу восемь месяцев».

...Наконец ложимся. Одежду и сапоги никто не снимает. Рука под голову, укрыты шинелями. Мне не спится.

00.02. Тревога! Учебная. Все спешат еще больше, чем на настоящий пожар. Через 45 секунд сидят в машинах. Спрашиваю у капитана — дежурного по батальону, который проводил тревогу: «Не лучше ли дать людям поспать?» — «Если бы они были профессионалами, можно и поспать. А в роте много молодых, их учить надо...» Все снова ложатся, а капитан устраивает разгон начкару: «Почему дремал диспетчер?» А диспетчер в карауле седьмые сутки подряд...

(Солдатам положено дежурить сутки, две суток — отдыхать. Но личный состав то и дело снимают на хозяйственные работы... А с июля пятьсот пожарных надо ежедневно откомандировывать в распоряжение милиции. Ходят мальчики в милиционской форме по городу, без пистолетов, без дубинок — создают видимость усиления борьбы с преступностью...)

15.3. Тревога! Горит выселенный дом по улице Осиненко. Вот здесь я насторожился на пожарных в действии. Обстановка преисполнена: огонь, удущливый дым, вода со всех сторон. Пожарные высаживают двери, крушат ломами деревянные стены (по ним огонь может уйти на другие этажи), и он все-таки уходит, снова ломают двери и крушат перегородки... Возвращаемся «домой» в поплытое утром. Уже не до сна. Солдаты раскладывают рукава для сушки, перезаряжают противогазы, смывают с лиц гарью...

Вернувшись с дежурства, я проспал шестнадцать часов. Сын: «Ну, папа, ты и спиши!» Я промыкал спросонок: «Как пожарный»...

**Алексей
АЛЕКСЕЕВ,
кандидат
исторических
наук**

Э тот некролог в «Комсомольской правде» занял мало места. «...на семьдесят шестом году жизни после тяжелой болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1930 года Николай Александрович Михайлов». Скупые строки биографических сведений, трафаретное «светлая память навсегда останется в наших сердцах», и подпись — «группа товарищев». Чувствовалось стремление сделать событие малозаметным. А ведь речь шла о человеке, четырнадцать лет — больше, чем кто-либо другой, — возглавлявшем комсомол!

Заканчивался май 1982 года. За нескользкое время до этого завершился XIX съезд ВЛКСМ. Михайлов присутствовал там в качестве почетного гостя. Торже-

трудно; в городах бродили сотни тысяч безработных подростков. Только в 1925 году удалось попасть на завод «Серп и молот». В листопрокатном цехе познакомился с будущей женой. Здесь в заводской многотиражке опубликовал свой первый рассказ, в 1928 году получивший главную премию на районном комсомольском конкурсе. Потом вышли и небольшие книжки о заводе.

Мечтал стать журналистом. Отслужив в армии, редактировал многотиражки крупнейших заводов — своего родного, а затем «Динамо». В начале 1937 года Московский комитет партии направил его в редакцию «Правды», которую в то время возглавлял Л. Мехлис. Адская машина репрессий набирала обороты. Были арестованы многие редакторы молодежных газет, в том числе и «враг народа» редактор «Комсомолки» В. Бубекин. На место уничтоженных или отправленных в заключение людей приходили новые. Для кого-то это было время стремительного продвижения вперед. И для Михайлова — тоже. В декабре 1937 года его назначили редактором «Комсомольской правды»; он заменил Никитина, продержавшегося на этом месте всего четыре месяца.

Дочь Н. А. Михайлова Светлана Николаевна вспоминает: «Отец рассказывал, как однажды он пришел на работу

крытую дверь кабинета... Это сейчас, в 89-м, в нем еще живет страх. А тогда...

В ноябре 1938 года неожиданно для всех редактора «Комсомолки» Николая Михайлова избрали первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Это произошло на том самом печально известном пленуме ЦК, разгромившем руководство комсомола.

Михайлов никогда не думал, что станет комсомольским работником. И что самое интересное: в рядах ВЛКСМ не состоял, в 1930 году сразу вступил в партию. Комсомольский билет ему — впервые — в срочном порядке выписывали ночью перед избранием первым секретарем...

Почему выбор пал именно на Михайлова?

Можно только предполагать, что его выступление на пленуме — с критикой Косарева и стиля работы ЦК — понравилось Сталину или кому-то из присутствовавших членов Политбюро — Жданову или Молотову.

«Я вынужден заявить о том, — говорил Михайлов на пленуме, — что вчера выступление Косарева свидетельствует о его политическом банкротстве. Я думаю, что моя прямая ошибка как члена бюро ЦК... заключается в том, что по многим вопросам мне надо подходить еще острее, чем это

что касается наследства, полученного новым первым секретарем. «Канцелярия и бюрократизм аппарата сказываются в принятии обильного количества решений, исполнение которых никто потом не проверяет», — говорил Михайлов в июне 1940 года на пленуме ЦК ВЛКСМ. Намечалась реорганизация аппаратов комитетов, двойное сокращение численности платных работников. Но началась война...

Известие о начале войны не вызвало у бригадного комиссара Михайлова (звание он получил в тридцать девятом) растерянности, паники или депрессии. Было воскресенье, но работники ЦК собирались в считанные часы. Многих из них направили в области и республики помочь комсомольским организациям. Михайлов в тот же день поехал по райкомам, на предприятия Москвы, которые уже осаждались молодыми добровольцами.

По инициативе ЦК комсомола открывали школы снайперов, радиостанции, подрывники; создали комсомольский авиационный полк, особую бригаду для диверсионной, разведывательной и боевой деятельности в тылу врага, в которую вошло немало прославленных спортсменов, женскую снайперскую школу под Москвой.

Однажды позвонил Сталин и спросил:

ПОД БУРНЫЕ ПРОД

ственное парадно звучал отчетный доклад ЦК, звенели здравицы в адрес «выдающегося политического и государственного деятеля современности, пламенного борца за мир и коммунизм, мудрого наставника молодежи...». Бурные аплодисменты переходили в овацию, рукоплесканием стоя...

Можно лишь догадываться, что было на душе у Михайлова. Уж очень это напоминало весну 1949-го! На XI съезде комсомола он, тогда первый секретарь ЦК ВЛКСМ, произносил почти те же слова, только в адрес другого человека. «...великий продолжатель дела Ленина, вождь коммунизма, мудрый учитель и лучший друг советской молодежи (Бурные, продолжительные аплодисменты, все встают.)».

Что думал Михайлов, слушая сияющего 48-летнего первого секретаря ЦК комсомола, обращавшегося с речью не к залу, а лично к Леониду Ильину? Он глядел на дряхлого лидера государства, своего ровесника, на бодрых, гладкощеких выступающих в веселом театрализованном представлении, именуемом XIX съездом комсомола, и понимал, что этот сценарий написан не без его участия...

Он родился и вырос в Москве, на Таганке. Отец имел маленькую сапожную мастерскую, неплохо зарабатывал, но деньги пропивал. Семья жила в сыром полуподпольном помещении. До революции Николай закончил четырехклассное церковноприходское училище, поступил в школу второй ступени. Однако обучение не завершил: на иждивении отца сидел еще пятеро детей. Устроиться на работу было очень

и вдруг обнаружил, что одного из сотрудников редакции нет — пропал. Отец столкнулся с этим впервые. Он пытался куда-то звонить, выяснять, а ему говорят: «Не ваше дело. И никогда больше не задавайте таких вопросов». Он очень долго верил, что «враги народа» есть, что зря не берут».

Тогда многие верили...

Утопая в информации о сталинских репрессиях, мы стали делить людей, живших в то время, исключительно по одному признаку: если человек — будь то партийный, комсомольский работник или просто служащий — уцелел, выжил, значит, пошел на компромисс с совестью; а если при этом еще и занимал высокий пост — значит, способствовал беззаконию — преступник. К счастью, это не так. Все были одинаково беззащитны перед системой, и никого не спасали ни звание, ни должность, ни былье заслуги.

Александр Косарев был любимцем Сталина, но его расстреляли. Михайлов в любимицах не числился, но остался жить. По свидетельствам людей, работавших с ним вместе, доносов он никогда не писал. Но вот в 1949 году, когда по «ленинградскому делу» был арестован инспектор ЦК ВКП(б) Всеволод Иванов, который в послевоенное время работал вместе с Михайловым в ЦК ВЛКСМ вторым секретарем и жил с ним в одном доме, и они дружили семьями, Михайлов даже перестал здороваться с его женой. Боялся? Наверное, боялся. Недавно я разговаривал с пожилым историком, которого тогда исключали из партии и арестовывали — он все время с опаской поглядывал на непри-

я делал. Вместо критики в ЦК ВЛКСМ насаждались самоуспокоенность и занудство. Я думаю, тов. Косарев, вы здесь играли не последнюю роль... Куда годится такое положение, когда вы звоните в редакцию газеты («Комсомольской правды»). — А. А.) и спрашиваете: «Слушайте, а почему меня нет на трибуне, руководители партии есть, а меня нет?» (Имеется в виду фотография во время парада 7 ноября. — А. А.)... Можно ли сказать, что в ЦК ВЛКСМ уже все люди потеряны? Я не знаю, как насчет т. Косарева, сумеет ли он после этой критики возглавить руководство комсомола, но не все люди там потеряны... Надо... чтобы администрации... одергивания не было в ЦК комсомола... Центральный Комитет и его отделы слишком далеки от передовой советской молодежи...»

Не обошлось, наверное, и без рекомендации Мехлиса, под началом которого Михайлов еще недавно работал. Но надо учить и то, что он был одним из немногих членов бюро ЦК ВЛКСМ, оставшихся в живых или на свободе. (Из 93 членов Центрального Комитета, избранного на X съезде в 1936 году, репрессировано 72, из них 48 расстреляно.) К тому же Михайлов был энергичен, подтянут, спортивен, отличался высокой организованностью и работоспособностью. Он, как магнит, притягивал людей. Вряд ли кто в аппарате ЦК, да и вообще среди комсомольских работников мог тягаться с ним в зруированности, разве что Всеволод Иванов.

К концу 30-х комсомол утратил свою самостоятельность. Аппарат союза разбух до невероятных размеров. Это —

— Может ли комсомол дать фронту сто тысяч отборных бойцов?

— Может, — ответил Михайлов. — В какой срок это нужно?

— Через две недели.

Спустя десять дней сто тысяч обмундированных добровольцев уже было сосредоточено в местах дислокации. Потом все — члены ВЛКСМ. За годы войны комсомол провел 73 мобилизации.

Работа с утра до глубокой ночи, краткий сон — часто прямо в кабинете, пеездки на фронт или к партизанам — таков был ритм жизни всего ЦК и его первого секретаря.

Когда Михайлов узнал о подвиге краснодонцев, он обратился к Александру Фадееву, с которым был знаком еще с конца 20-х годов. Поначалу Фадеев сомневался — получится ли? Но ознакомившись с материалами, полученными в ЦК, сказал: «Такой материал даже камень может растопить. Попробуй писать». В семейной библиотеке Михайловых хранится первое издание «Молодой гвардии» с благодарственным автографом писателя.

Комсомол вышел из войны ослабленный. Сильно сократилась его численность, тысячи опытных вожаков погибли. Тринадцать лет не собирался съезд. Очень трудно было восстанавливать организации на бывших оккупированных территориях. ЦК ВЛКСМ дал жесткую установку на рассмотрение персональных дел комсомольцев, оставшихся в районах, занятых немцами. К сожалению, многие из этих ребят так и не были восстановлены в комсомоле...

Зашоренный рамками системы, Ми-

ОЖИТЕЛЬНЫЕ...

хайлов не видел или не хотел видеть, как деформировалась ленинская концепция союза молодежи и его взаимоотношений с партией. Став первым секретарем ЦК ВЛКСМ, не имея опыта комсомольской работы, он воспринимал союз молодежи таким, каким тот сформировался к концу 30-х годов. Другого не знал и вряд ли думал о возможностях перемен в нем.

Раиса Тимофеевна, жена Михайлова, вспоминает: «У Николая было какое-то чувство, не позволяющее ему делать и говорить что-то большее, чем официально было поручено. Все, что связано с решением партии, было для него свято».

Действительно, первый секретарь ЦК ВЛКСМ твердо усвоил сталинское: «Комсомолец должен помнить, что обеспечение руководства партии есть самое главное и самое важное во всей работе комсомола». Да, он был прекрасным исполнителем указаний сверху...

Все время ловлю себя на мысли: мне хочется, чтобы Михайлов хоть раз поступил вопреки воле Сталина, послушался!.. И в то же время думаю: не много ли требую от него, винтика, пусть не последнего, важного, но все-таки винтика в гигантском механизме системы?..

В послевоенные годы за комсомолом прочно утвердилось название Ленинско-Сталинский. В разработку антиисторической концепции роли Сталина в комсомоле значительную лепту внес и Михайлов. Еще во время войны, на праздновании двадцатипятилетия ВЛКСМ, он заявил, что комсомол основ-

вали Ленин и Сталин. Потом этот тезис развил в своей брошюре «ВКП(б) — организатор и руководитель комсомола», вышедшей в 1948 году. Несколько позже появилось утверждение, что якобы под непосредственным руководством Сталина были разработаны организационные основы комсомола и что вместе с Лениным он «направлял работу I съезда РКСМ»...

В войну и после нее Сталин уделял комсомолу гораздо меньше внимания, чем раньше, с руководителями ВЛКСМ не встречался. Михайлов не был близок к Сталину, как, например, Косарев, и не мог, как тот, связываться с генсеком по прямому телефону. Но авторитет Сталина был для него непрекрасен. Николай Красавченко, секретарь Московского горкома комсомола в 1943—1950 годах, вспоминает, как однажды возбужденный Михайлов возвратился с заседания Секретариата ЦК партии и восторженно рассказывал собравшимся членам бюро о том, что Жданов призывал комсомол воспитывать молодежь в духе фанатической преданности Сталину...

Будучи членом Оргбюро ЦК ВКП(б), Михайлов чаще всего общался с А. А. Андреевым, Г. М. Маленковым, А. А. Ждановым и через них решал вопросы, связанные с комсомолом. Но больше, чем с кем-либо из других руководителей, встречался с М. И. Калининым.

В последнее время о «всесоюзном старосте» говорят в ругательном тоне. Но тогда Калинин в глазах молодежи имел очень высокий авторитет: он был одним из немногих старых большевиков-ленинцев, на котором не стояло клеймо «врага народа».

Изучая документы ЦК комсомола тех лет, встречаешься с людьми, хорошо знавшими Михайлова, читая его книги, пытаешься определить собственное отношение к нему. По каким поступкам вправе я ставить ему оценку?...

Во второй половине 40-х годов развивались международные связи комсомола, авторитет его за годы войны очень вырос. Осенью 1945 года Михайлов возглавлял нашу делегацию на Всемирной конференции молодежи в Лондоне. Он же был одним из инициаторов и организаторов всемирных фестивалей молодежи и студентов.

Это с одной стороны. А с другой — когда после войны часть «комсомольских низов» уже не хотела следовать в фарватере сталинизма, то, конечно же, подавление таких настроений происходило не без ведома Михайлова. Он был достаточно умным и образованным человеком, чтобы понимать всю нелепость происходящего, но идти против системы не мог. Став органической ее частью, он должен был принять ее правила, подчиняться им.

В послевоенные годы комсомол был втянут в кампанию борьбы с космополитизмом, и это в первую очередь ударило по творческой, научной интеллигенции и студенчеству. ЦК ВЛКСМ принимал разгромные решения, осуждавшие так называемую «бездыдинщину», «преклонение перед иностранцами»...

С одной стороны, по инициативе ЦК ВЛКСМ, и в первую очередь самого Михайлова, стали проводиться всесоюзные совещания молодых писателей. С другой — первый секретарь ЦК ВЛКСМ мог волевым решением запре-

тить выход любой книги молодого автора.

В октябре 1952 года Михайлов был утвержден секретарем ЦК КПСС и введен в состав расширенного президиума ЦК, избранного XIX съездом партии. Так высоко до него не поднимался ни один руководитель комсомола. Как первый секретарь Московского горкома партии, он в качестве члена Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, которое возглавлял маршал И. С. Конев, участвовал в рассмотрении и вынесении приговора по делу Берия, более того — был непосредственным свидетелем его расстрела.

Вскоре после того, как к власти пришел Н. С. Хрущев, Михайлов был назначен министром культуры. Кинорежиссер Ю. Райзман, закончивший в ту пору съемки «Коммуниста», рассказывал, как неожиданно возникли сложности с утверждением названия фильма. Время было трудное, жилось скучно, но появились первые надежды на духовное обновление. Нужен был герой — олицетворение этих надежд — коммунист. Но почему-то именно такое название вызвало нарекание наверху. И основная борьба шла с Михайловым. Могли вообще «закрыть» фильм. Однажды во время большого приема в Кремле Микоян представил Хрущеву Райzmanу, сказав, что «это тот самый режиссер, картину которого мы на днях смотрели». Хрущев похвалил фильм. «Мы бы хотели назвать его «Коммунист», — сказал Райzman. «А что, — отозвался Хрущев, — хорошее название». Михайлов, слышавший этот разговор, подошел к режиссеру и, полуобняв за плечи, спросил: «А не подумать ли нам о второй серии «Коммуниста»?..»

Отношения с Н. С. Хрущевым поначалу складывались хорошо. Их дачи были по соседству, и Никита Сергеевич нередко зазывал Михайловых к себе. Ношло время, Хрущев менялся, процессы, происходящие в культуре, все чаще вызывали его недовольство.

И в 1960 году Михайлов с поста министра культуры был отправлен послом в Индонезию. А когда вернулся, во главе партии стоял уже Л. И. Брежnev. Михайлов не вписывался в окружение нового лидера.

В 1970 году, накануне открытия первой Международной книжной ярмарки в Москве, инициатором и организатором которой был Михайлов (в то время председатель Комитета по печати при Совмине СССР), он зашел в кабинет М. А. Суслова, чтобы попросить того выступить на открытии выставки.

— А при чем здесь вы? — надменно произнес Суслов. — Разве вы не знаете, что с завтрашнего дня находитесь на пенсии?..

...Михайлов написал несколько книг, множество статей об истории комсомола, о людях, с которыми дружил и кого хорошо знал. — Маршаке, Фадееве, Гайдаре. В его архиве много писем от комсомольцев. Можно по-разному относиться к этому человеку, воюя судьбы оказавшемуся во главе комсомола в трудные для страны годы. Сложным было время, неоднозначными были и его поступки, но бесспорно одно: он, как и многие другие, оставаясь человеком системы, искренне верил в правомерность ее законов.

Петр ХМЕЛИНСКИЙ

Ничто не предвещало катастрофы. Положение нашей страны представлялось пока прочным. К октябрю 1939 года японцы уже не проявляли никакой воинственности после недавнего разгрома на Халхин-Голе, устроенного им комкором Г. К. Жуковым; немецкие фашисты были заняты войной на Западе, а по отношению к СССР демонстрировали лояльность; Польша стерта с карты мира; в Эстонии, Латвии и Литве размещались гарнизоны Красной Армии.

Простые советские люди не знали, что в первых числах октября Молотов предложил Финляндии заключить пакт о взаимопомощи, аналогичный только что заключенным договорам с тремя государствами Прибалтики, но финское правительство, ссылаясь на свой «абсолютный нейтралитет», отказалось. Тогда Москва предложила иной предмет для переговоров: предоставление нашей армии и флоту финских портов и изменение границы. Обсудить эти вопросы финская сторона согласилась, и переговоры начались.

Первым тревожным сигналом стала речь Молотова в Верховном Совете 31 октября. Сессия была назначена, чтобы юридически оформить присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Неожиданно Молотов заявил: «В особом положении находятся наши отношения с Финляндией». Не стал расшифровывать, что такое «особое положение», но посыпал этим отношениям пятую часть своей большой речи. Он сделал открытие: советско-финская граница «нависла» в 32 километрах над Ленинградом, и с этим нельзя мириться. Потом добавил: «Я напомню, что население Ленинграда достигло трех с половиной миллионов, что почти равно населению всей Финляндии, насчитывающей 3 миллиона 650 тысяч жителей. (Веселое оживление в зале). Оратор также опроверг сообщения западной прессы, будто СССР требует себе город Виури (Выборг) и северную часть Ладожского озера: «это чистый вымысел и ложь».

Упомянув, что Турция заключила пакт о взаимопомощи с Англией и Францией, направленный против Германии, Молотов коротко и туманно заявил: «Не пожалеет ли об этом Турция — гадать не будем. (Оживление в зале)». Было сделано также знаменитое заявление о «преступности» войны против гитлеризма.

А в то же время в Финляндии объявили мобилизацию двадцати пяти возрастов, в Хельсинки ввели затемнение и начали эвакуацию жителей, было объявлено о зале обороны и начато минирование территориальных вод. Министр иностранных дел Эркко 1 ноября заявил: «Требование СССР касается якобы отдаления границы у Ленинграда на несколько километров. Но с точки зрения Финляндии, это русский империализм... Всему есть свои границы. Финляндия не может пойти на предложение Советского Союза...»

Наши новоспеченные друзья-фашисты не высказывали солидарности и не стали портить отношения с Финляндией, подобно тому, как Сталин бесстрашно портил ради них отношения с Англией и Францией.

На время все стихло. Советско-финские переговоры продолжались. Наступили Октябрьские праздники. На торжественном заседании в Москве вновь выступил Молотов. На этот раз о Финляндии он умолчал.

Не случайно Молотов выходит на первый план. Было сделано все возможное, дабы военные и дипломатические акции конца 1939 года ассоциировались именно с ним, а не со Сталиным.

И хотя все ключевые решения по-прежнему принимались лично Хозяином, Молотову была предоставлена честь оказаться автором самых скользких речей и документов.

Тем временем в середине ноября в советско-финских переговорах был объявлен перерыв; финская делегация вернулась из Москвы в Хельсинки, где уже были закрыты многие школы, не горели огни по ночам, число финских дивизий на Карельском перешейке увеличилось с трех до семи.

По свидетельству А. М. Василевского, где-то в эти дни «Сталин, созвав Военный совет, поставил вопрос о том, что раз так, то нам придется воевать с Финляндией... Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников (начальник Генштаба Красной Армии — П. Х.) доложил его. Этот план исходил из реальной оценки финской армии и реальной оценки построенных финнами укрепленных районов... он предполагал сосредоточение больших сил и средств... Сталин поднял его на смех. Было сказано что-то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управляться с этой самой... Финляндией, требуете таких огромных сил и средств... В них нет никакой необходимости».

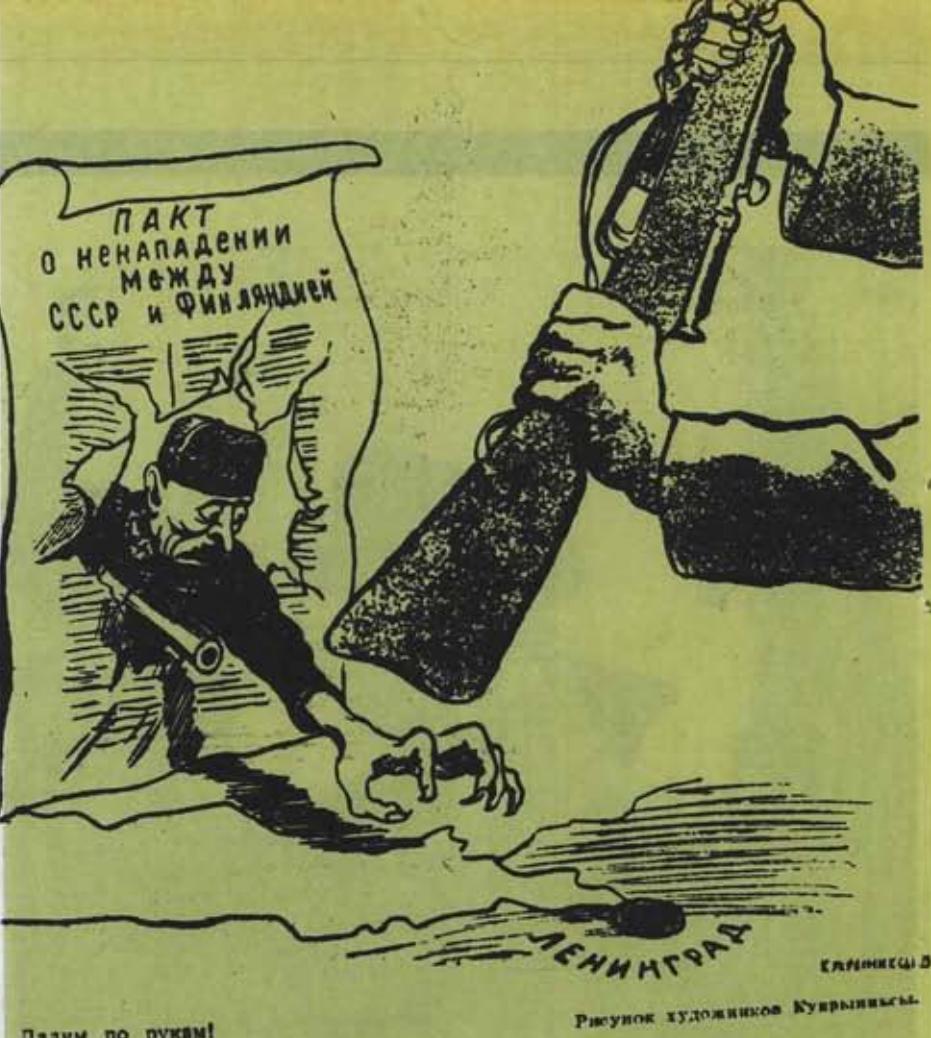
Операция была целиком поручена Ленинградскому военному округу. Шапошникова Сталин отправил в отпуск в Сочи, а многих других его работников — в инспекционные поездки. 19 ноября отмечалось 20-летие Первой Конной. Семен Михайлович Буденный в огромной статье в «Правде» назвал конницу «решающей силой» в современной войне. Обращаясь к бывшим боям Первой Конной, он призывал: «Держите, товарищи, порох сухим, возьмите свои клинки, готовьте коней к большим боевым походам...» В передовой статье «Слава советской коннице!» «Правда» писала: «Красная конница за годы передышки (выделено мной — П. Х.) проделала огромную работу по совершенствованию своей боевой и политической подготовки».

23 ноября финский премьер-министр Каяндер выступил с речью, в которой помянул добрым словом политику русских царей Александра I и Александра II по отношению к Финляндии, а о Советском Союзе сказал так: «Поскольку на переговорах трудно было найти общую платформу, они пока прервались. Об этом следует сожалеть, так как Финляндия искренне желает поддерживать хорошие отношения со всеми соседями».

День 26 ноября стал поворотным. Вечером была обнародована нота Молотова, переданная финскому послу. В ней сообщалось, что сегодня в 15 часов 45 минут в одном километре северо-западнее села Майнила с финской стороны было произведено 7 орудийных выстрелов по советской территории, в результате чего убито 3 красноармейца и 1 младший командир, 9 человек ранено. Советские войска «воздержались от ответного обстрела», сообщал Молотов. «Советское правительство вынуждено констатировать, — говорилось в ноте, — что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам».

Советское правительство «не намерено раздувать этот возмутительный акт». Однако в ноте содержалось требование об отводе финских войск на 20—25 километров от границы. В тот же час по всей стране начались митинги на предприятиях.

Но вот что прошло незамеченным: яростная пропагандистская кампания стартовала не после выстрелов у Майн

Дадим по рукам!

Рисунок художников Кувриньи.

ОТВЕТНЫЙ УДАР?

нилы, а до них. Еще утром. «Правда» вышла с редакционной статьей на первой полосе «Шут гороховый на посту премьера» — о Каяндере. «Скорее, должно быть, Каяндер будет иметь возможность убедиться на деле, что дальневидными политиками являются не марионетки из финляндского правительства, а нынешние руководители Эстонии, Латвии, Литвы, заключившие пакты о взаимопомощи с СССР. И все-таки не уйти каяндерам от ответа, которого требует все более настойчиво финляндский народ...»

И лишь спустя полдня после появления этой статьи раздались выстрелы и погибли люди у Майнилы.

Митинги и собрания шли по всему Союзу. «Грозен гнев советского народа», «Горе тем, кто встанет на нашем пути», «Краснознаменный Балтийский флот готов сокрушить врага...» Напряжение нарастало. 27 ноября появился лозунг: «Терпению есть предел», а 28-го уже: «Нашему терпению приходит конец!»

28 ноября финский посол А. С. Ирие-Коскинен передал Молотову ответную ноту. В ней говорилось, что с финской стороны видели взрывы 26 ноября между 15.45 и 16.05 у Майнилы, так как село находится в 800 метрах от грани-

цы за открытым полем. На основании расчета скорости распространения звука финны считают, что орудия находились на советской территории примерно в 1,5—2 километрах на юго-восток от места разрыва.

В финской ноте утверждалось: «Орудий такой дальности, чтобы их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе». Что касается отвода войск от границы, финское правительство готово начать переговоры об их обоюдном отводе.

Ответ Молотова последовал немедленно. Финское правительство обвинилось в стремлении «довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами», «ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела». «Требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящее формально из принципа равенства сторон, изобличает враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой».

На предложение о совместном расследовании Молотов не ответил ничего. Заикаясь на слове «себя», он заключил: «Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что сего числа оно считает себя свободным от

обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией..."

Из Хельсинки последние составы с резервистами уходили на восток. По всему Союзу продолжались митинги.

Ровно в полночь (!) 30 ноября по радио выступил Молотов. Он сообщил, что наши официальные представители отозваны из Хельсинки, а Красной Армии дано распоряжение «пресекать вылазки» врага.

Услужливый враг тут же совершил вылазки: наутро объявили, что в эту ночь финская пехота трижды пересекла границу и атаковала советские деревни, а в 8 часов наши войска перешли финскую границу. Но в последовавших затем репортажах один из корреспондентов проболтался и описал **ночную атаку Красной Армии** 30 ноября: «Снаряды рвутся и рядом с границей и в глубине финских лесов, освещая небо яркими, как молния, вспышками» (выделено мной). — П.Х.).

Наступление началось не только на Карельском перешейке (чем нам скрывают сообщает официальная история), но фактически на всем протяжении советско-финской границы — на Ледовитом океане был атакован финский порт Петсамо, между океаном и Ладожским озером наши войска двинулись на запад, сквозь болота и тайгу, на четырех направлениях: Ухтинском, Ребольском, Поросозерском и Петрозаводском.

И с самого начала война пошла не так, как ожидалось.

Вот как описывает события один из очевидцев, Николай Вирта: «Едва нога первого красного бойца вступила на территорию Суоми, раздались взрывы. Мина! Кавалерист ехал вдоль деревни, высматривая врага. Взрывы. Искалеченная лошадь бьется на дороге. Мина! Дорогу перерезает ров, выкопанный финскими солдатами. Красные бойцы получили приказ засыпать немедленно ров и пропустить колонну танков. Как только в яму полетели первые куски мерзлой земли, раздался грохот. Взорвалось разом несколько мин... Белофинны собирались воевать с нами давно и готовились к этой войне долго. Все свидетельствует об этом...»

Наши войска движутся большими массами. Внезапно в тылу возникают финские снайперы или пулеметчики, атакуют и уходят: «В лесах, в кучах сосновых ветвей, в снежных сугробах прячутся белофинны, озлобленные, как волки».

Карельский перешеек был хорошо оборудован для обороны, и продвижение Красной Армии затормозилось еще перед «линией Маннергейма». Не меньшая трагедия ожидала красноармейцев, наступавших в карельской тайге. В заранее намеченных местах, в сосновых кронах вокруг лесных полян висели гамаки, с которых финские автоматы расстреливали проштрафившиеся как на ладони колонны красноармейцев. Но в Кремле ничего не хотели знать. У Сталина и его верных соратников были дела поважнее.

Митинги в связи с историческим полуночным выступлением Молотова начались на заводах в 3 часа утра. Можно ли выражаться еще воинственней после всего, что уже было сказано? Оказывается, можно. «Не проснуть финским снайперам свое рыло в советский город!» — писала «Правда».

На следующий день появилось «Обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии (радиоперехват, перевод с финского)». По стилю и композиции этого очень большого документа видно, что его автором являлся лично Иосиф Виссарионович.

В обращении содержалось не менее десятка призывов к свержению финского правительства: «...теперь пришел конец терпению нашего трудового народа. Пусть это презренное правительство...

будет последним правительством капиталистов и помещиков Финляндии».

А вот и программа действий для трудового народа: «Необходимо создать широкий трудовой народный фронт, а к власти необходимо выдвинуть опирающееся на этот фронт правительство трудового народа, т. е. народное правительство». Этому (еще не существующему!) правительству предлагаются начать с неожиданно смелого шага: «Обратиться к Правительству СССР с предложением удовлетворить вековую национальную мечту финского народа и воссоединить с Финляндией районы Советской Карелии».

И что тогда? «Мы имеем основания надеяться, что если установим с Советским Союзом дружественные отношения, Советский Союз удовлетворит такое предложение». Еще не известно, из кого будет состоять народное правительство, на какие силы ему удастся опереться, какую политику оно станет проводить, но уже ясно, что СССР «отстегнет» ему кусок своей земли! Сделан и еще один прогноз — уже не дипломатический, а военный: «Смешно даже думать, что генералиши финляндской армии могли бы устоять перед Красной Армией».

После первого дня боев было объявлено, что наши войска продвинулись на 10—15 километров от границы; затем каждый день в сюжетах эта цифра равномерно увеличивалась: 20—25 километров... 30—35... 40—45...

1 декабря в поселке Териоки, занятом в тот день Красной Армией, было образовано Народное Правительство Финской Демократической Республики во главе с Отто Куусиненом (впоследствии в 50-е годы Куусинен был секретарем ЦК КПСС, участвовал в разработке хрущевской программы построения коммунизма). Сообщалось, что в правительство вошли представители ряда левых партий и восставших финских солдат. В опубликованной декларации нового правительства говорилось: «В разных частях страны народ уже восстал и провозгласил создание демократической республики. Часть солдат финляндской армии уже перешла на сторону нового правительства, поддерживающего народом... народные массы Финляндии... с огромным энтузиазмом встречают и приветствуют доблестную непобедимую Красную Армию...»

Было объявлено, что уже сформирован первый финский корпус, и ему «представляется часть принести в столицу знамя Финляндской Демократической Республики и водрузить его на крыше президентского дворца на радость трудающимся и...»

И что еще? «...и страх врагам народа».

В тот же день были установлены дипломатические отношения между СССР и ФДР. А в Хельсинки ушло в отставку правительство Каяндерса, новым премьер-министром стал Таннер.

Митинговая кампания в СССР получила новый импульс. «Пришел конец Каяндерса и маннергеймам», — делали вывод трудающиеся.

Начали мелькать утверждения, будто сначала восстал финский народ, а уже потом к нему на помощь пришла Красная Армия. О противнике говорилось так: «Первые же часы войны показали, что хваленая «добрость» финской армии не стоит выведенного яйца».

В Ленинграде действовало затмение, но ни налетов на город, ни обстрелов не было. 2 декабря шел мокрый снег. Идущие в темноте с работы домой ленинградцы услышали из репродукторов, что между СССР и Финляндской Демократической Республикой заключен Договор о дружбе и взаимопомощи: в обмен на 4 тысячи квадратных километров земли на Карельском перешейке Стalin действительно удовлетво-

рил «вековую мечту» финнов, отдавая им 70 тысяч квадратных километров севернее Ладоги.

4 декабря шведский посланник в Москве Винтер сообщил Молотову о желании финляндского правительства приступить к переговорам о соглашении с СССР. «Тов. Молотов объяснил Винтеру, что Советское правительство не признает так называемого «финляндского правительства», уже покинувшего Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении...»

Тогда же к Молотову поступила телеграмма Генерального секретаря Лиги Наций Авенюля: он приглашал Советский Союз принять участие в Ассамблее Лиги, созываемой по просьбе Финляндии, утверждающей, что СССР «внезапно напал утром 30-го ноября сего года не только на пограничные позиции, но также и на открытые финляндские города, сея смерть и опустошение среди гражданского населения, особенно воздушными атаками...» Действительно, о наших воздушных налетах на Хельсинки и Выборг (Выборг) было открыто сообщено еще в первой сводке штаба Ленинградского военного округа. Молотов, отвечая Авенюлю, и не отрицал этот факт. Он отказался участвовать в Ассамблее Лиги Наций, заявив: «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финляндскому народу... Советский Союз находится в мирных отношениях с Финляндской Демократической Республикой...»

Через неделю Ассамблея исключила СССР из Лиги Наций. Как агрессора.

4 декабря трудающиеся Советского Союза все сразу потеряли интерес к событиям на фронте. Ни единого митинга, гробовой тишины. 6 декабря газеты перестали печатать фронтовые репортажи, 7-го впервые опровергли иностранные сообщения о наших потерях. Официальные сводки становились все короче и туманнее.

С. М. Штеменко вспоминает: «Стояли сильные морозы... 9-я и 14-я армии растянулись вдоль дорог и медленно продвигались вперед, отбивая атаки выходивших на их тылы финских лыжных батальонов... Наши войска оказались малоприспособленными вести войну в условиях финского театра...»

«При огромных потерях, которые мы там несли, — пишет А. М. Васильевский, — пополнялись они самым безобразным образом. Надо только удивляться тому, как можно было за такой короткий период буквально ограбить всю армию. Щаденко, по распоряжению Сталина, в тот период брал из разных округов, в том числе из особых пограничных округов, по одной роте из каждого полка в качестве пополнения для воевавших на Карельском перешейке частей». Вероятно, таким способом пытались скрыть масштабы потерь.

Вдруг оказалось, что финская пехота вооружена автоматами, которые у нас считались неэффективным оружием и за несколько месяцев до финской войны были сняты с производства. И наоборот, у нашей новой самозарядной винтовки обнаружилось множество отрицательных качеств. Стalin лично принимал решения о срочном исправлении положения. Спешно возобновлялось производство автоматов. На фронт был послан Л. Мехлис, немедленно приступивший к разгрому командных кадров. Окруженные и безупречно атаковавшие войска получали приказы о повторных атаках на тех же участках с теми же силами и средствами. Это приводило к большим бессмысленным потерям.

20 декабря впервые сводка не сообщила о продвижении наших войск вперед. На следующий день товарищу Стalinу исполнилось 60 лет. Казалось, страна забыла о войне. Какая война, когда такой праздник?! Пoэтов больше

не возмущали финские шуты. Никто не высказывал солидарности с финским народом. Сам финский народ тоже куда-то подевался. Все заглушая, гремел сталинский юбилей. Даже от Гитлера пришло поздравление.

Затем наступил Новый год. Подводя итоги 1939-го, сотни выступающих вспоминали о чем угодно, только не о Финляндии. Хотя газеты продолжали ежедневно печатать одну и ту же фразу: «На фронте ничего существенного не произошло».

Кровавое и трагическое декабрьское наступление закончилось.

Нокаутировать Финляндию не удалось. Решено было добиваться победы «по очкам», хотя два противника при надлежали, очевидно, к разным весовым категориям и спасать престиж было уже поздно.

В первых числах января на заседании в Кремле вызванный из Сочи Шапошников вновь доложил однажды отвернутый план военных действий. Теперь план был принят.

«...Сталин сказал, что Мерецкову мы это не поручим, он с этим не справится. Спросил:

— Так кто готов взять на себя командование войсками на Карельском перешейке?

Наступило молчание, довольно долгое. Наконец поднялся Тимошенко и сказал:

— Если вы мне дадите все то, о чем здесь было сказано, то я готов взять командование войсками на себя и надеюсь, что не подведу вас! — свидетельствует А.-М. Васильевский.

Полтора месяца длилось затишье; около 10 февраля 1940 года началось новое наступление наших войск. На этот раз оно шло только на Карельском перешейке и не сопровождалось ни стихами, ни митингами, ни карикатурами. Красная Армия медленно, день за днем прогрязала «линию Маннергейма», вытесняя противника на северо-запад. А в тылу шумовыми эффектами отмечали 50-летие Молотова.

Еще 4 марта штаб Ленинградского военного округа называл правительство в Хельсинки «так называемым финляндским правительством», а спустя несколько десятков часов с этим правительством уже велись официальные переговоры. В это же время продолжались ожесточенные многодневные бои за Выборг. 11 марта город был взят, 12 марта между СССР и Финляндией был заключен мирный договор. СССР получил Карельский перешеек и северный берег Ладоги, полуостров Рыбачий на Ледовитом океане и городок Кулоярви в Карелии.

А где же народное правительство Финляндии? Где первый финский корпус? Где пламя всенародного восстания..

Трудящиеся «все, как один человек», встрепенулись, ровно три дня пошутили («провокаторы войны просчитались», «пусть знают капиталисты, что с нами шутить нельзя», «бурей рукоплесканий в честь великого Сталина закончился митинг») — и с 16 марта все, как один, замолкли. Никто, если верить прессе, не уронил ни слезинки. Даже матери погибших. «Песни радости и победы» — и ничего другого!

А потери были страшные. Участник финской войны Степан Иванович Рыбаков с горечью говорил, что за всю финскую войну видел трех убитых финнов, двух мужчин и одну женщину, а вот наших!..

Потери Красной Армии, по советским данным, составили 70 тысяч убитых и без вести пропавших, 176 тысяч раненых и обмороженных. Потери противника, по финским данным, — соответственно 23 и 44 тысячи человек.

Прошло 50 лет, и еще ни разу мы не почтили минутой молчания память павших в финской войне...

Татьяна СМЕРТИНА

Из цикла «ЯШМОВЫЙ ГРЕБЕНЬ»

Сквозь хризантемы,
Что сгибает ветер,
Глаза японки
Вижу на рассвете...
Подола всплеск...
Волосьев черных дождь...
Тугих шелков
Девическую дрожь...

Виденье то
Хочу приблизить к бытии!
Но хризантемы
Все слезами смыли...

Тяжел цветок —
В моих ладонях тонет,
Трепещет весь,
И шелестит, и стонет...

ВОРОЖБА НА ОГНЕ

Ты Новый год
справляла по-японски,
А нынче — плат узорный на плече,
В конюшне ищешь волос конский,
Со мной гадаешь на свече.
Ой, как пылает тот огонь!
Он прогнил насквозь ладонь.
Ладонь — ала, что лепесток.
Мы оба смотрим на шесток.
Да что ж за зверь там?
Кто же он?
Не подшутил ли старый Нильтч?
Я говорю: «Там Змей Горыныч!»
Ты уверяешь: «Там — дракон!»
А я: «Там леший копошится!»
Ты снова споришь:
«Нет — лисица!»

Когда же профиль выплыл тих,
Мы разом вскрикнули: «Жених!»

Ты в косу русую мою
Из яши гребешок втыкаешь.
Про ямщика тебе пою,
Ты — из «Манъесю» плач читаешь.
Потом совсем наоборот:
Ты мне — есенинскую стройку,
Я же — как азалия цветет
Из Исиакава Такубоку.

И до сих пор здесь голос твой
В сердечных ландышах таится,
И гребень яшмовый, резной
В тяжелом сундуке хранится.

Среди елок на опушке
Ищем рыжие волнушки.
— Ёсико, иди сюда!
Здесь пречерная вода.

В омуток глядим лесной.
Два лица передо мной.
Хоть мое — слегка бело,
Хоть твое — слегка смуглó,
В этом зеркале овальном,
В золоченой раме леса,
Как на снимке беспечальном,
Мы навек остались вместе!

И ты бежишь, и крик твой
Длится:
— Не урони дитя, сестрица!
Не урони в огнь и дым,
Закрой его плечом своим,
Завесь рассыпанной косою...
Я в Прошлом стаяла росою...
Смерч моего коснулся сердца,
Пушкино спалив младенца!
Но до сих пор от нас до вас —
Мой крик о сыне не погас!

Кто спросил бы у меня:
«Почему смущалась?»
Я б ответила: «Луна
Лотосом раскрылась...»

Я глядела на луну,
Видела тебя одну...
Ты бледна, и луна...
Лепестков сквозит волна.
Край луны сквозь деревья?
Твоего ли рукава?

У хлева горит весь день
Кисти Врубеля сирень.
Не твоя ли рядом тень?

За кольями оград
Твои сабо стучат.
Настилы дощаны,
Травой обуяны.

Дела все бросаю,
В домашней одежде
Бегу и встречаю:
— Ты, Ёсико, где же?!

Под нашей рябиной —
Красива ты дивно!
От глаз твоих узких,
Когда повстречались,

В душе моей русской
Порезы остались.

9 августа,
11 часов 2 минуты...

Я в Настоящем дне живу,
Ты — в Прошлом,
В прошлую войну...

Иду средь елок-веретенец.
Ты через мост идешь грустя.
И у моей груди младенец.
И на твоих руках дитя.

Я обернулась, поглядела —
В тот миг ты вспыхнула сгорела!
Лишь на брускатке
Целый день
Твоя
Молчала страшно
Тень...

Мы с тобою пошли
Не гулять, не бродить,
А чтоб бога войны
Найти и убить!

Ты нож самурайский
Как бритву точила,
Я стрелы свои
В аконите мочила.
Лишь только оружие
Взяли мы в руки —
Заплакали наши
Младенцы в испуге.
А бог тот смеялся
Все боле и боле
И взрывом плевался
На дальнем атолле!

Пред силою зла —
Две женки всего?
Но все же мы с тобою
Идем на него!
И лук мой крестьянский
Гудит в серебре.
Твой нож самурайский
Блестит на бедре.

Андрей ЧЕРНОВ

ХОДАСЕВИЧ НА ТВЕРСКОМ

Этот век ему нѣ пары,
даром, что над мостовой
встал он на краю бульвара
с непокрытой головой.

Пройдено чистописанье.
Мутная сомкнулась твердь.
Впредь — ловить его дыханье,
задыхаясь, кашлять вперед.

И в предвиденье разлуки
здесь, на площади Страстной,
вслед за Блоком комкать руки
над обугленной строкой.

Ты просей слова, как просо,
через сито языка.
Ты вскипай, крутя проза,
в чугунка черновика.

НАТЮРМОРТ

Земляника, малина, морошка
уцелели под ластиком и
осторожно ложатся в лукошко,
пляят круглые зенки свои.

Вот причуда — качаясь на стуле,
разбирать допотопный сюжет —
натюрморт середины июля
из блокнота младенческих лет,

где, как прежде, глядят неофитом,
точно он и не вытерп до дыр,
обведен разноцветным графитом
лишь вчера восстановленный мир,

и гуляют детей необутых,
и жалеют собак и калек,
и не в миллиартинах — в минутах
да в годах измеряется век.

Перепели песни, и во тьму
переговорили разговоры.
Вот и разошлись по одному
проектёры, мальчики, позоры.

Лезли, удивленные, на свет,
трепетали на ветвях крылатых, —
ах, листва 60-х лет,
как летела ты в 70-х.

А когда погасла та звезда
и померкла, не взойдя, иная,
мы вошли за ними — ни стыда,
ни иллюзий не перенимая.

И хотя стояли на своем,
прожили свое, да не прожили.
И теперь их песенки поем,
потому что новых не сложили.

Едва повернет от Успения
и губы набухнут
от влаги гниющей свирели,
душа, как больная собака,
находит траву
в ближайшем дворе, на помойке ли,
на пустыре ли.

Смотри — так и ветви смиряют
растительный зуд,
отторгнув плоды и теряя
истасканный ситец,
и горькую сырость созвездий,
как соску, сосут,
и это важней, чем дыханье
и фотосинтез.

Не плачь, ради бога, не бойся:
все страхи — вранье,
когда это брезговал он
неумытой душою?
Как прачка Мария, отбелит,
отмолит ее,
прикроет привычной ладонью,
по-женски большою.

СОТВОРЕНIE

Точку подвинул — линия вышла.
А ее подвинул —
получилась плоскость.
Плоскость опрокинул —
объем образовался,
так вот и построил пространство.
Стал сдвигать объем
относительно объема —
ничего не вышло,
кроме жара и грома.
Вместо идеального четырехмерия —
жадная,
потная дура — материя.
На нее подую — пойду за газетами.
Пусть оно само собою сбывается:
народились солнца,
иные с планетами,
а на той, на синенькой,
жизнь затевается.

О, какие рожи
в лесу этом девственном!
Эти кайнозои —
неужто же вытерплю? —
скоро ли в Москве,
на бульваре Рождественском,
взяв из-под ребра, из себя
тебя вылеплю?

Опять обездвижит тебя таксофон,
прожорливый ротик,
намыленный медью,
удачу слогнет, и судьба колесом
откатится к третьему тысячелетию:
Как мы неуклюжи в среде железяк!
Я помню — полгода слесарил
на ЗИЛе
и ведал повадку металла, но как
случилось, что мы на него
нагрузили
заботу не только о слабых тела —
о душах; и наш одомашненный атом,
и тонны тротила в пустых небесах
сравнимы с испорченным автоматом
на Автозаводской. Как произошло,
что семь тысяч лет мы страстям
человечьим
учили болванку? Ответьте, алло!..
Молчит. Научилась.
И крыть ее нечем.

Соловьиного пенья,
что сора в прозябшей низине.
Невесомых скорлупок
не вымести и ветрам.
Верхоглядом над кручей,
птенцом постаревшим, разиней,
озирая окрестность,
читать по слогам:

это прорези воя —
женщины или птицы,
пепелище прощаний,
эпохи несgrabный сюжет,
тусклый список теней,
отпечатанный на роговице...
Чем слабее, тем горше.
Чем дальше — тем резче просвет.

Из почтового — потом
в деревянный ящик.
Ну да отпоет местком
всех, сюда входящих.
Тот же воздух испитой
обожжет у входа,
точно перед номерной
проходной завода.
Кумачом течет металл.
Ночь кострами вьется.
А за то, что век молчал,
вечность выть придется.

Грегори МАКДОНАЛЬД

ФЛЕТЧ

— Перед твоим приходом, папа, мы говорили о ранчо, которое Алан покупает в Неваде.

— Идея, в общем, неплохая.

— Наоборот, отвратительная.

— Наша семья слишком мало вкладывала в недвижимость. Что у нас есть? Городские дома да то мечтко в Аспене. Нам и раньше следовало покупать землю. Но никто не хотел этим заниматься. Я рад, что Алан переступил черту.

— Меня тошнит от одной мысли о ранче.

— Может быть туда не ездить.

— Судя по словам Аланы, этот миллион акров в Неваде станет нашим духовным прибежищем.

— Тебе, конечно, придется съездить туда разок-другой, пока Алан будет приводить в порядок дела. Вам это пойдет на пользу. И Джулли тоже. Тебе, должно быть, надоело, что твоя мать и я вечно сидим у вас на шее.

— Мама плохо себя чувствует.

— Я помню день, когда твоя мать первый раз выпила мартини перед ленчом. Джин способствует депрессии, моя девочка.

— Мой бог! Можете сидеть у нас на шее. Раньше меня это не тяготило.

— Джим Свартгаут оказался полезным человеком?

— Кто?

— Джим Свартгаут. Из «Свартгаут Невада Ризлти». Крупнейшая фирма в Неваде. Я порекомендовал Алану обратиться к нему, когда тот завел разговор о ранче. Насколько я понимаю, Алан ведет переговоры именно с ним.

— О, да. Он нам очень помог. Именно он нашел для Аланы это ранчо. Мы собираемся туда на следующий уик-энд. Повезем задаток, наличными.

— Веселей, старушка. Алан абсолютно прав, вкладывая деньги в ранчо. Абсолютно прав.— Джон Коллинз допил эль.— А теперь поглядим, сможем ли мы выманить юного Джона на корт.

— Нет, сэр. Но премного вам благодарен. Видите ли, времени у меня в обрез. Я должен успеть на самолет.

— О! — В голосе Коллинза слышалось искреннее огорчение.— Очень жаль.

— У вас изумительный клуб. Со слов Джоан я знаю, как много вы для него делаете.

— Ну, она могла бы не напоминать об этом. Я действительно уделяю клубу много внимания. Молодежь должна иметь место для развлечений и занятий спортом. Особенно теперь, когда молодые люди не могут появляться на пляже.

— О?

— Наркотики. Черт бы их побрал. Везде наркотики. На всем берегу. Сильные наркотики. Героин. Опиум. Не говоря уже о таблетках. В наши дни отправлять подростка на пляж — все равно что послать его в ад.

— Взрослые продают наркотики детям,— добавила Джоан.— Буквально навязывают их. Вы можете представить что-нибудь более отвратительное? Это же безумие. Заставлять детей принимать наркотики!

— Я несколько раз говорил с начальником полиции, Каммингсом,— продолжил Джон Коллинз,— настоятельно требуя, чтобы он прекратил это безобразие. Я даже предложил заплатить специально нанятым детективам, чтобы они выяснили, откуда на пляже наркотики и кто их туда доставляет. Он говорит мне, что принимает все меры. У него на пляже есть осведомитель, но дело затруднено тем, что люди на берегу приходят и уходят, постоянно меняются, прикрываются вымышленными именами. И контролировать положение чрезвычайно трудно. Не за что зацепиться. Он полагает, что детективы-профессионалы ничем не помогут.

— Я не знала о твоем предложении, папа. Это ты хорошо придумал.

— Покончить с наркотиками — насущная необходимость. При таком росте краж, взломов, ограблений нельзя сидеть сложа руки. Так мы докатимся и до убийств. Но больше всего меня волнуют эти молодые люди, обрекающие себя на медленную смерть. Это ужасно. Они не знают ничего другого. Жизнь у них — кромешный ад.

— Я полностью с вами согласен, сэр,— вставил Флетч.

— Наш достопочтенный начальник полиции вскорости уходит на покой, а в предпенсионном возрасте люди не отличаются высокой активностью. Поэтому я твержу Алану: гони этих старых развалин, дай им деньги, и пусть катятся на все четыре стороны. Компании они уже ничего не дают. Вот и Каммингс больше думает о пенсии. Охрана правопорядка его не занимает. Скорее бы уж уходил. Тогда, возможно, нам удастся совладать с этим бедствием.

— Кто знает, сэр. Может, с ними справятся и без полиции,— заметил Флетч.

— Хотелось бы верить,— кивнул Джон Коллинз.— Но кто за это возьмется?

— Да,— улыбнулся Флетч.— У вас великолепный клуб.

— По крайней мере наркотиков здесь нет. За исключением мартини, что некоторые идиоты заказывают перед ленчом.

ГЛАВА 14

Пользуясь телефонной кредитной картой, Флетч провел следующий час в темноте и прохладе игровой комнаты клуба. Никто не играл ни на бильярде, ни в пинг-понг, не смотрел телевизор.

Первым делом он позвонил Марвину Стэнвику в Нонкиген, Пенсильвания.

— Мистер Стэнвик?

— Да.

— Это Сидней Джеймс из «Кейзуэлл Иншуэрс оф Калифорния».

— Как поживаешь, мой мальчик? Что ты надумал насчет «Бронзовой Звезды»?

— Я еще не решил, сэр.

— Вряд ли тебе предложат еще одну.

— Не ожидал, что дадут и эту-то.

— Я советую тебе получить ее. Кто знает, что нас ждет впереди. Может, у тебя будет сын, который спросит о ней, или внук.

— Я в этом не уверен. В наши дни женщины не хотят рожать детей.

— Тут ты совершенно прав. Сам жду не дожусь, когда же Алан и его жена подарят мне внука или внучку.

— Что?

— Мне кажется, им пора, не правда ли? Сколько они женаты? Лет шесть, а то и семь.

— У них нет детей?

— Разумеется, нет. Иначе мы побывали бы в Калифорнии, не упустили бы случая повидать ребенка Аланы.

— Понятно.

— Ну, мистер Джеймс. Полагаю, вы позвонили, чтобы узнать, как наше самочувствие. Миссис Стэнвик и я вполне здоровы. Как раз думаем о ленче.

— Рад это слышать, сэр.

— Ты, должно быть, очень честолюбив, раз работаешь по субботам. Мне самому надо возвращаться в магазин после ленча, но я-то думал, что, кроме меня, по субботам все отдыхают. Правда, тебе придется работать по субботам лишь потому, что в будни ты слишком много времени проводишь на телефоне.

— Мы стараемся подсчитать, сколько времени проводит в воздухе ваш сын.

— Слишком много.

— Вы говорили, что он бывает у вас раз в шесть недель?

— Примерно так.

— Он прилетает надолго?

— На ночь или две.

— Он останавливается у вас дома?

— Нет. Он и второй пилот останавливаются в гостинице «Нонхиген Инн». У них там номер. Алан вроде тебя. Если он не будет висеть на телефоне сорок пять минут из каждого часа, то жизнь, по его мнению, замрет на месте. Ему необходим гостиничный коммутатор.

— Сколько же времени он проводит у вас?

— Я не очень понимаю, к чему эти вопросы, но человек, награжденный «Бронзовой Звездой», наверное, соображает, что делает. Обычно они приходят на завтрак.

— Они?

— Алан и второй пилот. Баки. Который любит пирожки моей жены. Я раньше не представлял, как много пирожков может съесть один человек.

— Алан прилетает с одним и тем же вторым пилотом?

— Нет. Пару раз с ним были другие люди, но я не запомнил их фамилии. Обычно это Баки. Бывало, Алан приходил и к ужину, но один. Изредка. Когда он здесь, мы видим его мало, но, должно быть, в родном городе он отдыхает душой.

— Да, конечно. И как долго это продолжается?

— Его регулярные визиты? С тех пор, как он стал шишкой в этой авиационной компании. Наверное, ему чаще приходится летать по делам в нашу сторону.

— Последние шесть-семь лет?

— Я бы сказал, года четыре. После женитьбы мы почти не видели Аланна. Что, впрочем, неудивительно.

— Почему вы сказали, что он летает слишком много?

— Полеты опасны, сынок. Особенно на частных самолетах. Что-нибудь может сломаться.

— Вы хотите сказать, он может разбиться?

— Он может погибнуть. Самолет — не резиновый мячик, который отскакивает от земли. Он уже побывал в катастрофе. Даже в двух. За океаном.

— Я знаю. Но вы же не возражали против его занятия боксом, когда он был подростком?

— Кто это сказал?

— Вы были против?

— Чего мы только не делали, чтобы заставить его прекратить занятия боксом. Каждый день он спускался в подвал и работал с грушей. И так до самого ужина. Одно время он выходил на ринг дважды в неделю. Какая голова это выдержит? Я уж думал, что мозги полезут у него из ушей. Во всяком случае, кровь из носу текла у него каждый раз.

— Почему вы не запретили ему заниматься боксом?

— Если у тебя будет сын, ты узнаешь, что в четырнадцать или пятнадцать лет от него не добьешься полного послушания. Чем чаще ты требуешь от него не биться головой об стенку, тем сильнее он будет в нее лупить и никогда не поверит, что мозги пригодятся ему для чего-нибудь еще.

— Тогда почему он не участвовал в национальном первенстве?

— Ты не можешь найти ответа?

— Нет, сэр.

— Девушки, сынок, девушки. Сколько бы пятнадцатилетние подростки ни боксировали в подвалах, рано или поздно они замечают девушек. И тогда боксерские перчатки вешаются на гвоздь, а из кармана достается расческа. Должен признать, нам потребовалось немало времени, чтобы это понять. Конечно, он хотел поехать на чемпионат, и специалисты оценивали его шансы очень высоко. Но внезапно перед самым отъездом дом перестал дрожать, глухие удары в подвале прекратились. Мы думали, он заболел. Вечер, когда он сказал, что не будет участвовать в чемпионате, стал самым счастливым в нашей жизни. Груши так и висят в подвале. Больше он к ним не подходил. Раньше-то им крепко доставалось, так что они нуждаются в отдыхе. Алан увлекся самолетами. Сыновья никогда не думают о нервах родителей. Я уверен, это можно сказать и о тебе, мистер Джеймс.

— Наверное, да. Может, и к лучшему, что у вашего сына нет детей?

— О, нет. Воспитывать детей, конечно, сложнее, чем есть рождественскую индейку.

— Ну, не буде больше вас задерживать, мистер Стэнвик. Благодарю за помощь.

— Послушай, сынок.

— Да?

— Я обрадовался твоему звонку, потому что не знал, где тебя найти. Все думал о твоей «Бронзовой Звезде». Я хотел бы заключить с тобой договор.

— О?

— Ты получишь награду и пришлешь ее нам. Мы сохраним ее для тебя, а потом, когда ты захочешь, вернем назад, чтобы ты мог показать ее своему сыну.

— Спасибо, мистер Стэнвик.

— Так что ты скажешь? Если с нами что-то случится, мы позаботимся о том, чтобы «Бронзовая Звезда»

никогда не пропала. Мы будем хранить ее в банке вместе с выходными туфлями моей жены.

— Даже не знаю, что и сказать.

— Жизнь — долгая штука, сынок, и наши суждения со временем меняются. Присытай нам свою «Бронзовую Звезду», а мы сбережем ее.

— Вы хороший человек, мистер Стэнвик. Позвольте мне подумать о вашем предложении.

— Конечно, конечно. Мне кажется, теперь тебе будет легче принять решение.

— Спасибо. Большое вам спасибо.

— Звони в любое время, сынок. Вчера я подкупил акции телефонной компании.

— «Нонхиген Инн». Добрый день.

— Добрый день. Это мистер Алан Стэнвик.

— Здравствуйте, мистер Стэнвик. Рад слышать ваш голос, сэр.

Две молоденькие девушки заглянули в игровую комнату. Очевидно, они искали не Флетча, потому что дверь снова закрылась.

— Я звоню вам, так как сегодня суббота, а я решил, что, возможно, прилечу на следующий уик-энд.

— О?

— Вас это удивляет?

— Извините, сэр. Но мы привыкли, что вы наезжаете раз в полтора месяца. Ведь вы уехали от нас всего две недели назад.

— Я еще могу передумать.

— Как вам будет угодно, сэр. Номер всегда в вашем распоряжении.

— Благодарю.

— До свидания, мистер Стэнвик.

— Свартгаут Невада Ризлти Компани.

— Джима Свартгаута, пожалуйста.

— Извините, сэр, но мистер Свартгаут уехал с клиентом.

— Когда он вернется?

— Сегодня суббота, сэр, и...

— Понятно.

— Если вы оставите ваш номер, он позвонит...

— Нет, благодарю. Он будет в понедельник?

— Да, сэр.

— Я позвоню ему сам.

ГЛАВА 15

Все еще в белых шортах и тенниске, Флетч медленно ехал по Виззард-роуд. По телефонному справочнику он узнал нужный ему номер — 12355.

Красивый, построенный в испанском стиле особняк возвышался посреди зеленого лужка. На подъездной дорожке стоял голубой «кадиллак».

Флетч припарковался на улице.

Заметив поднимающийся дымок, он сразу направился во двор.

За оградой бассейна толстый, лысеющий мужчина в цветастых шортах смотрел на разожженный мангаль. Позади него на каменной глыбе стоял большой бокал джина с тоником.

— Берт?

Мужчина обернулся, готовый приветствовать доброго приятеля, но при виде незнакомого человека улыбка сползла с его лица.

— Джон Залумаринеро, — представился Флетч.

— О, конечно.

Берт Эберхарт протянул руку.

— Я приехал в город на один день. Джон Коллинз и ее отец пригласили меня на ленч в «Рэксетс-клаб».

— А...

— Я спрашивал о вас. Джон сказал, что вы живете на побережье и я могу заехать к вам по дороге в отель.

— О...

— Я не видел вас со дня свадьбы Джоан. Вы были шафером.

— Джон! — Берт Эберхарт словно прозрел. Они вновь обменялись рукопожатием. — Клянусь богом, как я рад тебя видеть! Где ты скрывался?

— Продавал мебель. В Монтане.

— Потрясающе! Ты так молодо выглядишь. Так ты говоришь, старик Коллинз угостили тебя ленчем?

— Сэндвичем с сыром.

— О боже! Джон Коллинз и его сырные сэндвичи. Он чуть ли не миллиардер, а угощает тебя сыром. Что бы он ел, если бы был беден? Понимаю тебя, сам сын по горло его сэндвичами. По меньшей мере он мог бы купить тебе бифштекс. С его-то деньгами. Он былся пополнеть хоть на фунт. Как будто это кого-то волнует. Все интересуются толщиной его кошелька, а не толщиной его талии!

— У вас тоже очень представительный вид.

— Вот мне-то надо похудеть. Что тебе налит? Джин с тоником?

— С удовольствием.

— У меня все под рукой. — Он подошел к стене дома, где в тени стоял бар. — Мое правило — не уходить от бутылки дальше чем на десять шагов.

«Поэтому он так и расположил», — подумал Флетч.

— Мы неплохо веселились на той свадьбе, — заметил он. — Но вы, должно быть, не помните.

— Да, я налился до чертиков. Все интересуются головы. Мне казалось, что женюсь я. Повтори, пожалуйста, свою фамилию.

— Залумаринеро.

— Да, да, ну как же. Ирландец.

— Вернее, валлиец.

— Теперь я вспомнил. Мы действительно тогда веселились от души. Отличная была свадьба. Как же я мог тебя забыть! Ты еще кувырнулся в бассейн в шляпе.

— Неужели?

— Ну, конечно. Вшел прямо в воду и продолжал идти как ни в чем не бывало.

— Я не помню.

— В тот день перебрал не я один. Ну, за твоё здоровье. О господи, какая жара. Не понимаю, почему люди живут в этом климате. Стремимся в Калифорнию из-за прекрасной погоды, а потом до конца дней сидим в обнимку с кондиционером. Подходи к мангалу. У нас сегодня гости.

Флетч сел под солнцезащитным зонтиком, а Берт занялся мангалом.

— Чтобы приготовить хороший бифштекс, надо заранее разжечь мангал. За два или три часа. Наши предки, как тебе известно, поддерживали огонь постоянно. Конечно, им не приходилось столько платить за древесный уголь. Короче, для того, чтобы что-то поджарить, им требовалось лишь подойти к очагу. Мы же каждый раз разжигаем огонь заново. Боже, как я рад, что ты заглянул ко мне, Джон. Оставайся на ужин.

— Большое спасибо, но я не могу.

— И напрасно. Тот, кто провел ленч с Джоном Коллинзом, достоин мясного ужина и орденской ленты.

— Мой самолет вылетает через пару часов.

— Тогда тебе надо выпить. В самолет можно садиться только пьяным. Тогда остается шанс спастись, если он упадет.

— Как поживает Алан?

— Блестяще. Выглядит, как ты. Ни унции жира. В прекрасной форме. Я устаю от одного взгляда на него.

— Помнится, на свадьбе вы говорили, что дружите с Аланом еще со школы.

— Да, мы вместе учились в Колгейте. С тех пор я паразитирую на нем.

— Не понял.

— Почти с тех пор. Не считая нескольких лет до его свадьбы. Тогда мне приходилось зарабатывать на жизнь. Хочешь еще выпить? Я держу все страховки Аланна. Его жизнь, дом, машины, яхта, «Коллинз Компани». Поэтому я никогда не спорю с Джоном Коллинзом, несмотря на его сырные сэндвичи. В конце концов от него зависит моя будущая выпивка.

— Джон говорила, что Алан застрахован на три миллиона.

— Можешь ей верить.

— Это правда?

— Абсолютная правда. Мертвым этот парень стоит куда больше, чем живым. Но не для меня. Каждый вечер я молюсь за него. Если он умрет, я последнюю следом за ним. Иначе мне вновь придется идти работать. Боже! Об этом даже страшно подумать. Какой-нибудь паршивый механик забывает подтянуть гайку в этом паршивом самолете в Айдахо — и кончена моя жизнь. Ненавижу самолеты. В этом я похож на мать Аланна. Он летает, а я волнуюсь. Возможно, я умру от волнения, а он прокрутит мертвую петлю над моей могилой.

— Значит, вы познакомились в колледже?

— Какой он был красавец! В общежитии нас поселили в одну комнату. Раньше он участвовал в турнире «Золотые перчатки». Такой серьезный парень. На уме только работа, работа и работа. Я хотел войти в студенческое братство, а он — нет. То есть ему было все равно. Чуть ли не каждый уик-энд он ездил домой. В боях забытый городишко Нонхиген, что в Пенсильвании. Какая же там скуча! Один раз я поехал с ним. В субботу вечером мы нашли только одно развлечение: наблюдать за автобусной остановкой. «О боже, — сказал я Алану, — ты слишком серьезен. Колледж — это не только учеба». Я хотел, чтобы мы вместе подали заявления о приеме в студенческое братство. Я думал, что мои шансы при этом возрастут. Они отвергли меня, но пригласили его. А он не писал никакого заявления. Для меня это был жестокий удар, думал, никогда не оправлюсь от него. Как могли эти восемнадцатилетние сопляки решать, кто им подходит, а кто нет, если они знали человека лишь несколько месяцев? Почему они отказали мне? За столь короткий срок эти мерзавцы пришли к выводу, что Алан — золото, а я — дерьмо. Алан даже не оставался в кампусе на уик-энды. Я жаждал стать членом студенческого братства, а студенческое братство жаждало Аланна. Господи, я даже плакал. Алан согласился при условии, что они возьмут и меня. Его соседа по комнате. Боже, я никогда этого не забуду. Он просто облагодетельствовал меня. Представляешь, какая была у него сила воли! Членство в братстве значило очень многое, а он хладнокровно торговался с этими обезьянами. Я думал, у него ничего не выйдет. Но он своего добился. Они приняли нас обоих. Потом он не ударил для братства пальцем о палец, лишь позволял им гордиться тем, что состоят в нем. И по-прежнему уезжал домой на уик-энды. Я же участвовал во всех начинаниях. Господи, как мне было хорошо! Незабываемое время.

— Я что-то не понимаю. Чем же Алан Стэнвик выделялся среди остальных?

— Чем он выделялся? Ему только тридцать три, а он руководит одной из крупнейших корпораций страны.

— Да?

— Да. Я знаю, что ты хочешь сказать. Что он, мол, женился на «Коллинз Авиэйшн». Но он к тому же чертовски умен и работал, как проклятый. Я горжусь тем, что живу за его счет.

— Извините.

— Поверь мне, Коллинзы нуждаются в нем больше, чем он в них. Думаю, случись Джону Коллинзу выбирать между Аланом и Джоан, он оставил бы Алану, а собственную дочь бросил бы на съедение волкам. Алан все равно возглавлял бы «Коллинз Авиэйшн» независимо от того, был бы он мужем Джоан или нет.

— Вы так считаете?

— Да. Можешь не сомневаться. Ты не знаешь, какой это способный человек. Корпорации должны драться за него, как дрались студенческие братства. У этого парня есть все.

— Вы прямо-таки идолопоклонник.

— Совершенно верно, и мой идол — Алан Стэнвик.

— Вы его часто видите?

— По правде сказать, нет. У нас разные интересы. Он летает, играет в теннис, сквош, плавает на яхте. Я же люблю выпить. Он много работает. И вообще очень серьезен. Он не способен сесть, нальть джина с тоником, поболтать о том о сем. Мы вот просто разговариваем, коротаем время. Он же старается использовать каждую секунду. И потом, Джоан недолюбливает мою жену. Я, кстати, тоже. Ты не знаком с моей женой? При удаче ты с ней так и не встретишься. Если ты убежишь с ней, я тебя отблагодарю.

— Получается, Берт, вы не особо в курсе дел Аланы?

— Никогда не был в курсе. Как, впрочем, и остальные. Алан никогда не раскрывал своих карт. Он может умирать от рака, но никому ничего не скажет.

— Странно, что вы заговорили о раке.

— Лучшему другу не признается, что у него штаны горят.

— За ленчом мне показалось, что Джоан чем-то подавлена.

— Послушай, Джон, я не ошибусь, если скажу, что ты — друг Джоан, а я — Аланы, так?

— Так, — кивнул Флетч.

— Поэтому ты воспринимаешь происходящее с ее точки зрения, а я — с его.

— Совершенно верно.

— Алан женился не просто на девушке своей мечты. Он женился на корпорации. Деловом предприятии. На вездесущем тесте, совете директоров, прислуге, «Рэксетс-клабе» и еще бог знает на чём. Если обычная жена — якорь, то этот парень привязал себя к целому континенту.

— Джоан за ленчом упомянула о ранчо в Неваде.

— Да, Алан говорил мне об этом. После подписания сделки я зайдусь страховкой. Через пару недель. Коров там на пятнадцать миллионов долларов.

— Вам повезло.

— Все эти годы я тревожился об Алане. Теперь я должен волноваться из-за коров. Слава богу, коровы не летают.

— Страхование ранчо вам будет вновь.

— Алан позаботился обо мне. Через две недели я должен связаться с одним маклером. Забыл, как его зовут. Где-то записано...

— Джим Свартант?

— Во-во. Именно он. Ты его знаешь?

— Конечно. Отличный мужик.

— Надеюсь, в страховании коров он разбирается лучше меня. Мне наверняка понадобится помощь.

— На ранчо они могут побывать вместе. Джоан и Алан.

— Нет. Тут те же деловые интересы. Покупка ранчо — ее идея.

— Неужели?

— Да. Алану оно ни к чему. Он понимает в коровах меньше меня, а я знаю, что это большой сундук с четырьмя ногами по углам, из которого капает молоко. Он туда не рвется. Ранчо Косто Мучо!

— Я думал, это он предложил купить ранчо.

— Нет.

— Тогда почему Джоан так подавлена?

— Что ты имеешь в виду?

— Может, мне показалось, но создается впечатление, что ей очень невесело.

— Она еще хуже Аланы. Все на полном серьезе. Разве ты этого не замечал? Улыбку из них надо вытаскивать клещами.

— Я, правда, не видел их дочку Джеклию.

— Маленькая мерзавка.

— Маленькая мерзавка?

— Жаль, что у нее нет сестры. Тогда бы я мог взять одну из них за ноги и отколовить ею другую. Хочешь еще выпить?

— Спасибо, Берт. Мне пора на самолет.

— Улетаешь сегодня?

— Заскочу в отель, переоденусь и в аэропорт.

— Лучше бы ты остался и познакомился с моей женой. Может, тебе захочется увезти ее с собой.

— С вами приятно поболтать, Берт.

— Боже, как она отвратительна! Не пропадай, Джон. Как только появилась в городе, сразу заскакивай ко мне.

— Обязательно, Берт. Обязательно.

ГЛАВА 16

— Фараоны. Фараоны. Фараоны.

Два коктейля. Сэндвич с сыром. Три джина с тоником. Флетчу не хотелось вставать. Солнце уже скатывалось за горизонт, но песок еще не остыл и согревал кожу накопленным за день теплом.

Флетч заснул.

Сандо потряс его за плечо.

— Фараоны. Спрячь все, что у тебя есть. Облава.

Тьма. Двойные зажженные фары патрульных машин спускающиеся на пляж. Люди на берегу, поспешно расползающиеся во все стороны, некоторые заходили в океан, другие шли по кромке воды чернеющими в лунном свете силуэтами. Лисицы забрались на птичий двор. Толстяк Сэм вышел из лачуги и сел на песок, скрестив под собой ноги. Гамми Монтгомери приподнялся на локтях. Флетч остался лежать. Бобби он не видел.

Полицейские обошли Флетча справа и слева. Их было семеро. В защитных касках, с опущенными прозрачными щитками, закрывающими лицо. Впереди выступал Каммингс — высокий, широкоплечий начальник полиции.

Они окружили Монтгомери. Каммингс уперся дубинкой в живот подростка.

— Пошли, Гамми!

— О господи! Почему я? Почему всегда я?

— Твой папуля беспокоится о тебе.

— Скажите ему, чтоб он катился ко всем чертям.

— Пошли, пошли! — Каммингс навалился на дубинку посильнее.

— Я ничего не сделал! У меня нет наркотиков!

Дубинка провалилась чуть ли не до позвоночника.

— Это насилие! — Гамми попытался сбить дубинку рукой, но только зашиб пальцы.

— Насилие. Громкое слово для восемнадцатилетнего.

— Мне семнадцать. Оставьте меня в покое!

Другой полицейский, плотный коротышка, внезапно наклонился над Гамми и двинул его в ухо. Тот вскочил, чтобы избежать второго удара.

Флетч после короткого раздумья подошел к не успевшему выпрямиться толстяку и толкнул его в зад. Голова толстяка воткнулась в песок, где только что лежал Гамми.

Третий полицейский поднял дубинку.

Флетч изо всей силы ударил его в живот.

Четвертый, здоровенный детина, сбросил каску и двинулся на Флетча. Тот успел ударить его дважды — в глаз и в челюсть.

Затем что-то треснуло, вспыхнула яркая звезда, и Флетч почувствовал, как подогнулись его колени.

— Дерьмо, — успел пробормотать он.

Его голова лежала на коленях Бобби. В небе сияли настоящие звезды.

— Господи, — выдохнул он.

На пляже царила тишина.

— Голова болит? — спросила Бобби.

— Господи, — повторил Флетч.

— Ко мне прибежал Сандо. Я решила, что тебя убили.

— Голова просто раскалывается.

— Он сказал, что ты ударил полицейского.

— Двух. Трех. Почему я все еще на пляже?

— Ты думал, что окажешься в космосе?

— Нет, в тюрьме.

— С тобой все в порядке? Они ушли.

— Почему они не арестовали меня?

— Я рада, что они оставили тебя здесь.

— Я ожидал, что меня заберут. Я ударил трех полицейских.

— Они могли сгноить тебя в камере.

Появился Сандо. Он жевал запеченную в тесте котлету.

— Эй, парень? Ну как ты?

— Что случилось? — спросил Флетч.

— Они опять забрали Гамми.

— Только его?

— Да.

— Почему они не забрали меня?

— Они хотели. Пара этих горилл потащила тебя за ноги.

— А потом?

— Шеф велел им бросить тебя. Наверное, боялся, как бы они не перетрудились, затаскивая тебя на набережную.

— Не арестовали... Давно они смылись?

— Не знаю. Полчаса, час.

— Чем тебе помочь? — спросила Бобби. — Пойдем домой?

— Ты иди. Я не могу пошевелиться.

— Давай, отведу тебя, — предложил Сандо.

— Нет. Полежу тут.

— Сегодня суббота, — напомнила Бобби. — Мне надо работать.

Она была в белых шортах, легкой блузке и сандалиях.

— Иди работай, — ответил Флетч. — Я оклемаюсь.

— Ты уверен? Ведь сегодня суббота.

— Не беспокойся обо мне.

— Ночка-то долгая будет, — заметил Сандо. — У Толстяка Сэма ничего нет.

Гримаса боли перекосила лицо Бобби. Пагубное пристрастие давало о себе знать.

— Это точно? — спросил Флетч.

— У него нет даже аспирина.

— Господи, — выдохнул Флетч.

Бобби дрожал. — После субботы обязательно наступит завтра.

— Да, — кивнул Сандо. — Воскресенье.

После ухода девушки Сандо посидел еще немного около Флетча, помолчал, затем тоже ушел.

Флетч подгреб песок под голову. Он лежал между стеной на набережной и лачугой Толстяка Сэма, которая просматривалась со всех сторон. Никто не мог войти или выйти из лачуги незамеченным.

Мозг Флетча, казалось, отделился от черепа. Каждое движение и даже мысль вызывали боль.

В волосах запеклась кровь, смешавшаяся с песчинками. За ночь кровь, песок и волосы превратились в единое целое.

Через два с половиной часа Флетч осторожно встал, отошел на тридцать шагов и опустился на колени. Его вырвало.

Затем он вернулся к песчаному ложу.

В лачуге Толстяка Сэма было темно.

Кто-то шел вдоль набережной.

— Кризи, — позвал Флетч.

— Привет! — Кризи подошел вплотную. — О боже, я готов повеситься!

Кризи был в одних шортах, без рубашки, босой. Руки его дрожали, глаза беспокойно шныряли по сторонам.

— Это правда? У Толстяка Сэма ничего нет?

— Да.

— Я видел Бобби. О боже!

— Попробуй разбудить его. Вдруг что-то осталось?

Кризи глубоко вздохнул.

— Придется. Другого выхода нет. Без порошка не обойтись.

Под пристальным взглядом Флетча он доплелся до лачуги, наклонился, исчез в тени. Послышались голоса: один — пронзительный, отчаявшийся, другой — успокаивающий, хладнокровный.

Кризи вернулся.

— О боже. Ничего. Совсем ничего.

— Я знаю.

— О боже!

По телу Кризи пробегала крупная дрожь.

— Толстяк Сэм говорит, что тебе досталось от фараонов. Бобби сказала то же самое.

— Меня стукнули по голове.

— Ты можешь двигаться?

— Не хочу.

— Проклятые фараоны!

Кризи начал глубоко дышать. Может, он надеялся, что гипервентиляция легких поможет ему. Позволит расслабиться. Живот втягивался, грудь раздувалась, как воздушный шар, затем опадала. Снова и снова. В лунном свете ярко блестели его глаза.

— Извини, старик, — сказал Флетч.

— У тебя ничего нет?

— Абсолютно.

— А Бобби?

— Сам знаешь, у нее всегда чисто.

— Я знаю. Она ничего не оставляет. Использует сразу. Всегда. Сразу и всегда.

— Что сказал Толстяк Сэм?

— Ничего он не сказал. Ничего. Ничего.

— Когда принесет товар?

— Он сказал, что начнет продавать завтра утром.

— В какое время?

— Утром. В десять. В одиннадцать.

— Ты доживешь, — заметил Флетч.

— Да, — кивнул Кризи и поплелся вдоль набережной.

Флетчу и раньше случалось драться, терять сознание и проводить ночь на пляже. Самыми трудными были предрассветные часы. Он лежал, не спуская глаз с лачуги Толстяка Сэма и не давая себе заснуть. Выпала роса. Джинсы и рубашка набухли влагой. От холода его стало знобить. Сон сняло как рукой.

Он думал об Алане Стэнвике, ждущем смерти через несколько дней, его жене, дочери, особняке. Флетч чувствовал, что еще не добрался до самой сути. Проверил не все. Не до конца. Выяснил многое, но далеко не все. Флетч старался не строить догадок. Он перебирал лишь факты, не вызывавшие сомнений, которые можно было доверить диктофону. Достоверные факты. Припоминал, что еще нужно проверить. Набиралось многочтота. А источники информации? Он уже переговорил практически со всеми близкими к Стэнвику людьми. Он сосчитал оставшиеся дни: один, два, три, четыре полных дня.

А ведь он должен еще поспать. Он обещал себе, что обязательно высится. Когда-нибудь.

Небо на горизонте

блился к лачуге Ватсаяны. Не выходил из нее Толстяк Сэм.

Без четверти девять Флетч уже обливался потом от жарких солнечных лучей.

Пляж ожидал. Те, кто спал на песке, поднимались. Некоторые уходили за дюны спасти нужду. Никто не разговаривал. Они лишь обменивались взглядами, понимая без слов, что у Толстяка Сэма ничего нет. Сам Толстяк сидел у двери, наслаждаясь утренним солнцем. К нему никто не подходил. Для постороннего взгляда мирная картина — молчаливые молодые люди, разморенные жарой. Флетч видел страх, озабоченность, отчаяние, бесчисленное количество выкуренных сигарет, подавляемую дрожь рук. Он слышал это кричащее молчание. Некоторые из них ничего не принимали два или три дня.

В половине одиннадцатого на пляж вернулся Гамми, в джинсах и широкой гавайской рубашке навыпуск. Его узенькие плечи, казалось, сливались с шеей. Он сидел, не шевелился, глядя прямо перед собой.

Пришли Бобби, Кризи, Сандо, Джули. Они сели наподрядку от Флетча. Никто не произнес ни слова.

Толстяк Сэм скрылся в лачуге.

— Господи, — прошептал Сандо.

К лачуге потянулись люди. В шортах, джинсах, без рубашек. Торговля началась. Они не несли с собой ничего, кроме денег. Первым — Кризи. Затем — Бобби. Они стояли у двери, глядя себе под ноги, не разговаривая, стыдясь своего отчаяния. Джули, Бинг Кросби, Гамми, Флорида, Окурок, Колдун. Флетч пристроился к ним. Люди входили и выходили из лачуги. Товар Сэма доставили. На все вкусы. Сэм торговал вовсю. Толпа редела. Получившие товар спешили утолить свою страсть. Ушел и Флетч. Бобби упорхнула еще раньше.

Отойдя подальше от лачуги, Флетч бросился в океан. Холодная соленая вода помогла соединить бултыхающиеся мозги в единое целое. Вымыть кровь и песок из волос ему не удалось.

Вернувшись в каморку, Флетч услышал колокольный звон. В воскресный полдень жизнь была ключом. Флетч проспал до поздней ночи.

ГЛАВА 17

Приснувшись без четверти три поутру в понедельник, Флетч обнаружил, что рядом лежит Бобби. Он не слышал, как она пришла, как залезла в спальню. И не сразу понял, что она мертва.

Волосы на его голове зашевелились, он выпрыгнул из спального мешка.

В лунном свете Флетч опустился на колени, с трутом подавив крик ужаса. Глаза Бобби глубоко запали, предплечье левой руки распухло. «Слишком большая доза», — догадался он.

До утра он уничтожал в комнате следы пребывания Бобби.

В одиннадцать Флетч сидел посреди комнаты, глубоко задумавшись.

ГЛАВА 18

Добравшись до дома, Флетч почти часостоял под теплым душем. По шоссе он ехал со скоростью ката-фалка. Бобби умерла, он предал ее тело земле. Ему пришлось пять раз намылить голову, чтобы отмыть всю кровь и песок. В конце концов осталась лишь узкая царапина, болевшая от прикосновения пальцев.

Усевшись на диван, Флетч съел два сэндвича, купленных в кафетерии, выпил бутылку молока. На кофейном столике перед ним стоял диктофон. На стене копия картины Уильяма Джеймса «Вишневый берег».

Покончив с сэндвичем и молоком, Флетч прошел в спальню и лег на кровать. Ему в лицо смотрела фотография Фредрика Вайса, сделанная в 1968 году и изображающая мальчика, шагающего по воздуху между крышами. Она называлась «Прыгающий мальчик».

— Бобби, — прошептал Флетч, снял телефонную трубку и набрал невадский номер.

— Свартант Невада Ризл Компани. — Тот же голос отвечал ему в субботу.

— Джима Свартанта, пожалуйста.

— Мне кажется, мистер Свартант... О... он здесь, сэр. Одну минуту, пожалуйста.

Флетч сел. Усилием воли он заставил себя забыть про Бобби. Голос его должен звучать легко и убедительно.

— Джим Свартант слушает.

— Привет, Джим. Это Билл Кармичел.

— Билл Кармичел?

— Биржевой маклер воровской банды в Калифорнии, известной как «Джон Коллинз и компании». Семья Джона Коллинза.

— О, понятно. Как идут дела, Билл?

— Мне кажется, мы встречались, — заметил Флетч.

— Ну, если вам когда-нибудь попадался на пути лысый толстяк, не отрывающийся от бутылки, то мы, несомненно, встречались.

— Алан говорит, что с вашей помощью сделка близится к завершению.

— Какой Алан?

— Алан Стэнвик.

— Кто он такой?

— Он женат на Джоан Коллинз.

— А, зять Джона.

— Да. В общем, Алан рассказал мне о покупке ранчо, я подумал, а не последовать ли мне его примеру, и позвонил вам. Дела на бирже, видите ли, идут не совсем так, как хотелось бы.

— Я его знать не знаю.

— Кого?

— Вашего Аланна. Зятя Джона Коллинза.

— Вы его не знаете?

— Нет. Он сказал, что покупает через меня ранчо?

— Да. За пятнадцать миллионов долларов.

— Нет. Этого не было.

— Черт, а я думал, что все уже решено.

— Может, он только думает о покупке. Пожалуй, я ему позвоню. Какой у него телефон?

— Он не мог вести переговоры через кого-то еще?

— Нет. Если бы в Неваде продавалось ранчо за пятнадцать миллионов, я бы наверняка знал об этом.

— Потрясающе!

— Сейчас никто не продает такое ранчо. Это я могу гарантировать. Есть, конечно, шанс, что это сделка между друзьями или родственниками, без участия маклера. Но и в этом случае до меня дошли бы какие-то слухи.

— То есть Алан Стэнвик не обращался ни к вам лично, ни в вашу контору с просьбой купить ему землю в Неваде?

— Нет. Как я и говорил, мы его знать не знаем. Но мы могли бы подыскать ему что-нибудь подходящее.

— Хочу попросить вас об одной услуге, Джим.

— Я слушаю.

— Не звоните Алану. А не то я окажусь в щекотливом положении. Он говорил о ранчо вчера вечером, у бассейна. А перед этим выпил.

— И, видать, крепко?

— Похоже, что вы не ошиблись.

— Вечно так с новоявленными родственниками. Одни всегда говорят о том, что бы сделали с деньгами других.

— Вы, несомненно, правы. Да он еще и выпил.

— Ну, если он когда-нибудь доберется до денег тестя, пошлите его ко мне.

— Обязательно, Джим.

— А теперь, Билл, что интересует именно вас?

— Не знаю, как и сказать, Джим.

— Вы просто хотели узнать, не соврал ли Алан?

— Что-то в этом роде, Джим.

— Вы что, хранитель денег этой семьи?

— Давайте считать, что я позвонил из любопытства.

— И узнали все, что хотели. Я понимаю. У меня самого дочь обучается актерству в Далласе, в Техасе.

— В каждой семье свои проблемы, Джим.

— Я бы не поменялся с вами работой, Билл. Но звоните любое время. Если Джон наиграет вас следить за этим Аланом, мне без разницы. Впрочем, я бы не отказался нанять вас сам.

— Вы очень проницательны, Джим. Считайте, что я у вас в долгах.

— Не вы, а Джон Коллинз. До встречи.

Вернувшись в гостиную, Флетч тяжело опустился на диван. Голова все еще побаливала.

Зажав микрофон в руке, он откинулся назад и закрыл глаза.

«На текущий момент я бы с удовольствием порассуждал о сути истины, ее иллюзорности, но в последующих умозаключениях, касающихся «Тайны убийства Аланна Стэнвика», я постараюсь придерживаться только ставших известными мне фактов.

Отмечу, однако, что суть истины вообще, а в особенности суть информации по Алану Стэнвику, весьма своеобразна: практически все, что говорят о нем одни люди, начисто отрицают другие. В каждом случае я мог бы поверить тем или иным сведениям, полученным из достоверного источника, но дальнейшие распросы приводили к тому, что другие, не менее достоверные источники сообщали мне нечто совершенно противоположное.

По ходу проводимого мной расследования я переговорил лично или по телефону с секретаршей Аланна Стэнвика, его личным врачом, отцом, женой, тестем, страховым агентом, оказавшимся его другом со студенческой скамьи. Конечно, через третье лицо, я получил информацию от его биржевого маклера. Теперь я в курсе финансового положения всей корпорации и самого Аланна Стэнвика. Известно мне и место, занимаемое им и его женой в светском обществе, а также полицейское досье Стэнвика.

Проводя расследование, я приложил максимум усилий, чтобы Стэнвик не узнал о моей деятельности. Я пользовался разными именами, каждый раз играл новую роль, и никто, за исключением Джима Свартанта, не догадался о цели моих расспросов. Он не сообщил о нашем с ним разговоре ни Стэнвiku, ни его родственникам.

Пока в Алане Стэнвике я вижу ум, здоровье, энергию. Он пользуется уважением в обществе, семье,

в деловых кругах. Я бы даже сказал, что он порядочный человек. Более того, верный и принципиальный.

Во-первых, он чист перед законом, если не считать неоплаченного штрафа за стоянку в неподложенном месте в Лос-Анджелесе и жалобу в бытность его летчиком о пикировании на жилой дом в Сан-Антонио в штате Техас при выполнении тренировочного полета.

От его биржевого маклера, Уильяма Кармичела, мы узнали, что финансовое положение Аланна Стэнвика весьма устойчивое. Стоимость принадлежащих ему ценных бумаг превышает миллион долларов. Со временем, учтывая, кому он работает и на ком женат, Стэнвик сможет не только сколотить значительное личное состояние, но и возглавить одну из крупнейших корпораций страны. Даже если это не произойдет, Стэнвик за несколько лет смог накопить больше ста тысяч, несмотря на высокий уровень жизни своей семьи. Похоже, каждый год он кладет в банк двадцать — двадцать пять тысяч долларов только потому, что не знает, куда их потратить.

Из этого ясно, во всяком случае, для меня, что азартные игры ему чужды. Не станет он подделывать счета корпорации. Скорее всего никто не шантажирует Стэнвика.

Я убежден, что доктор Джозеф Делвин вложил немало средств в акции «Коллинз Авиэйшн». Об этом говорила Джоан Коллинз Стэнвик. Несколько человек подтвердили, что слух о болезни Стэнвика вызовет немалые трудности для «Коллинз Авиэйшн», если только Стэнвик не успеет найти себе замену.

Ненавязчивое упоминание о раке в разговорах с женой, отцом и тестем Стэнвика не вызвало видимой ответной реакции. То ли они хорошие актеры и прекрасно контролируют свои чувства, то ли находятся в полном неведении, но по поведению ближайших родственников Стэнвика можно понять, что эта болезнь не имеет к нему никакого отношения.

Таким образом, это направление зашло в тупик.

Финансовое положение Стэнвика, его семейные отношения и здоровье безупречны. Нет изъянов и в его светской жизни. По словам редактора отдела светской хроники Амелии Шерклифф, Стэнвики — очень милая, хотя и скучноватая, пара. Она даже полагает, что они все еще могут любить друг друга. Светское общество сразу приняло Аланна Стэнвика в свой круг. Несомненно, он умеет ладить с людьми. Ему чужды глупость, обособленность, раздражающее упрямство. Его любят, им восхищаются.

То же самое можно сказать о его родственниках и близких друзьях. Не то, чтобы у него совсем нет недостатков. Жена хочет, чтобы он проводил с ней больше времени. Тестя считает, что ему недостает чувства юмора. Отец сожалеет, что он слишком долго сидит на телефоне. Давнему другу, Берту Эберхарту, кажется, что он черезчур серьезен. И все сообщают о том, чтобы он прекратил испытывать экспериментальные самолеты.

Его женитьба на дочери босса не осталась незамеченной. Но, как правильно заметил кто-то из моих собеседников, не оставаться же ей старой девой. А послушав Берта Эберхарта, Кэрредайна, Кармичела и самого Джона Коллинза, я пришел к выводу, что «Коллинз Авиэйшн» повезло с таким руководителем. Так что в плюсе остался не только Стэнвик.

Он не просто паразитирует на богатой жене, как предположил Джим Свартант из Невады.

А теперь о некоторых противоречиях, выявленных по ходу расследования.

Алан Стэнвик говорит, что умирает от неизлечимого рака. Этого никто не подтверждает. Если Стэнвик и болен, то никому, кроме него самого, об этом не известно.

Жена и тестя Стэнвика утверждают, что он в ссоре с родителями. При этом каждые шесть недель он летает через всю страну, чтобы повидаться с ними.

По словам Джоан, отец заставил Стэнвика заниматься боксом, что и послужило причиной разрыва. Марвин Стэнвик начисто это отрицает.

Несмотря на регулярные, раз в шесть недель, визиты к родителям, подтвержденные звонком в «Нонхиген Инн», Алан не сказал им, что у него есть дочь, а у них — внучка.

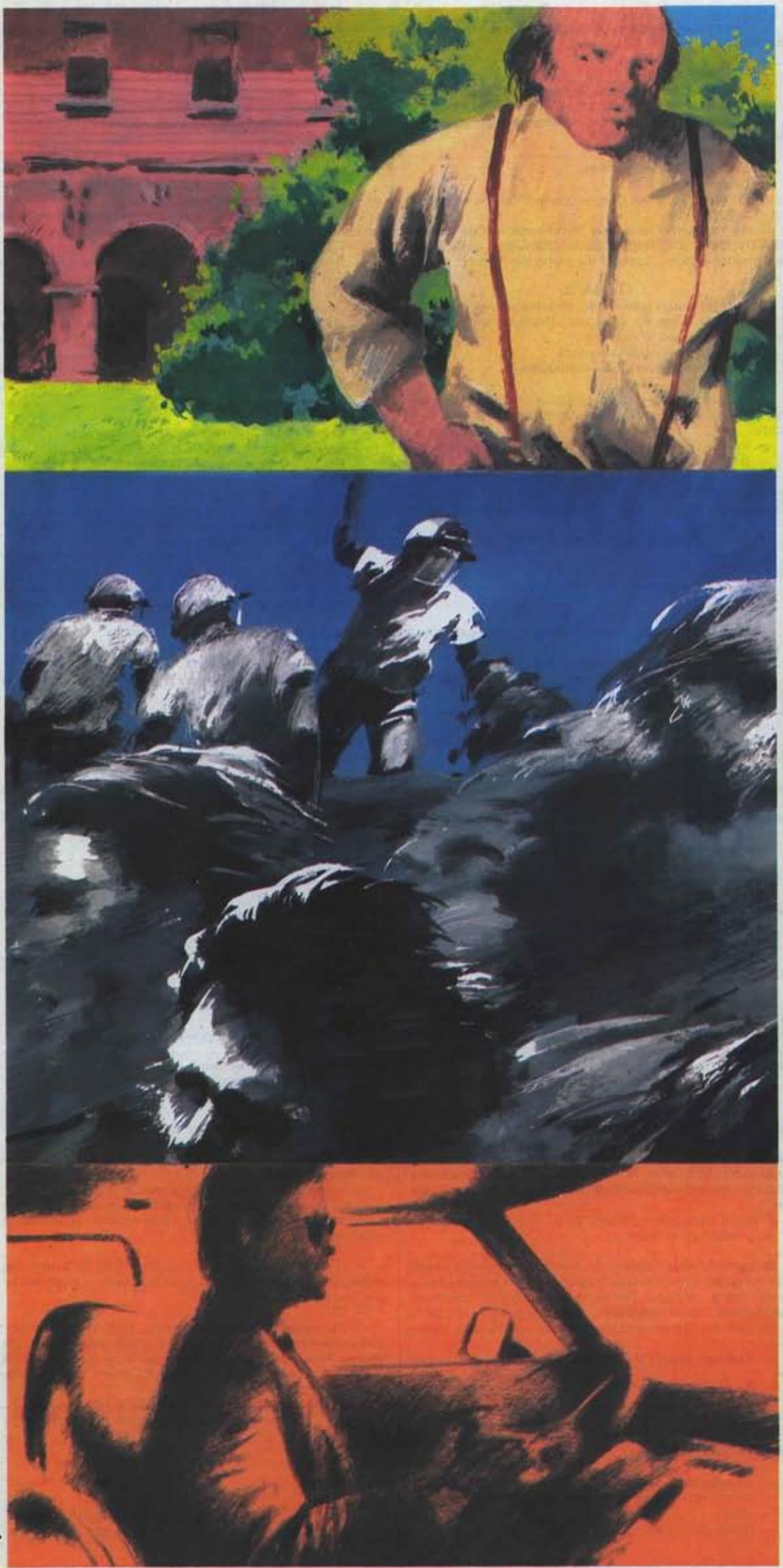
Все полагают, что Алан Стэнвик покупает ранчо в Неваде: его жена, тестя, биржевой маклер, страховой агент. Все, за исключением Джима Свартанта, который, по заверению жены Стэнвика и его страхового агента, помог найти ему это ранчо. Свартант безапелляционно заявил, что понятия не имеет, кто такой Алан Стэнвик, и не занимается его делами.

С некоторой натяжкой можно найти объяснение и этим противоречиям, так как теперь мы располагаем некоторой информацией об Алане Стэнвике.

Разгадка видится мне в словах Берта Эберхарта: «Алан так скрытен, что никому ничего не скажет, даже если заболеет раком».

Алан Стэнвик, возможно, неизлечимо болен, хотя об этом никто не знает.

Есть своя логика и в его довольно странных отношениях с родителями. Вероятно, он их очень любит. Единственный сын, он обладает глубоким чувством привязанности. Судя по всему, те же чувства питает

Рисунки Левона Хачатряна

он и к своему давнему другу, Берту Эберхарту. Как говорит Марвин Стэнвик, Алан отдыхает душой, навеяша родной городок.

При этом он понимает, что в мире Джоан и Джона Коллинзов нет места для Марвина и мамы Стэнвик. Ему ясно, что они будут нервничать, чувствуя себя не в своей тарелке. Поэтому он мог сдвинуть дату свадьбы, не сообщить о рождении дочери и говорить всем и вся, что в ссоре с родителями — только для того, чтобы не доставлять им излишних волнений.

Теперь о загадочном ранчо в Неваде. Изначально он хотел купить ранчо по самой прозаической причине: выгодное вложение капитала. Ни он, ни Джоан не собирались там жить. Поэтому никто не помнит, кто первым заговорил о ранчо, Алан или Джоан. Никому из них оно не нужно. Для них покупка ранчо — чисто деловая операция.

Возможно, Алан приступил к ее практическому осуществлению: посоветовался с биржевым маклером, страховым агентом, тестем, женой. После этого он узнал, что у него рак. И решил отдать все время и силы для подготовки «Коллинз Авиэйшн» к своему уходу. Причем так, чтобы никто об этом не узнал. А это не так-то просто. Он понимал, что может не успеть оформить покупку ранчо, но не мог сказать об этом своим близким, не указав причины, то есть своей болезни. Поэтому он создавал впечатление, что все идет своим чередом. Вполне возможно, что на вопросы Джона Коллинза о ранчо и Свартонте Стэнвик всегда отвечал: «Да, да, все нормально». Он мог согласиться отвезти жену на ранчо в следующий уик-энд, хотя никакого ранчо не существовало, потому что знал, что для него следующего уик-энда уже не будет.

Выходит, что в выявленных противоречиях нет ничего необъяснимого.

И все же один вопрос остается без ответа.

Если Алан Стэнвик хочет покончить жизнь самоубийством, почему он не выберет самый естественный для себя путь?

Почему он не хочет разбиться в авиакатастрофе?»

Флетч выкинул в мусоропровод обертки сэндвичей и бутылку из-под молока. В спальне тщательно упаковал большой чемодан. Теннисные шорты. Три пары джинсов. Шорты из джинсовой ткани. Футболки. Рубашки. Галстуки. Нижнее белье. Бритвенные принадлежности. Два костюма. Два пиджака спортивного покроя. Две пары брюк. Записную книжку. Черные туфли. Три пары черных носков. Три пары коричневых. Паспорт.

Положил пачку бумаги и копирку на пишущую машинку и закрыл ее крышкой.

Надел коричневые туфли, носки того же цвета, рубашку, брюки, галстук, пиджак. Не забыл и солнцезащитные очки.

С диктофоном, чемоданом и пишущей машинкой спустился в гараж. Поставил диктофон на переднее сиденье, пишущую машинку — на пол, чемодан положил в багажник.

Затем поехал к административному корпусу «Коллинз Авиэйшн» и принялся ждать.

ГЛАВА 19

К главным воротам «Коллинз Авиэйшн» Флетч подъехал в четыре часа дня. Без пятнадцати пять он увидел, как одетый в серую форму охранник вышел из будки, засвистел, замахал руками, освобождая дорогу, и отдал честь выезжающей машине. То был серый «ягуар ХКЕ» с номерным знаком 440-001. Автомобиль свернул налево.

За рулем сидел Стэнвик.

Флетч поехал следом.

Джоан Стэнвик говорила, что по понедельникам и средам Алан задерживается допоздна. В эти дни он редко приходил домой раньше полуночи. Он работал.

Сегодня был понедельник, а Стэнвик уехал с работы без четверти пять.

На перекрестке улицы Стивенсона с Главной он свернул направо. Следуя за ним, Флетч решил, что Стэнвик направляется к автостраде, но тот, проехав двенадцать кварталов, повернул налево, на улицу Сибири, и въехал на стоянку у винного магазина. Флетч остановился на другой стороне улицы.

Стэнвик вошел в магазин, затем вновь появился на автостоянке. Наблюдая за ним, Флетч мог лишь ответить, что видит довольно жизнью, не обремененного заботами человека. Он входил в магазин, засунув руки в карманы. Уверенной, неторопливой походкой. С бесстрастным лицом. Когда он вышел, на его губах еще играла улыбка. Вероятно, высказанный им комплимент пришелся продавщице по душе. В бумажном пакете он нес по меньшей мере три бутылки. Ему потребовалась лишь секунда, чтобы найти ключ зажигания в связке ключей.

Еще через три квартала Стэнвик повернулся налево на улицу Патнэм и, проехав с полмили, свернул на темную стоянку рядом с кварталом одноэтажных коттеджей. Он поставил «ягуар» в дальний ряд, у самых деревьев. Флетч предпочел средний ряд, на ярком солнце. Стэнвик запер машину, пересек стоянку

с пакетом бутылок в руках, посыпанной гравием дорожке подошел к одному из коттеджей и скрылся в подъезде.

Флетч подождал десять минут.

Затем сам вошел в подъезд.

В коттедже было две квартиры. Левая, судя по надписи на забитом корреспонденцией почтовом ящике, принадлежала Чарльзу Райсу.

Правая, с пустым ящиком, Сандре Фолкнер.

Табличка на стене указывала, что по всем вопросам следует обращаться в компанию «Братья Грин. Управление».

— Где Гамми?

Кто-то набрался сил и разжег на пляже костер. Ночь была довольно прохладной. Вдоль берега виднелось еще несколько огоньков.

— Флетч, — позвал Ватсаяна.

В углу гаража Флетч переоделся в джинсы. Теперь он жалел, что не надел футболку.

— Где Гамми? — повторил он.

— Мелькал тут днем, — ответила Джули.

— Куда он пошел? Что сказал?

— Не знаю. — Джули покачала головой.

— Кто-нибудь видел Гамми?

Ответа не последовало.

— Где Бобби? — спросил Ватсаяна.

— Ушла, — ответил Флетч.

— Куда? — Во взгляде Ватсаяны сквозила озабоченность.

— В шоколадный замок на небесах.

Ватсаяна промолчал.

Завернувшись в одеяло, у стены набережной лежал Кризи. Флетч постоял над ним в темноте, гадая, спит ли тот или погрузился в мир наркотических грез.

— Что случилось, парень? — спросил вдруг Кризи.

— Я ищу Гамми.

— Он загнулся.

— Что значит загнулся?

— Фараоны допекли его. Сколько можно служить мальчиком для битья?

— Ты не знаешь, куда он пошел?

— Он не мог не смыться. Всему приходит конец. Его бывают и бывают. А стоит ему появиться дома, как за него принимается папаша. Его бывают всегда и везде.

— Я ищу Гамми, — настаивал Флетч.

— Как мои старые барабаны. Я жалею о том, что был по ним. Палками. Каждый вечер. Барабанными палочками. Я был по моим барабанам. Откуда мы знаем, что натянутые на них шкуры ничего не чувствуют? Что, если им было больно, когда я был по ним? По-настоящему больно?

— Я об этом ничего не знаю, Кризи.

— Я должен терпеть боль. Чтобы искупить причиненное мной зло.

— Ты не думаешь, что барабаны могут тебя простить?

— Христианские барабаны. Это идея. Бей кого угодно, что угодно, если хочешь, даже барабаны, и они должны тебя простить, потому что так сказал Человек Христос.

— Я ищу Гамми. Ты его видел?

— Нет. Где Бобби?

— С ней все в порядке, — ответил Флетч.

— Она ушла? Я уже не помню, когда видел ее.

— Ты видел ее вчера утром.

— Да. Она хотела уколоться. Потом укололась. Флетч, ты знаешь, она укололась. Когда я видел ее в последний раз.

— Я знаю.

— Она укололась. И ушла?

— Да. Ушла.

— Господи!

Флетч постоял над Кризи, затем пошел вдоль берега.

У следующего костра он присел на корточки, переждал минутку. Все молчали.

— Кто-нибудь видел Гамми?

Никто не ответил.

Лопоухий подросток Бинг Кросби вопросительно смотрел на Флетча, словно хотел вновь услышать его слова.

— Я ищу Гамми.

Сорокалетний мужчина, с нарисованными на свитере телефонной трубкой и надписью «ПОЗВОНИ МНЕ», бросил: «Его здесь нет».

Флетч чуть посидел и двинулся дальше.

У следующего костра Окурок сказал, что Гамми скорее всего вернулся домой, к родителям. Джаггер предположил, что Гамми снова забрала полиция.

Поднявшись на ноги, Флетч увидел стоящего позади Ватсаяну. Они вместе отошли от костра.

— Почему ты ищешь Гамми?

— Бобби просила ему кое-что передать.

— Где Бобби?

— Она ушла.

— Где Бобби?

— Она ушла. С концами.

— Куда?

— Я дал ей рюкзак, набитый протеиновыми таблетками и крекерами, который я украл в супермаркете «Адвентист Седьмого Дня».

Ватсаяна остановился:

— Я спросил, где Бобби?

— Послушай, вчера ты продал ей все, что она хотела, так?

— Да.

— Вот она и ушла.

В лунном свете Ватсаяна не мигая смотрел на него.

— Зачем тебе Гамми?

— Я тебе сказал. Бобби хотела передать ему несколько слов.

— Скажи их мне.

— Я скажу только Гамми.

— Скажи мне.

— Отвали. Толстяк Сэм, — бросил Флетч и двинул его к набережной.

В эту холодную ночь ему было неуютно на расстеленном мате. Ему недоставало спального мешка. Недоставало Бобби. Вдвоем им было бы тепло.

ГЛАВА 20

Флетч услышал тяжелые, поднимающиеся по лестнице шаги. Они не спешили. Пересекли площадку перед его дверью и пропали.

Дверь медленно распахнулась.

В проем заглянули двое полицейских.

Флетч сел.

— Доброе утро, — поздоровался первый полицейский. Оба они успели принять душ, побриться, выпить кофе.

— Какой сегодня день? — спросил Флетч.

— Вторник.

Второй полицейский оглядел комнату в поисках сиденья. В его глазах Флетч прочитал гордость за собственное жилище, собственную мебель, несравнимые с жалкой циновкой на полу.

— Тебе придется проехаться с нами.

— Зачем?

— Шеф хочет тебя видеть. У него есть вопросы.

Флетч разглядывал свои голые ноги.

— Я готов.

— Тебе не надо облегчиться?

— С какой стати? Разве в полицейском участке нет туалета?

Часы показывали три четверти седьмого.

Один из полицейских открыл для Флетча заднюю дверцу патрульной машины и закрыл ее, как только тот забрался в кабину. Сетка из толстой проволоки отделяла переднее сиденье от заднего.

Заднее сиденье было сломано. Пахло блевотиной. На сиденье и полу запеклись пятна крови.

— У вас тут воняет, — пожаловался Флетч. — Или вы этого не знаете?

— У нас все отлично, — ответил полицейский, сидевший рядом с водителем.

— Как твоя голова? — спросил водитель.

Флетч уже позабыл об ударе дубинкой.

— Сегодня не болит. Это не вас двоих я уложил ночью на пляже?

— Нет, — усмехнулся водитель. — Это я уложил тебя.

— Недурно у вас получилось!

— Всегда рад услужить.

— Как получилось, что вы не арестовали меня тогда?

— Шеф не велел. Раскис старик.

— Всякий раз возвращается из Мексики размягший. Налибается на свой пенсионный домик и раскисает, — пояснил второй полицейский. — Он ездит туда пересчитывать грейпфруты или что-то еще. Ему это нравится.

— Скоро ему на пенсию?

— В следующем году.

— Я-то надеялся, что он уйдет раньше, чем мы доедем до участка, — вздохнул Флетч.

Они выехали на Главную улицу. Разговор сквозь решетку не клеился. Флетч хотел открыть окно, но оказалось, что ручек нет. Вероятно, полицейские опасались, что кто-нибудь повесится на них прямо в кабине.

К горлу подкатила тошнота.

— У вас тут воняет.

Внешне Грэхем Каммингс не мог быть никем иным, как начальником полиции. Коротко стриженные стальные волосы, волевой подбородок, широкие, массивные плечи. Человек, одно появление которого в городе гарантировало ему место начальника полиции.

— Как вас зовут? — подчеркнуто вежливо спросил он.

— Флетч.

— Ваше полное имя?

— Флетч Флетч Флетч.

В кабинете они сидели вдвоем, по разные стороны алюминиевого стола.

— Флетч часом не сокращение от Флетч?

— Возможно.

— Флетч — ваше имя или фамилия?

— Имя.

— Ваша фамилия?

— Смит.

— Флетч Смит, — кивнул Каммингс. — Кажется, мне уже встречалось такое сочетание.

— Флетч Смит?

— Нет, просто Смит. Где вы живете, Смит?

— Адрес я забыл. Там, где сегодня утром нашли меня ваши громилы.

— Вы там живете?

— Уик-энд я провожу на Гавайских островах.

— Вы живете один?

— Если не считать ручного таракана.

— Чем вы зарабатываете на жизнь?

— Чищу обувь.

— В вашей комнате не было ни щеток, ни гуталина.

— Должно быть, меня ограбили ночью. Буду уходить от вас, подам жалобу.

— Похоже, вы не поддерживаете тесного контакта со своей конторой, мистер Флетч.

— Простите?

— Вчера вечером мне звонила ваша начальница из «Ньюс-Трибюн». Ваш редактор. Некая миссис Сноу. Я не ошибся? Клара Сноу.

— Дерьмо.

— Она сообщила мне, что вы готовите статью для вашей газеты о распространении наркотиков на побережье. И попросила присматривать за вами. Она сказала, что, по ее мнению, вы что-то нащупали. Если вы попросите защиты у полиции, мы должны знать, кто вы такой, и предоставить требуемое.

— Дерьмо!

— Вы — И. М. Флетч из «Ньюс-Трибюн»?

— Вам привезли другого И. М. Флетчера.

— Вы что-нибудь нащупали, мистер Флетч?

— Нет.

— Ну-у, мистер Флетч?

— Идите к черту.

Каммингс, навалившись локтями на стол, пристально смотрел на Флетча.

— Мистер Флетч, мне кажется, вы кое-что подзабыли. К примеру, маленькое правило, гласящее, что при контакте с полицией вам необходимо немедленно заявить, что вы — журналист. Вы забыли это правило?

— Оно ускользнуло из моей памяти.

— Вы нарушили это правило, мистер Смит.

— Поэтому вы задержали меня?

— Второе. Мы знаем, что вы жили здесь с юной девушкой по имени Бобби.

— Неужели?

— Где Бобби?

— Она ушла.

— Куда ушла Бобби?

— Не знаю. Наверное, решила вернуться домой.

— В этом я искренне сомневаюсь. Наркоманы редко покидают места, где могут доставать то, что им требуется.

— У нее был запас. На дорогу ей хватит.

— Когда она уехала?

— Воскресной ночью.

— Каким транспортом?

— Она улетела.

— Мы нашли в вашей комнате марихуану и героин.

— У вас был ордер на обыск?

— Мы не обыскивали комнату. Мы случайно нашли наркотики в духовке.

— Я прятал их от Бобби.

— Вы виновны в хранении сильнодействующих наркотиков.

— Это вещественные доказательства для моей статьи.

— У кого вы их купили?

— У Толстяка Сэма.

— Почему марихуана была в пакетах полицейской лаборатории?

— Кто знает, откуда попадает товар к Толстяку Сэму?

— Зачем вы купили марихуану? Разве одного герина недостаточно?

— Я люблю писать обоснованные статьи.

— Статья, которую вы написали прошлой осенью о Полицейской Ассоциации, получилась не очень-то обоснованной.

— Что?

— Я помню ту статью. И подпись. И. М. Флетч. Вы написали, что Полицейская Ассоциация — клуб выпивох и ничего больше.

— О!

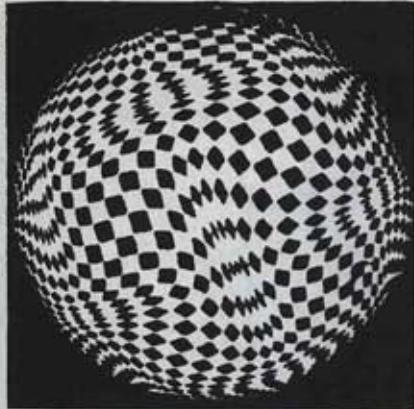
— Вы лишь походя упомянули о том, что мы проводим семинары по обмену опытом, собираем деньги для нашей Академии, что в прошлом году мы подарили машину «скорой помощи» городу Орнега в Калифорнии.

— Я польщен тем, что вы читаете мои статьи.

— Вы поняли, к чему я клоню, мистер Флетч?

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

Продолжение следует.

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Итоги конкурса составления задач-миниатюр

ДВУХХОДОВКИ, 1987—1989

1-й почетный отзыв — М. Власов,
д. Карбас Пермской обл.

Белые: Kph8, Fg8, Cg4 (3)
Черные: Kph4, Cf1, п. g3 (3)

Хорошее вступление приводит к трем правильным матам: 1. Cf3! Kph3 2. Fh7x, 1...g2 2. Fg4x (угроза), 1... Ch3 2. Fd8x.

2-й почетный отзыв — В. Желтоночко, Свердловск

Белые: Kpf6, Ff1, Cf4, Kd3, п. b4 (5)
Черные: Kpe4, п. a5 (2)

Близнец: пешку b4 перевести на g3. В решениях близнецов представлено чередование матов угрозы и варианта — тема ле Гранд. а) 1. Ke5! с угрозой 2. Fc4x, 1... Kpd5 2. Fd3x. б) 1. Kb2! с угрозой 2. Fd3x, 1... Kpd5 2. Fc4x.

3-й почетный отзыв — В. Федотов,
г. Снежное Донецкой обл.

Белые: Kpf2, Fc3, Cb2, Kd8 (4)

Черные: Kpd5, Kf5, п. d7 (3)

Задача-блок с хорошим выжидательным ходом — 1. Ca1!

1-й похвальный отзыв — Н. Белик,
г. Ульяновск

Белые: Kpe3, Ff1, Kg1, п. h3 (4)

Черные: Kph2, пл. e4, e5 (3)

Задача-блок с переменой мата. Вначале: 1...Kpg3 2. Ff2x. Выжидательного хода нет. Решает 1. h4! Kpg3 2. Fh3x, 1... Kph1 2. Kf3x.

2-й похвальный отзыв — В. Алексеев, п. Чодраял Марийской АССР

Белые: Kph5, Fg1, Kc1, Kc4, п. e3 (5)

Черные: Kpf3, Kf2 (2)

1. Kpg6! — цугцванг. 1... Kpe4 2. Fg2x, 1... K~ 2. Kd2x, 1... Ke4 2. Ke5x. Два первых маты — правильные.

3-й похвальный отзыв — В. Сучков, г. Чебоксары

Белые: Krc5, Fg1, Lb4 (3)

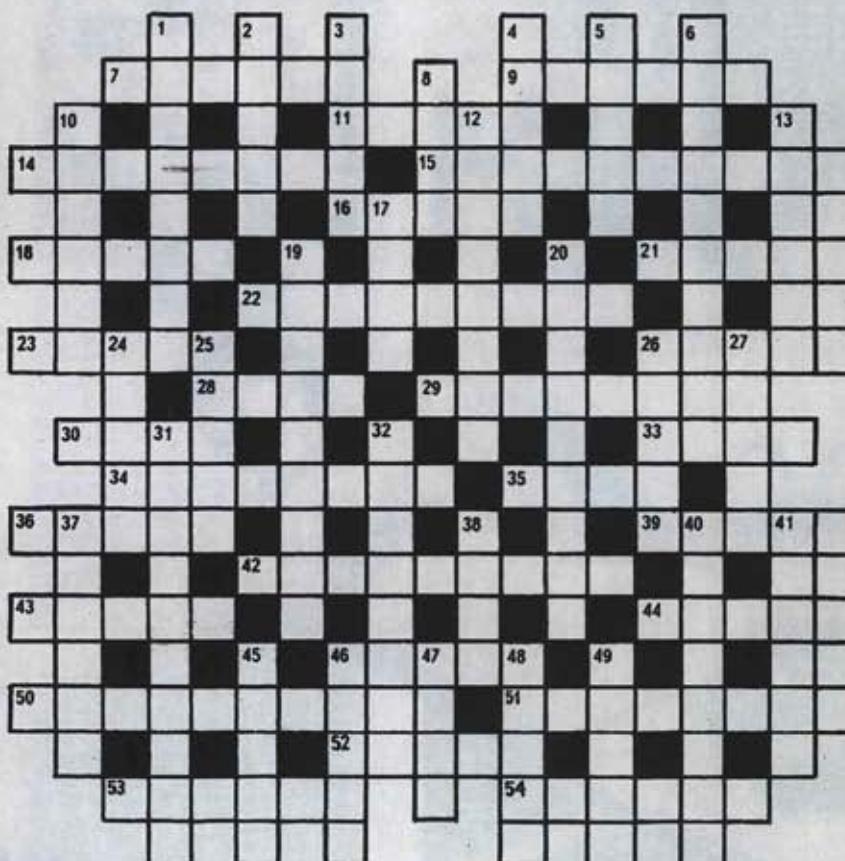
Черные: Kra5, Cb3, п. a4 (3)

Решает неожиданная жертва ладьи: 1. Kpd6!

Итоги конкурса предварительные. Замечания следует присыпать в течение двух месяцев после данной публикации.

КРОССВОРД

Составил Г. Волков, Кострома

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Ткань, названная именем фланандского мастера XIII века, первым ее выткали. 9. Поэт, которому А. Ахматова обязана больше, чем любому другому. 11. Ювелирный камень; им в Древнем Риме настилали полы. 14. Забор, за которым спасались герои в романе Р. Стивенсона «Остров сокровищ». 15. Древнеримский оратор, сказавший: «Что бы ни делали государи, кажется, будто они это предписывают всем остальным». 16. Цветок, дальше стоящий в вазе, если у него удалены тычинки. 18. Приток Шилки, один из виновников летнего наводнения на реке. 21. Конек, увлечение. 22. Мария Шимановская (музыкальное призвание). 23. Музыкальный знак. 26. Озеро на севере Челябинской области. 28. Субстанция, делающая человека человеком. 29. Роющее насекомое, у которого передние ноги похожи на передние ноги крота. 30. Создатель французского пасторального

романа. 33. Зной. 34. Жанр, с которого началось творчество Н. Языкова. 35. Непоседа. 36. Исследователь, достигший Южного полюса на 33 дня позже Р. Амундсена. 39. Видный английский шахматист первой половины XIX века. 42. Бессмыслица, чушь. 43. Племя сарматов, возглавлявшее на рубеже н.э. военно-политический союз кочевников в Северном Приазовье. 44. Степени родства. 46. Художник, «великий старец искусства XX века». 50. Советская поэтесса. В детстве долго не говорила и считает, что едва ли не первым ее осмыслиенным словосочетанием была фраза при виде тюльпана: «Я такого не видела никогда». 51. Поделочный камень из полевых шпатов. 52. Растение, чай корене в Америке используют в народе как средство от укуса змей. 53. Получение сложного химического соединения из более простых. 54. Поэтическое название румянца на щеках.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Птица, прилет которой славили в Древней Греции и на Украине. 2. Коварный ход шахматного коня. 3. Остров с лагуной. 4. Садовое растение, клубни которого на юге Африки едят. 5. Буква греческого алфавита. 6. Учреждение, где И. Крылов прослужил 30 лет. 8. Полный круг работ, заканчивающийся готовой продукцией. 10. Нож для рубки сахарного тростника. 12. Английский парный бальный танец. 13. Начало спортивного прыжка. 17. Денежная единица Японии. 19. Всякий последователь немецкого философа, которого С. Цвейг назвал самым свободным из людей. 20. «Украинский Сократ». 24. Французский скульптор. Немало его работ в Лувре. 25. Болотное лакомство лосей. 26.

Один из Маршалловых островов. 27. Дальневосточный тюлень, чьи движения при опасности напоминают прыжки. 31. Самое доступное средство останавливать мгновения. 32. Экипаж, в котором И. Репин в 1863 году по дороге в Петербург ехал из Москвы. 37. Народ в СССР. Непременная часть мужской национальной одежды — кожаный пояс. 38. Кровельный материал. 40. Героиня «Светланы» В. Жуковского. 41. Начинка «овощной бомбы». 45. Изображение крылатого мальчика в искусстве итальянского Возрождения. 46. Одно из двух основных направлений в исламе. 47. Наставленная на топком месте дорога. 48. Крупныйпольский текстильный центр. 49. Решительная атака.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

1. Сляб. 6. Зебу. 9. Волхв. 13. Углан. 15. Окол. 17. «Рено». 18. Лужа. 19. Дина. 21. Перидот. 22. Ермаков. 23. Монахист. 24. Склад. 27. Шишка. 29. Аргоном. 32. Эстетика. 33. Серебро. 34. Индия. 35. Кроха. 36. Чечетка. 37. Эчмен. 39. Отрок. 41. Раскрой. 43. Флютбет. 45. Рикаплер. 48. ...манси. 51. Полок. 52. Сентисимо. 54. Полизад. 56. «Ипполит». 59. Отец. 60. Овца. 61. Игла. 62. Нона. 63. Тиара. 64. «Ылдыз». 65. Троя. 66. Шарм.

По вертикали:

1. Сноп. 2. Явор. 3. Боливар. 4. Цветонос. 5. Мужество. 6. Задание. 7. Еник. 8. Удав. 10. Хром. 11. Топаз. 12. «Плаха». 14. Гарт. 16. Кепка. 20. Ножка. 25. Лун. 26. Доницетти. 27. Штурмтрап. 28. Шлях. 30. Меценат. 31. Щебенка. 32. Эректор. 38. Чепи. 40. Осел. 41. ...резерват. 42. Имрильык. 43. Фагот. 44. Юстиция. 46. Погоныш. 47. Робин. 49. Атлас. 50. Эсхил. 52. Сдор. 53. Опал. 54. Порт. 55. Лето. 57. Лоза. 58. Тайм.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА'89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1500) НОЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель главного редактора)

Борис ДАНОЮЕВСКИЙ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Андрей КУЧЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Оформление

Владимира ЗАЙЦЕВА

Технический редактор

Александра ГУСЕВА

Сдано в набор 04.10.89.

Подписано к печати 17.10.89.

А 00385. Формат 70 × 108.

Бумага для глубокой печати.

Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.

Усл. кр.-отт. 19.60. Уч.-изд. л. 10.26.

Тираж 2 500 000 экз.

Заказ № 1279.

Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:

212-21-59 — рабочей молодежи и науки.

212-21-38 — коммунистического воспитания.

212-23-79 — фотоочерки.

251-32-84 — военно-спортивный.

251-32-84 — международной жизни.

251-04-10 — литературы и искусства.

212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
тиография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Рукописи объемом

более одного авторского листа

(24 машинописные страницы)

редакции не рассматриваются.

СТАНИСЛАВ ЧЕРЧЕСОВ

Сергей МИКУЛИК

Он долго был дублером. Пожалуй, даже слишком долго. И к тому же не очень удачливым.

В 20 лет сорвался из родного Орджоникидзе в Москву, в «Спартак», учиться футболу у Дасаева с Бесковым и даже готов был отсидеть пару лет на скамейке запасных, чтобы потом... Что будет в точности потом, он в столице вслух сказать не решался, но другую детства, уезжая, шепнул, что если он не будет со временем первым, то тот может с ним больше не здороваться.

Но время, однако, шло, а мнивший себя мастером явно засиживался в подмастерьях. Конечно, Дасаев был Дасаевым, и чтобы мечтать отодвинуть его на вторые роли, требовалось обладать чем-то еще большим, нежели врожденная взрывная реакция и неуемное желание труиться. И прежде всего опытом, которого-то Черчесову как раз и негде было набираться.

Судьба подбрасывала ему время от времени шансы — либо Дасаев прибаливал, либо наш календарь всесоюзного первенства, часто несурзанный, не давал возможности первому вратарю страны восстановиться после важных международных встреч. И тогда из дубля, как из окопа, выходил Черчесов и... пропускал голы. Неопытный, не сыгранный с защитниками, он все хотел взять на себя, он всякий раз был готов на

Не бойтесь
дважды
штурмовать
вершину!
С. Черчесов

подвиг, и этим умело пользовались те, кто неорганизованному героизму предпочитал порядок. Станислав, бывало, пропускал по три-четыре мяча за игру, а однажды, в Вильнюсе, вынул из сетки целых пять. Таким фиаско могли похвастаться немногие из самых закоренелых неудачников.

И когда второй вратарь «Спартака» оказался в канун прошлого первенства в составе «Локомотива», болельщики чемпиона не восприняли это как большую потерю для команды. Дасаев-то оставался, и какая в конце концов разница, кто будет «под ним». Уходили же и Бирюков, и Прудников, помастеровитее Черчесова вратари, и ничего, пережили ведь.

За пять проведенных в «Спартаке» лет я ничего, кроме «спасибо», не могу сказать столько сделавшим для меня людям. Но я хотел играть, я чувствовал, что чему-то научился, но где это проявить? Я отнюдь не минер по натуре со своим юным темпераментом. И на тех редких играх, когда ставили в основной состав, горял в общем-то закономерно. Но как же я хотел, чтобы игр этих было больше...

В «Локомотиве» такую возможность ему предоставили. И выяснилось вдруг, что вспыльчивый и импульсивный джигит может быть спокойным и уравновешенным. Что реакция у него никуда не ушла, а рабо-

тать он по-прежнему готов за троих.

И что неберущихся мячей в общем-то нет: дело умеет платить добром за преданность.

А в «Спартаке» тем временем собрался в Испанию Дасаев. А в «Спартаке» не стало Бескова. Кому-то нужно было заполнять вакансии.

— В «Локомотиве» я встал на ноги. И никогда этого не забуду. Но, говорят, судьба иногда дает второй шанс. И когда меня вновь позвали в «Спартак», я согласился. Не потому, что место это долго высаживал, нет. Просто не в моих правилах отступать от вершины, если она не покорилась с первого раза.

Он вполне отдавал себе отчет в том, кого ему предстояло заменить. Десять последних лет «Спартак» атаковал без оглядки на свои ворота — Дасаев сам гнал вперед партнеров. И перестраивать этот стиль никто не собирался. И половина этого, такого долгого по меркам быстротечной спортивной жизни срока Станислав спал и видел себя первым. Именно в этих воротах.

«Спартаку» многие предсказывали в этом году спад. Без Бескова, без Дасаева. А команда вдруг взлетела. В своем стиле — без оглядки на ворота. В них встал человек, который когда-то пообещал другу детства стать первым. На каждый матч он выходит, как на последний бой. И выигрывает его. Как? Приходите, увидите.